

Артур Конан
ДОЙЛ

*Самые знаменитые
расследования
Шерлока Холмса*

Зарубежная классика (Эксмо)

Артур Конан Дойл

**Самые знаменитые
расследования Шерлока Холмса**

«ЭКСМО»

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Дойл А.

Самые знаменитые расследования Шерлока Холмса / А. Дойл —
«Эксмо», — (Зарубежная классика (Эксмо))

ISBN 978-5-699-92869-9

Английский писатель, публицист и журналист Артур Конан Дойл вошел в мировую литературу в первую очередь как создатель самого Великого Сыщика всех времен и народов – Шерлока Холмса. Благородный и бесстрашный борец со Злом, обладатель острого ума и необыкновенной наблюдательности, с помощью своего дедуктивного метода сыщик решает самые запутанные головоломки, зачастую спасая этим человеческие жизни. Он гениально перевоплощается, обладает актерским даром и умеет поставить эффектную точку в конце каждого блестяще проведенного им расследования.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-92869-9

© Дойл А.
© Эксмо

Содержание

Приключение «Скандал в Богемии»	6
Приключение с установлением личности	20
Приключение пяти апельсиновых зернышек	31
Человек с вывернутой губой	42
Приключение с большим пальцем инженера	56
Приключение знатного холостяка	68
Приключение в «Лесных Буках»	81
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Артур Конан Дойл
Самые знаменитые
расследования Шерлока Холмса

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

Приключение «Скандал в Богемии»

I

Для Шерлока Холмса она всегда Та женщина. Я редко слышал, чтобы он упоминал ее как-то иначе. В его глазах она затмевает и повергает в прах весь свой пол. Нет, не то чтобы он испытывал к Ирен Адлер чувство, сходное с любовью. Все эмоции, а эта особенно, были неприемлемы для его холодного, точного и превосходно уравновешенного интеллекта. Он, как я понимаю, был идеальнейшей логично рассуждающей и наблюдающей машиной, какую только видел мир, но в роли влюбленного он поставил бы себя в фальшивое положение. В разговорах он никогда не касался нежных чувств, разве что с презрительной усмешкой и колкостями. Однако наблюдателю они служили отличным подспорьем, чтобы срывать покров с людских побуждений и поступков. Но натренированному логичу допустить подобное вторжение в собственный тонкий и сложно сбалансированный темперамент значило бы создать отвлекающий фактор, могущий поставить под сомнение все достижения его разума. Песок в чувствительном приборе или трещинка в одном из его собственных увеличительных стекол повредили бы им не меньше, чем какая-нибудь сильная эмоция такой натуры, как его. И, тем не менее, единственная женщина для него существовала, и женщиной этой была покойная Ирен Адлер сомнительной и двойственной репутации.

Последнее время я редко виделся с Холмсом. Мой брак отдалил нас друг от друга. Собственное безоблачное счастье и сосредоточенные на домашнем очаге интересы, владеющие мужчиной, впервые ставшего главой семьи, поглощали меня целиком. Тогда как Холмс, чей богемный дух не терпел какого-либо общества, оставался в нашей квартире на Бейкер-стрит, погребенным в своих старинных книгах, переходя из недели в неделю от кокаина к сосредоточенности на очередном деле, от вызванной наркотиком дремотности к яростной энергичности его неумейной натуры. Он по-прежнему был глубоко увлечен изучением преступлений и сосредоточивал свои колоссальные способности и необычайный дар наблюдательности на исследовании тех улик и разьяснении тех тайн, которыми официальная полиция прекращала заниматься, объявляя их безнадежными.

Время от времени до меня доходили сведения о делах, им раскрываемых: о его вызове в Одессу в связи с убийством Трепова, о том, как он разобрался в загадочной трагедии братьев Аткинсонов в Тринокмали, и, наконец, о миссии, которую он столь тактично и успешно выполнил по поручению королевского дома Голландии. Помимо этих свидетельств его деятельности, которые я всего лишь делил с остальными читателями газет, я практически ничего не знал о моем недавнем друге и товарище.

Как-то вечером 20 марта 1888 года на обратном пути от пациента (я теперь возобновил практику) я оказался на Бейкер-стрит. Увидев достопамятную дверь, навсегда связанную для меня с моей женой и с мрачными эпизодами «Этюда в багровых тонах», я ощутил непреодолимое желание повидать Холмса и узнать, на что он тратит свои экстраординарные способности. Его комнаты были ярко освещены, и, взглянув на них, я дважды увидел, как темный силуэт его высокой худошавой фигуры мелькнул за опущенной шторой. Он расхаживал по комнате быстро, целеустремленно, опустив голову на грудь и заложив руки за спину. Мне, хорошо знакомому со всеми его настроениями и привычками, этот его вид и движения сказали о многом. Он опять работал. Он вырвался из наркотических грез и подбирал ключ к решению какой-то новой проблемы. Я позвонил в дверь и поднялся в квартиру, часть которой когда-то была моей.

Встретил он меня сдержанно (его обычная манера), хотя, думаю, он был рад увидеть меня. Почти без единого слова, но с дружественным взглядом, он указал мне на кресло, пододвинул портсигар и кивнул на винный шкафчик и сифон в углу. Затем встал перед камином и оглядел меня своим особым интроспективным взглядом.

– Брак идет вам на пользу, – сказал он. – По-моему, Ватсон, с тех пор как я видел вас в последний раз, вы прибавили в весе семь с половиной фунтов.

– Семь, – поправил я.

– Да? Мне кажется, чуть побольше. Самую чуточку, думается мне, Ватсон. И снова практикуете, как вижу. А вы не говорили мне, что намерены снова запрячься.

– Так откуда вы знаете?

– Я это вижу. Вывожу дедуктивно. Откуда мне известно, что вы недавно сильно вымокли, а ваша служанка очень неуклюжа и небрежна?

– Мой дорогой Холмс, – сказал я, – это уж чересчур. Живи вы на несколько веков раньше, вас непременно сожгли бы. Мне, правда, в четверг пришлось совершить загородную прогулку, и домой я вернулся в жутком виде, но поскольку я сменил одежду, то не понимаю, каким образом вы узнали про это. Что до Мэри-Джейн, она неисправима, и жена как раз отказала ей от места, но, опять-таки, не вижу, как вы могли это установить.

Он усмехнулся про себя и потер ладони длинных нервных рук.

– Ничего нет проще, – сказал он. – Мои глаза говорят мне, что на подошве вашего левого башмака, там, где на нее падает отблеск пламени, тянутся шесть почти параллельных царапин. Совершенно очевидно, что появились они оттого, что кто-то с большой небрежностью отскребал там засохшую грязь. Отсюда, как видите, мой двойной вывод: вас настигла непогода, и ваша обувь оказалась во власти особо вредного для нее образчика лондонской служанки. А что до вашей практики, так когда ко мне входит джентльмен, благоухающий йодоформом, с темным пятном от ляписа на правом указательном пальце и с выпуклостью с бока цилиндра, указывающей, куда он припрятал свой стетоскоп, я был бы полным тупицей, если бы не определил, что он – активный член медицинской профессии.

Я не мог не засмеяться легкости, с какой он объяснил процесс этой дедукции.

– Когда я слышу ваши доводы, – заметил я, – разгадка всегда кажется мне столь до нелепости простой, что кажется, будто я сам мог бы сделать тот же вывод, однако всякий раз я оказываюсь в тупике, пока вы не объясните ход ваших рассуждений. А ведь глаза у меня, полагаю, не хуже ваших.

– Совершенно верно, – ответил он, закуривая сигарету и опускаясь в кресло. – Вы видите, но вы не наблюдаете. Разница очевидна. Например, вы часто видели ступеньки, по которым поднимались сюда из прихожей?

– Да, часто.

– И как часто?

– Ну, сотни раз.

– Так сколько их всего?

– Сколько всего? Не знаю.

– Вот именно! Вы не наблюдали, хотя и видели. Как раз об этом я и говорю. Ну, а я знаю, что ступенек семнадцать, так как и видел, и наблюдал. Кстати, поскольку вас интересуют эти задачки и поскольку вы столь любезно описали два-три моих пустячных расследования, вас, возможно, заинтересует вот это.

Он перебрал мне лист плотной бумаги розоватого оттенка, который лежал развернутый на столике.

– Пришло с последней почтой, – пояснил он. – Прочтите-ка вслух.

Письмо было без даты и без подписи или адреса.

«Будет визит к вам сегодня вечером без четверти восемь, – гласило оно, – джентльмена, который желает посоветоваться с вами по делу глубочайшей значительности. Ваши недавние услуги одному из королевских домов Европы показали, что вы принадлежите к тем, кому можно доверять дела, важность которых едва ли преувеличить можно. Такие отзывы о вас мы отовсюду получили. Так будьте дома в этот час и не удивляйтесь, если ваш визитер в маске будет».

– Таинственно, ничего не скажешь, – заметил я. – Что, по-вашему, оно означает?

– У меня еще нет данных. А строить теории без данных – непростительная ошибка. Незаметно для себя начинаешь подгонять факты под теорию, вместо того чтобы теория подгонялась под факты. Но само письмо. Какие выводы оно вам подсказывает?

Я тщательно рассмотрел почерк и исписанный лист.

– Писавший, предположительно, богат, – сказал я, пытаясь следовать методам моего друга. – Такая бумага стоит не дешевле полукроны за пачку. Она исключительно плотная и жесткая.

– «Исключительно» очень точное слово, – сказал Холмс. – Это вовсе не английская бумага. Поднесите лист к свету.

Я послушался и увидел большое «Е» с маленьким «g», еще «Р» и большое «G» с маленьким «t» в самой текстуре листа.

– К каким выводам вы пришли? – спросил Холмс.

– Без сомнения, имя фабриканта, а вернее, его монограмма.

– Вовсе нет. «G» с маленьким «t» подразумевают «Gesellschaft», немецкое слово, означающее «компания». Обычная аббревиатура, как наше «K^o». «Р», естественно, означает «Papier» – «бумага». Теперь «Eg». Заглянем в наш Континентальный справочник. – Он снял с полки тяжелый коричневый том. – Эглоу... Эглониц... А, вот! Эгрия. Немецкоязычное государство в Богемии по соседству с Карлсбадом. «Примечательно как место смерти Валленштейна и многочисленными стекольными и бумажными фабриками...» Ха-ха, мой мальчик, какой вывод вы сделаете из этого?

Его глаза торжествующе заблестели, и он послал к потолку триумфальное облако табачного дыма.

– Бумага была изготовлена в Богемии, – сказал я.

– Именно так. А писавший – немец. Вы заметили необычное построение фраз? «Такие отзывы о вас мы отовсюду получали». Француз или русский так не написал бы. Это немцы столь неучтиво обходятся со своими глаголами. Поэтому остается только узнать, что требуется немцу, который пишет на богемской бумаге и предпочитает носить маску, лишь бы не показывать свое лицо. А вот, если не ошибаюсь, и он, прибывший разъяснить все наши недоразумения.

Его слова сопровождал резкий цокот лошадиных копыт и скрежет колес о кромку тротуара, а затем раздался нетерпеливый звонок в дверь. Холмс присвистнул.

– Пара, судя по звуку, – сказал он. И продолжал, выглянув из окна: – Да, симпатичный маленький кабриолет и пара красавцев. Сто пятьдесят гиней каждый. Это дело сулит деньги, Ватсон, если и ничего больше.

– Думаю, мне лучше уйти, Холмс.

– Вовсе нет, доктор. Сидите, где сидите. Без моего Босуэлла я теряюсь. А это обещает быть интересным. Жаль будет, если вы не поприсутствуете.

– Но ваш клиент...

– Не имеет значения. Ему, как и мне, может понадобиться ваша помощь. Сядьте в кресло, доктор, и одарите нас вашим полным вниманием.

Медленные тяжелые шаги, доносившиеся с лестницы и из коридора, стихли у самой двери. Раздался громкий властный стук.

– Войдите! – сказал Холмс.

Вошел мужчина ростом никак не меньше шести футов шести дюймов с телосложением Геркулеса. Одежда его говорила о богатстве настолько, что в Англии это выглядело равносильным дурному вкусу. Широкие полосы каракуля были нашиты на рукава и лацканы его двубортного сюртука, а наброшенный на плечи синий плащ щеголял подкладкой из огненно-алого шелка и был застегнут у шеи брошью, состоявшей из одного огненного берилла. Сапоги, достигавшие половины икр, были вверху отделаны пышным коричневым мехом и довершали впечатление варварского богатства, о котором свидетельствовал весь его облик. В руке он держал широкополую шляпу. А верхнюю часть его лица, вплоть до скул, закрывала черная маска фокусника, которую он, очевидно, только что надел, так как его рука все еще оправляла ее, когда он входил. Нижняя открытая часть лица говорила о сильном характере; толстая оттопыренная нижняя губа и длинный прямой подбородок указывали на волю, граничащую с упрямством.

– Вы получили мое письмо? – спросил незнакомец глубоким властным басом и с очень сильным немецким акцентом. – Я предупредил вас, что приеду.

Он переводил взгляд с Холмса на меня, словно не зная, к кому обратиться.

– Прошу вас, садитесь, – сказал Холмс. – Это мой друг и коллега доктор Ватсон, который иногда любезно помогает мне в моих расследованиях. С кем я имею честь говорить?

– Можете обращаться ко мне как к графу фон Крамму, богемскому аристократу. Как я понял, этот джентльмен ваш друг, человек чести, которому я могу довериться в деле чрезвычайной важности. Если нет, то я предпочту говорить с вами наедине.

Я поднялся, чтобы уйти, но Холмс сжал мое запястье и толкнул назад в кресло.

– Либо мы вместе, либо никто, – сказал он. – В присутствии этого джентльмена вы можете говорить все, что сочтете нужным сообщить мне.

Граф пожал широкими плечами.

– Тогда я должен сначала, – сказал он, – обязать вас обоих хранить то, что вы услышите, в строжайшей тайне в течение двух лет. По истечении этого срока такая надобность отпадет. Пока же не будет преувеличением сказать, что весомость этого дела колоссальна и оно может повлиять на ход европейской истории.

– Обещаю, – сказал Холмс.

– Я тоже.

– Вы извините эту маску, – продолжал наш необычный визитер, – но августейшая особа, прибегнувшая к моим услугам, желает, чтобы его посредник остался неизвестен вам, и я сразу же могу сознаться, что титул, который я назвал, мне, собственно, не принадлежит.

– Я это знал с самого начала, – сухо сказал Холмс.

– Обстоятельства крайне щекотливы, и необходимо принять все меры, чтобы предотвратить то, что сможет перерасти в неслыханный скандал и бросить тень на одну из правящих фамилий Европы. Короче говоря, речь идет о великом Доме Ормштейнов, потомственных королей Богемии.

– Я знал и это, – пробормотал Холмс, устраиваясь в кресле поудобнее и закрывая глаза.

Наш визитер с явным недоумением уставился на расслабленную вялую фигуру человека, которого ему, несомненно, рекомендовали как самого дотошного логика и самого энергичного сыщика в Европе. Холмс открыл глаза и нетерпеливо поглядел на своего великана-клиента.

– Если бы, ваше величество, вы соизволили изложить ваше дело, – сказал он, – мне было бы проще дать вам совет.

Наш визитер вскочил с кресла и прошелся по комнате в неопишемом волнении. Затем с жестом отчаяния он сорвал с лица маску и швырнул ее на пол.

– Вы правы, – вскричал он, – я король! Зачем мне пытаться скрывать это?

– Действительно, зачем? – прожурчал Холмс. – Ваше величество еще и слова не сказали, когда я уже знал, что обращаюсь к Вильгельму Готтсрейху Сигизмунду фон Ормштейну, великому герцогу Кассель-Фельштейна и наследственному монарху Богемии.

– Но вы можете понять, – сказал наш странный визитер, вновь садясь и проводя белой рукой по высокому лбу, – вы можете понять, что я не привык лично вести подобные переговоры. Однако дело настолько деликатно, что поручи я его посреднику, то оказался бы во власти этого посредника. Я приехал из Праги инкогнито, чтобы посоветоваться с вами.

– Так прошу вас, советуйтесь, – сказал Холмс и вновь закрыл глаза.

– Факты вкратце таковы. Пять лет назад во время длительного визита в Варшаву я познакомился с известной авантюристкой Ирен Адлер. Имя это вам, несомненно, знакомо.

– Будьте добры, отыщите ее в моей картотеке, доктор, – пробормотал Холмс, не открывая глаз. В течение многих лет он имел привычку заносить на карточки все сведения о людях и предметах, и было бы трудно назвать тему или лицо, о которых он не сумел бы немедленно дать необходимую информацию. И теперь я нашел ее биографию втиснутой между раввином и штабным офицером, написавшим монографию о глубоководных морских рыбах.

– Дайте мне взглянуть, – сказал Холмс. – Гм! Родилась в Нью-Джерси в пятьдесят восьмом году. Контральто... гм! Ла Скала, гм! Примадонна Варшавской императорской оперы... Ага! Покинула оперные подмостки... ха! Проживает в Лондоне... Вот-вот! Ваше величество, насколько я понимаю, были в связи с этой молодой особой, написали ей несколько компрометирующих писем, а теперь желали бы получить эти письма назад.

– Именно так. Но каким...

– Тайный брак?

– Ничего подобного.

– Какие-нибудь юридические документы? Заверенные письменные обязательства?

– Ничего подобного.

– В таком случае я не понимаю вашего величества. Если эта молодая особа и использует свои письма в целях шантажа или каких-либо иных целях, как она сможет доказать их подлинность?

– Но почерк?

– Пф! Пф! Подделан.

– Моя личная бумага.

– Украдена.

– Моя личная печать.

– Имитация.

– Моя фотография.

– Куплена.

– На фотографии мы сняты вместе.

– О Господи! Вот это скверно! Ваше величество действительно допустили большую неосторожность.

– Я был безумен, сходил с ума.

– Вы скомпрометировали себя очень серьезно.

– Я был тогда лишь кронпринцем. Я был молод. Мне и сейчас всего тридцать.

– Фотографию необходимо вызволить.

– Мы пытались и потерпели неудачу.

– Вашему величеству придется заплатить. Фотографию надо выкупить.

– Она не соглашается.

– Ну, так украсть.

– Пять неудачных попыток. Дважды нанятые мною взломщики обшарили ее дом. Один раз мы во время какой-то ее поездки обыскали багаж. Дважды ее подстерегли вне дома. Все безрезультатно.

– Никаких следов фотографии?

– Ни малейших.

Холмс засмеялся.

– Очень милая задачка, – сказал он.

– Но для меня крайне серьезная, – с упреком возразил король.

– Да, весьма. Но что она намерена сделать с фотографией?

– Погубить меня.

– Но как?

– Я собираюсь вступить в брак.

– Да, я слышал.

– С Клотильдой Лотман фон Сакс-Мейнинген, второй дочерью короля Скандинавии. Возможно, вам известны строгие принципы ее семьи. Сама она – воплощение чистоты. Малейший намек, бросающий тень на мое поведение, перечеркивает самую возможность этого брака.

– А Ирен Адлер?

– Угрожает послать им фотографию. И она это сделает. Я знаю, что сделает. Вы ее не знаете, но душа у нее стальная. Лицо красивейшей из женщин, а характер самого решительного из мужчин. Она ни перед чем не остановится, лишь бы я не вступил в брак с другой женщиной.

Ни перед чем.

– Вы уверены, что она ее еще не послала?

– Уверен.

– Почему?

– Потому что она сказала, что пошлет ее в день официального объявления о помолвке, а оно назначено на следующий понедельник.

– О, так у нас есть еще три дня, – сказал Холмс, зевая. – Очень удачно, так как и мне сейчас надо завершить парочку неотложных дел. Ваше величество, несомненно, пока останется в Лондоне.

– Конечно. Вы найдете меня в «Лэндхеме» под именем графа фон Крамма.

– Я отправлю вам туда записку сообщить, насколько мы продвинулись.

– Будьте так добры. Меня замучает тревога.

– Что касается денег...

– В вашем распоряжении карт-бланш.

– Без ограничений?

– Говорю же вам, я бы отдал любую провинцию моего королевства, лишь бы получить эту фотографию.

– А на текущие расходы?

Король достал из-под плаща тяжелый замшевый мешочек и положил его на стол.

– Тут триста фунтов золотом и семьсот банкнотами, – сказал он. Холмс нацарапал расписку на листке из блокнота и отдал ее королю.

– Адрес мадемуазель? – спросил он.

– Вилла «Бриония», Серпентайн-авеню, Сент-Джонс-Вуд.

Холмс записал.

– Еще один вопрос, – сказал он. – Фотография кабинетного размера?

– Да.

– В таком случае доброй ночи, ваше величество, и, надеюсь, скоро у нас появятся для вас хорошие новости. И вам доброй ночи, Ватсон, – добавил он, когда колеса королевского

кабриолета застучали по мостовой. – Если вы будете так любезны и заглянете сюда завтра в три часа, я буду рад обсудить с вами это дельце.

II

Я был на Бейкер-стрит ровно в три часа, но Холмс еще не вернулся. Квартирная хозяйка сказала мне, что он ушел утром вскоре после восьми. Я сел у камина, намереваясь дожидаться его, сколько бы времени ни потребовалось. Расследование это меня глубоко заинтересовало, пусть ему и не были присущи зловещие и интригующие черты тех двух преступлений, о которых я уже рассказывал в прошлом. Однако суть этого дела и высокое положение нашего клиента придавали ему особый интерес. К тому же, помимо особого характера расследования, за которое взялся мой друг, его мастерская оценка любой ситуации, его острые как бритва, неопровержимые логические построения превращали в истинное наслаждение возможность изучать методы его работы и наблюдать быстрые, хитрые приемы, с помощью которых он раскрывал самые запутанные тайны. И я так привык к его непрерывным успехам, что мне и в голову не приходило, что он способен потерпеть неудачу.

Было уже четыре, когда дверь отворилась и в комнату ввалился заметно пьяный конюх, нечесаный, с багровым лицом в рамке бакенбард и в ветхой одежде. Как ни привык я к поразительному умению моего друга менять внешность, мне пришлось трижды взглянуться, прежде чем я убедился, что передо мной и правда Холмс. Кивнув мне, он скрылся в спальне, откуда вышел через пять минут в твидовом костюме, воплощением респектабельности. Сунув руки в карманы, он вытянул ноги перед огнем и минуту-другую весело смеялся.

– Право же! – вскричал он, поперхнулся и опять начал смеяться, пока не вынужден был откинуться в кресле, совсем ослабев.

– Что с вами?

– Нестерпимо смешно! Уверен, вы ни за что не догадаетесь, чему я посвятил свое утро или что в завершение я сделал.

– Не могу себе представить. Полагаю, вы изучали привычки мисс Ирен Адлер, а возможно, и наблюдали за ее домом.

– Совершенно верно, но вот продолжение явилось несколько неожиданным. Впрочем, я вам расскажу. Из дома я ушел в начале девятого в роли безработного конюха. Людей, имеющих дело с лошадьми, объединяют редкостная симпатия и чувство товарищества. Станьте одним из них, и вы узнаете все, что только можно узнать. Я без труда нашел виллу «Бриония». Домик *biyou*¹ с садом позади, а двухэтажный фасад почти примыкает к улице. На дверях круглый замок. Справа большая гостиная, красиво меблированная, с длинными окнами, чуть ли не достигающими пола – с этими дурацкими английскими задвижками, которые и ребенок откроет. Сзади ничего примечательного, если не считать, что с крыши каретника легко дотянуться до окна коридора. Я обошел дом вокруг и тщательно его осмотрел и так и эдак, но больше ничего интересного не обнаружил.

Тогда я прогулялся дальше по улице и, как и ожидал, увидел в переулке, тянущемся вдоль садовой ограды, извозчичий двор. Я подсобил конюхам, занятым чисткой лошадей, а в благодарность получил два пенса, кружку портера пополам с элем, две закрутки табака и столько сведений, сколько мог бы пожелать, о мисс Адлер, а сверх того и о полдесятке ее соседей, которые меня несколько не интересовали, но чьи биографии мне пришлось выслушать.

– Но что об Ирен Адлер?

– О, она вскружила головы всем окрестным мужчинам. Она – самая изящная штучка в шляпке на всей планете. Так утверждают хором все работники серпентайнского извозчичьего

¹ Зд.: прехорошенький (фр.).

двора. Живет она скромно, поет в концертах, уезжает каждый день в пять покататься и возвращается ровно в семь к обеду. Редко выходит из дома в другое время, если нет концерта. Посещает ее только один мужчина, но зато очень часто. Красивый, щегольски одетый, брюнет. Наносит визит минимум один раз в день, а часто и два. Некий мистер Годфри Нортон из Иннер-Темпла. Видите, как выгодно заполучить извозчика в закадычные друзья. Они десятки раз отвозили его оттуда домой и знают о нем всю его подноготную. Когда я выслушал все, что у них имелось сказать, я начал вновь прогуливаться у виллы «Бриония», обдумывая план моей кампании.

Этот Годфри Нортон, очевидно, был важным фактором в нашем деле. Он юрист – это звучало зловеще. Каковы отношения между ними и какова цель его частых визитов? Была ли она его клиенткой, хорошей знакомой или любовницей? Если первой, так скорее всего передала фотографию на хранение ему. Если последней, это менее вероятно. От ответа на этот вопрос зависит, сосредоточивать ли мне и дальше мое внимание на вилле «Бриония» или обратиться к приемной этого джентльмена в Темпле. Фактор щекотливый и расширил поле моих розысков. Боюсь, вам наскучили эти детали, но я должен ознакомить вас с моими маленькими затруднениями, чтобы ситуация стала вам понятной.

– Я слушаю вас со всем вниманием, – ответил я.

– Я все еще перебирал факты в уме, когда к вилле подъехал извозчик и из экипажа выпрыгнул джентльмен. Поразительно красивый мужчина, брюнет с орлиным носом и с усами – явно тот, о ком я слышал. Он словно бы очень торопился, крикнул кучеру подождать, чуть не оттолкнул горничную, открывшую ему дверь, с нетерпеливостью человека, чувствующего себя почти хозяином дома.

Он пробыл там полчаса, и я видел, как он то появлялся в окнах гостиной, расхаживая взад и вперед, что-то возбужденно говоря и жестикулируя. Ее я ни разу не увидел. Затем он вышел на улицу в даже еще большей спешке, чем прежде. Садясь в кеб, он вынул из кармана золотые часы и впился в них глазами. «Гоните, как сам дьявол! – закричал он. – Сначала к конторе Гросса и Хэнки на Риджент-стрит, а оттуда к церкви Святой Моники на Эджоурроуд. Полгинеи, если успеете за двадцать минут».

И они умчались, а я как раз прикидывал, не последовать ли за ними, когда в переулок въехало новенькое маленькое ландо. Плащ на кучере был застегнут лишь на пару пуговиц, галстук сбился под ухо, а концы ремней сбруи торчали из пряжек. Ландо еще не остановилось, как она, стремительно выбежав из входной двери, вскочила в него. Я видел ее менее секунды, но она – пленительная женщина с лицом, ради которого мужчина способен пойти на смерть. «К церкви Святой Моники, Джон, – воскликнула она, – и полсоверена, если вы доедете туда за двадцать минут».

Упустить такой случай, Ватсон, было невозможно. И я лишь прикинул, пуститься ли мне туда бегом или прицепиться сзади к ее ландо. Но тут на улице появился кеб. Извозчик с сомнением взглянул на такого оборванного пассажира, только я вскочил в кеб, прежде чем он успел рот открыть. «Церковь Святой Моники, – сказал я, – и полсоверена, если ты доедешь туда за двадцать минут». Было без двадцати пяти минут двенадцать, и, разумеется, причина спешки была яснее ясного.

Мой извозчик гнал вовсю. По-моему, я никогда еще не ездил так быстро, но они доехали туда быстрее нас. Когда я достиг дверей церкви, кеб и ландо уже стояли там и от лошадей валил пар. Я заплатил извозчику и кинулся в церковь. Там не было никого, кроме тех, за кем я гнался, и священника в облачении, который как будто их в чем-то убеждал. Они стояли тесной кучкой у аналая. Я неторопливо побрел по боковому проходу, точно зевака, случайно зашедший в церковь. Внезапно, к моему изумлению, троица у аналая обернулась в мою сторону, и Годфри Нортон устремился мне навстречу.

«Слава Богу! – воскликнул он. – Вы годитесь. Идите же, идите!»

«Чего?» – спросил я.

«Идите, идите, идите же! Остается всего три минуты, или это будет незаконно».

Меня буквально поволокли к аналою, и я не успел опомниться, как уже бормотал ответы, нашептывавшиеся мне на ухо, и ручался за что-то, о чем понятия не имел, и, короче говоря, помогал скрепить узы, связавшие Ирен Адлер, девицу, с Годфри Нортон, холостяком. Все завершилось в мгновение ока, и вот уже джентльмен благодарит меня с одного бока, а дама с другого, священник же сияет на меня улыбкой спереди. В жизни я не попадал в такое нелепеее положение. При воспоминании о нем я и расхохотался только что. Оказалось, в их разрешение на брак вкралась какая-то ошибка и священник наотрез отказывался поженить их без хоть какого-то свидетеля, так что мое счастливое появление избавило жениха от необходимости бежать на улицу в поисках шафера. Новобрачная дала мне соверен, и я собираюсь носить его на часовой цепочке в память об этом событии.

– Да, поворот событий самый неожиданный, – сказал я. – И что же дальше?

– Ну, мои планы оказались под серьезной угрозой. Парочка ведь могла немедленно отбыть, что требовало с моей стороны принятия незамедлительнейших и энергичнейших мер. Однако у церковных дверей они расстались, он поехал назад в Темпл, а она к себе домой. «Я поеду кататься в парк, как обычно, в пять», – сказала она ему на прощание. Больше я ничего не услышал. Они поехали каждый в свою сторону, а я отправился заняться кое-чем своим.

– А именно?

– Сейчас порцией холодной говядины и кружкой пива, – ответил он, дергая сонетку. – Мне было некогда подумать о еде, а вечером, полагаю, я буду занят еще больше. Кстати, доктор, мне потребуется ваша помощь.

– Буду очень рад.

– Нарушение закона вас не смущает?

– Нисколько.

– А риск ареста?

– Ради благого дела – ничуть.

– О, дело весьма благое.

– Тогда я в вашем распоряжении.

– Я не сомневался, что могу на вас положиться.

– Но что от меня требуется?

– Когда миссис Тернер принесет говядину, я вам все объясню. И, – сказал он, набрасываясь на простую еду, которую готовила наша квартирная хозяйка, – обсудить это необходимо теперь же, пока я ем. Времени у меня в обрез. Сейчас уже почти пять. Через два часа мы должны быть на месте. Мисс Ирен, а вернее, мадам, возвращается с прогулки в семь. Мы должны встретить ее у виллы «Бриония».

– И что тогда?

– Предоставьте это мне. Я уже подготовил то, что произойдет. Есть только одно, на чем я должен настоять. Вмешиваться вы не должны, что бы ни происходило. Вы поняли?

– Я должен оставаться в стороне?

– Не предпринимать ничего. Не исключены кое-какие маленькие неприятности. Не вмешивайтесь. В результате я окажусь в доме. Четыре-пять минут спустя окно гостиной откроется. Вы должны встать поближе к открывшемуся окну.

– Хорошо.

– Вы будете следить за мной, так как я буду вам виден.

– Хорошо.

– И когда я подниму руку – вот так, – вы бросите в комнату то, чем я вас снабжу, и сразу кричите «Пожар!». Вам все понятно?

– Вполне.

– Ничего опасного, – сказал он, вынимая из кармана сверточек сигарообразной формы. – Обычная дымовая шашка, какими пользуются паяльщики, с капсулами на обоих концах, обеспечивающими самовозгорание. Ваша задача ограничивается этим. Ваш крик о пожаре будет подхвачен порядочным числом людей. Тогда пройдите в конец улицы, и через десять минут я присоединюсь к вам. Надеюсь, я все изложил ясно?

– Я не должен ни во что вмешиваться, встать у окна, следить за вами и по сигналу бросить в него эту штуку, закричать «Пожар!» и ждать вас на углу улицы.

– Все точно.

– В таком случае можете безусловно положиться на меня.

– Превосходно. Пожалуй, мне пора приготовиться к новой *role*², которую мне предстоит сыграть.

Он скрылся в спальне и возвратился через несколько минут в образе благодушного и простоватого священника-нонконформиста. Широкополая черная шляпа, мешковатые брюки, белый галстук, сочувственная улыбка и общее выражение благожелательного, но настойчивого любопытства, изобразить которое было под силу разве что мистеру Джони Хейру. Холмс не просто переоделся. Его лицо, манера держаться, самая его душа, казалось, менялись с каждой новой его ролью. Сцена потеряла замечательного актера точно так же, как наука лишилась проницательнейшего логика, когда он решил сделать своей специальностью преступления.

Бейкер-стрит мы покинули в четверть седьмого, но на Серпентайн-авеню оказались за десять минут до семи. Уже наступило время сумерек, и уличные фонари как раз зажигались, пока мы прохаживались взад-вперед перед «Брионией» в ожидании возвращения ее хозяйки. Вилла была совершенно такой, какой представилась мне, когда Холмс столь исчерпывающе ее описал. Но вот улица оказалась далеко не столь тихой, как я ожидал. Напротив, для небольшой улицы в фешенебельном квартале она выглядела поразительно людной. На углу курила и смеялась компания мужчин в потрепанной одежде, точильщик крутил свое колесо, двое гвардейцев перешучивались с молоденькой няней, а несколько элегантно одетых молодых людей фланировали взад-вперед с сигарами во рту.

– Видите ли, – заметил Холмс, пока мы прогуливались вдоль виллы, – брак этот все упрощает. Фотография теперь превратилась в обоюдоострое оружие. Весьма вероятно, что ей менее всего хочется, чтобы мистер Годфри Нортон увидел ее, как и нашему клиенту, чтобы она попала на глаза его принцессе. Вопрос теперь сводится к тому, где нам искать фотографию.

– Да, где?

– Крайне маловероятно, что она носит ее с собой. Слишком велика, чтобы незаметно спрятать ее в женском платье. Она знает, что король вполне способен подослать людей, чтобы ее схватили и обыскали. Ведь две такие попытки уже предпринимались. Значит, нам следует исходить из того, что с собой она ее не носит.

– Так где же она?

– У ее банкира или у ее поверенного. Такая двойная возможность не исключена. Но я склонен их обе отвергнуть. Женщины по натуре склонны к секретности и свои секреты предпочитают держать про себя. С какой стати ей передавать фотографию кому-то еще? На себя она может положиться, но как предвидеть, какое опосредствованное или политическое влияние может быть оказано на вышеупомянутых лиц. К тому же вспомните, что она решила использовать фотографию в ближайшие дни. Значит, фотография должна находиться у нее под рукой. То есть у нее дома.

– Но в ее дом ведь дважды вламывались.

– Пф! Они не знали, где искать.

– Но как будете искать вы?

² Роль (*фр.*).

- А я и не буду.
- Так каким же образом?..
- Я заставлю ее показать мне.
- Но она откажется.
- Не сможет. Но я слышу стук колес. Ее экипаж. Выполняйте мои инструкции со всей точностью.

Он еще не договорил, как из-за поворота улицы показались боковые фонари экипажа и к дверям виллы «Бриония» подъехало щегольское ландо. Когда оно остановилось, один из кутивших на углу кинулся открыть дверцу в надежде заработать медяк-другой, но его оттолкнул другой оборванец, подскочивший к ландо с тем же намерением. Вспыхнула бешеная ссора, которую еще больше распалили два гвардейца, вступившиеся за одного оборванца, и точильщик, который не менее яростно вступился за другого. Посыпались удары, и дама, вышедшая из своего экипажа, оказалась в центре кучки побагровевших сцепившихся драчунов, которые яростно тузили друг друга кулаками и палками. Холмс ворвался между ними, чтобы защитить даму, но едва оказался рядом с ней, как испустил крик, упал, и его лицо залила кровь. Тут два гвардейца пустились наутек в одну сторону, оборванцы – в другую, а несколько прилично одетых людей, которые следили за потасовкой, не вмешиваясь, подошли, чтобы помочь даме и заняться пострадавшим. Ирен Адлер, как я буду по-прежнему ее называть, взбежала на крыльцо, однако остановилась, глядя назад на улицу, а свет из прихожей очерчивал ее прекрасную фигуру.

- Бедный джентльмен сильно пострадал? – спросила она.
- Да он умер, – слышались голоса.
- Нет-нет, жизнь еще теплится! – вскричал кто-то. – Но он умрет, пока его будут везти в больницу.
- Такой смелый! – вздохнула какая-то женщина. – Если бы не он, они отняли бы у леди кошелек и часы. Это же шайка, и притом оголтелая. А! Он начал дышать!
- Нельзя же ему валяться на улице. Можно мы внесем его в дом, мэм?
- Ну конечно. Несите его в гостиную, там удобный диван. Вот сюда, пожалуйста!

Медленно, со всей осторожностью его внесли в «Брионию» и уложили в парадной комнате, а я по-прежнему наблюдал за происходящим с моего поста у окна. Лампы в гостиной были зажжены, но шторы не опущены, и я видел распростертого на диване Холмса. Не знаю, устыдился ли он в этот миг роли, которую играл, но знаю, что я в жизни так не стыдился себя, глядя на прелестное создание, в заговоре против которого участвовал, на то, как она хлопочет над страдальцем. И все же было бы черным предательством не сделать того, что поручил мне Холмс. Скрепя сердце я и вынул дымовую шашку из-под пальто. В конце-то концов, подумал я, мы не причиняем ей вреда, а только препятствуем ей причинить вред другим.

Холмс сел на диване, и я увидел, как он помахал рукой, будто задыхаясь. Горничная бросилась к окну и распахнула его. В то же мгновение я увидел, как Холмс поднял руку, и по этому сигналу швырнул шашку в комнату, вопя «Пожар!». По комнате за клубилась густой дым и повалил из открытого окна. Я мельком увидел суетящиеся фигуры, а секунду спустя изнутри донесся голос Холмса, заверяющий, что тревога оказалась ложной. Лавируя в вопящей толпе, я добрался до угла улицы и через десять минут испытал немалую радость, ощутив на локте руку моего друга и покинув все еще взбудораженную улицу. Несколько минут Холмс шел молча и быстро, пока мы не свернули на тихую улочку, ведущую к Эджуэр-роуд.

- Вы отлично справились, доктор, – заметил он. – Лучше некуда. И все в порядке.
- Фотография у вас?
- Я знаю, где она спрятана.
- Но как вы узнали?
- Она сама мне показала, я же так вам и говорил.

– Я все еще ничего не понимаю.

– Не собираюсь делать из этого тайну, – засмеялся он. – Все проще простого. Вы, конечно, поняли, что люди на улице были наняты. Ангажированы на этот вечер.

– Об этом я догадался.

– Ну, когда поднялась буча, в ладони у меня был комок влажной красной краски. Я бросился вперед, упал, прижимая руку к лицу, и обрел жалостный вид. Старый прием.

– Это тоже было мне ясно.

– Затем они внесли меня внутрь. Она должна была это позволить. Как иначе могла она поступить? И в гостиную, в ту самую комнату, которая была у меня на подозрении. Выбор был между ней и спальней, и я намеревался выяснить это точно. Меня положили на диван, я сделал вид, будто задыхаюсь, так что потребовалось открыть окно, и вы получили свой шанс.

– Но чем вам это помогло?

– В этом была вся суть. Когда женщина думает, что ее дом горит, она инстинктивно бросается к самому для нее дорогому. Необоримый импульс, и я неоднократно его использовал. Он оказался мне полезен в скандале с дарлингтонской подменой, а также в деле с Ансвортским замком. Замужняя женщина хватается своего ребенка, незамужняя – шкатулку с драгоценностями. Ну, и мне было ясно, что у нашей дамы в доме не было ничего для нее более ценного, чем предмет наших розысков, и она бросится его спасать. Опасность пожара была разыграна прекрасно. Дыма и воплей хватало, чтобы не выдержали самые железные нервы. И она реагировала идеально. Фотография спрятана за скользящей панелью сразу над правой сонеткой. Она оказалась там в мгновение ока, и я увидел, как она ее почти вытащила. Когда я крикнул, что тревога ложная, она убрала фотографию, поглядела на шашку, выбежала вон из комнаты, и больше я ее не видел. Я встал и, принеся извинения, покинул дом. Поколебался, не забрать ли фотографию теперь же, но в гостиную вошел кучер, и так как он не спускал с меня глаз, разумнее было подождать. Поспешность не ко времени способна все погубить.

– И что теперь? – спросил я.

– Наши поиски практически завершились. Я нанесу туда визит завтра утром с королем и с вами, если вы пожелаете нас сопровождать. Нас проводят в гостиную подождать хозяйку дома, но весьма вероятно, что, войдя в гостиную, она не найдет там ни нас, ни фотографии. Возможно, его величеству будет приятно забрать фотографию собственными руками.

– И когда вы думаете явиться с визитом?

– В восемь утра. Она еще не встанет, так что руки у нас будут развязаны. К тому же надо торопиться, ведь брак, конечно, полностью изменит ее жизнь и привычки. Я должен безотлагательно телеграфировать королю.

Тем временем мы добрались до Бейкер-стрит и остановились перед дверями. Холмс рылся в карманах, ища ключ, и тут кто-то, проходя мимо, сказал:

– Доброй ночи, мистер Шерлок Холмс.

Прохожих на тротуаре было несколько, но пожелание скорее всего исходило от торопливо удалявшегося стройного юноши в широком пальто.

– Где я прежде слышал этот голос? – сказал Холмс, всматриваясь в плохо освещенную улицу. – Кто же, черт побери, это мог быть?

III

Я переночевал на Бейкер-стрит, и мы сидели за кофе и тостами, когда в комнату ворвался король Богемии.

– Вы ее заполучили! – вскричал он, хватая Шерлока Холмса за плечи и настойчиво заглядывая ему в лицо.

– Еще нет.

- Но у вас есть надежда?
- Да, есть.
- Ну, так едем. Я сгораю от нетерпения.
- Нам потребуется кеб.
- Не надо. Мой экипаж ждет.
- Это упрощает дело.

Мы спустились вниз и немедленно вновь отправились на виллу «Бриония».

- Ирен Адлер вышла замуж, – заметил Холмс.
- Замуж? Когда?
- Вчера.
- Но за кого?
- За английского юриста по фамилии Нортон.
- Но она же не может его любить?
- Надеюсь, что она его любит.
- Почему надеетесь?

– Потому что это избавит ваше величество от всех будущих неприятностей. Если она любит мужа, значит, она не любит ваше величество и у нее нет причин препятствовать плану вашего величества.

– Верно. И все же... как жаль, что она мне не ровня! Какой королевой она была бы! – Он погрузился в угрюмое молчание, которое длилось, пока мы не въехали на Серпентайн-авеню.

Дверь виллы была открыта, и на крыльце стояла какая-то старуха. Она следила сардоническим взглядом, как мы выходили из экипажа.

– Мистер Шерлок Холмс, я не ошибаюсь? – сказала она.

– Я мистер Холмс, – ответил мой друг, глядя на нее вопросительно и с заметным удивлением.

– Вот-вот! Моя госпожа предупредила меня, что вы, наверное, заедете. Она утром отбыла с мужем поездом пять пятнадцать с Чаринг-Кросса на континент.

– Что! – Шерлок Холмс попятился, побелев от такого удара и изумления. – Вы хотите сказать, что она покинула Англию?

– И не вернется никогда.

– А документы? – хрипло спросил король. – Все потеряно!

– Еще посмотрим, – Холмс решительно прошел мимо служанки и кинулся в гостиную, мы с королем последовали за ним. Мебель была сдвинута, полки опустошены, ящики выдвинуты, словно хозяйка дома торопливо их обшаривала перед своим бегством. Холмс метнулся к сонетке, рванул небольшую панель и, сунув руку в отверстие, достал фотографию и письмо. Фотография запечатлела Ирен Адлер в вечернем платье одну. Конверт был надписан: «Шерлоку Холмсу, эсквайру, до личного востребования». Мой друг разорвал конверт, и мы втроем прочли письмо вместе. Оно было датировано прошлой полуночью и содержало следующее:

«Мой дорогой мистер Шерлок Холмс, право же, вы отлично это устроили. И полностью провели меня. До момента криков о пожаре я ничего даже не подозревала. Но затем, заметив, как я невольно себя выдала, я призадумалась. Меня предостерегли против вас много месяцев назад. Мне сказали, что если король прибегнет к услугам агента, этим агентом, безусловно, будете вы. И мне дали ваш адрес. И тем не менее вы сумели узнать все, что вам требовалось. Но даже после того, как меня охватили подозрения, мне было трудно подумать плохо о таком милом, добром старом священнике. Но вам известно, что я училась актерскому мастерству. Мужской костюм мне не в новинку. Я часто пользовалась свободой, которую он предоставляет. Я послала Джона, кучера, следить за вами, бросилась наверх, надела мои прогулочные одежды, как я их называю, и спустилась вниз, как раз когда вы удалились.

Ну, я шла за вами до ваших дверей и таким образом убедилась, что действительно была объектом интереса прославленного мистера Шерлока Холмса. Тогда несколько легкомысленно я пожелала вам доброй ночи и поспешила в Темпл к моему мужу.

Мы оба решили, что наилучшее средство защиты от преследований столь грозного врага – это бегство. А потому вы найдете гнездышко пустым, когда навестите его утром. Что до фотографии, вашему клиенту не надо тревожиться. Я люблю и любима человеком, несравненно лучше его. Король может поступать как желает, без помех со стороны той, кого он оскорбил так жестоко. Я беру ее с собой, только чтобы обезопасить себя и сохранить оружие, которое надежно защитит меня от любых шагов, которые он может предпринять в будущем. Оставляю фотографию, которую он может сохранить, если пожелает, и остаюсь, дорогой мистер Шерлок Холмс, искренне вашей Ирен Нортон, урожденной Адлер».

– Какая женщина, о, какая женщина! – вскричал король Богемии, когда мы втроем прочли письмо. – Разве я не говорил вам, как она умна и решительна? Разве из нее не вышла бы восхитительная королева? Разве не жаль, что она не моего уровня?

– Судя по тому, что я увидел в краткой встрече с нею, она поистине совсем иного уровня, чем ваше величество, – холодно сказал Холмс. – Мне очень жаль, что я не смог завершить дело вашего величества более успешно.

– Напротив, дорогой сэръ! – вскричал король. – Никакое завершение не могло быть более успешным. Я знаю, что ее слово нерушимо. Фотография теперь не более опасна, чем если бы ее сожгли.

– Я рад услышать это, ваше величество.

– Я у вас в колоссальном долгу. Прошу, скажите, как я могу вознаградить вас? Это кольцо... – он стащил с пальца изумрудное кольцо в форме змеи и протянул его на ладони.

– У вашего величества есть нечто, что я ценил бы даже выше, – сказал Холмс.

– Только назовите.

– Вот эта фотография.

– Фотография Ирен? – воскликнул король. – Разумеется, если таково ваше желание.

– Благодарю, ваше величество. Итак, с этим делом покончено. Имею честь пожелать вам самого доброго утра. – Он поклонился, отвернулся, будто не заметив руки, которую ему протянул король, и отправился со мной к себе на Бейкер-стрит.

Вот так королевству Богемия угрожал неслыханный скандал, и вот так женский ум взял верх над хитрейшими планами мистера Шерлока Холмса. Он имел обыкновение подсмеиваться над женским умом, но в последнее время ничего подобного я от него что-то не слышу. А когда он говорит об Ирен Адлер или упоминает ее фотографию, то всегда употребляет почетное наименование «Та женщина!».

Приключение с установлением личности

– Дорогой мой, – сказал Шерлок Холмс, когда мы удобно расположились у камина в его квартире на Бейкер-стрит, – жизнь куда прихотливее, чем способно нарисовать человеческое воображение. Мы сочли бы странной причудой фантазии то, что всего лишь часть будничного существования. Выпорхни мы рука об руку, закружись над этим великим городом, тихонько приподнимая крыши, чтобы исподтишка понаблюдать непредвиденности, творящиеся там – неожиданные совпадения, хитрые замыслы, недоразумения, поразительные сплетения событий, которые ведут через многие поколения к самым *outré*³ следствиям, – беллетристика с ее банальностями и такими предсказуемыми концовками выглядела бы в сравнении крайне избитой и ничего не стоящей.

– Мне это отнюдь не кажется верным, – возразил я. – Дела, попадающие в газеты, как правило, и очевидны, и пошлы. Реализм в полицейской хронике доводится до крайности, и тем не менее она, надо признать, не предлагает никаких сюрпризов, не говоря уж о художественности.

– Создание реалистического эффекта требует определенного отбора и тактичности, – заметил Холмс. – Вот чего недостает полицейской хронике, которая, пожалуй, наибольшее ударение ставит на пошлостях судьи-магистрата, опуская детали, раскрывающие вдумчивому читателю истинную подоплеку случившегося. Поверьте, нет ничего более сверхъестественного, чем обыденность.

Я улыбнулся и покачал головой.

– Мне понятно, почему вы так считаете, – сказал я. – Разумеется, в вашем положении неофициального консультанта, выручающего на трех континентах всякого, кто оказался в полном тупике, вы постоянно соприкасаетесь с непривычным и необычайным. Но давайте-ка, – я поднял с пола утреннюю газету, – проведем практическую проверку. Вот первый заголовок, который попался мне на глаза: «Жестокое обращение мужа с женой». Полстолбца, но я и не читая знаю, что все это мне давно известно. Другая женщина, выпивка, толчок, удар, пинок, сочувствующая сестра или квартирная хозяйка. Ничего тупее не мог бы измыслить и самый тупой писака.

– Очень неудачный пример в поддержку вашей позиции, – сказал Холмс, взяв у меня газету и скользнув взглядом по странице. – Развод Дандесов. Мне в связи с ним пришлось заняться прояснением кое-каких деталей. Муж – трезвенник, никакой другой женщины, жалоба же основывалась на том, что он завел привычку в завершение каждой трапезы извлекать изо рта вставные челюсти и швырять ими в жену, а такое, согласитесь, вряд ли пригрезилось бы заурядному сочинителю рассказов. Возьмите понюшку, доктор, и признайтесь, что я побил вас вашим же примером.

Он протянул мне табакерку старого золота с большим аметистом в центре крышки. Драгоценная вещь, настолько контрастировавшая с простотой его обихода и привычек, что я не удержался и указал ему на это.

– А! – сказал он. – Я и забыл, что мы не виделись несколько недель. Маленький сувенир от короля Богемии на память о моей незначительной помощи в деле с фотографией Ирен Адлер.

– И кольцо? – спросил я, взглянув на сверкающий у него на пальце великолепный бриллиант.

– От голландской королевской семьи. Однако дело, в котором я помог им, настолько щекотливое, что я не могу доверить его даже вам, любителю описывать задачки, которые я решал.

³ Зд.: необычайным (*фр.*).

– А сейчас вы занимаетесь какой-нибудь очередной? – спросил я с живейшим интересом.

– Десятью, двенадцатью, но ни единая не обещает ничего сколько-нибудь любопытного. Нет, они, понимаете, достаточно важны, однако нисколько не интересны. Собственно говоря, я давно убедился, что куда чаще для наблюдений предлагают дела без особой важности, для быстрого анализа причин и следствий, который и придает расследованию увлекательность. Самые серьезные приключения оказываются и самыми простыми, поскольку чем значительнее преступление, тем, как правило, очевиднее оказывается мотив. И во всем десятке упомянутых мною дел, за исключением довольно запутанной истории в Марселе, нет ни единого сколько-нибудь интригующего обстоятельства. Однако не исключено, что через несколько минут я получу их в достатке, так как сюда направляется моя клиентка, или я очень ошибаюсь.

Он уже минуту стоял у окна, глядя между открытыми жалюзи вниз на серую, в тусклых тонах лондонскую улицу. Поглядев через его плечо, я увидел на противоположном тротуаре крупную женщину с тяжелым меховым боа вокруг шеи и с пышным пером, ниспадающим с широких полей шляпы, кокетливо сдвинутой на ухо в манере герцогини Девонширской. Из-под этого внушительного балдахина дама с нервной нерешительностью шурилась вверх на наши окна; фигура ее слегка наклонялась вперед, а пальцы теребили пуговицы перчатки.

Внезапно, будто нырнувший в воду пловец, она метнулась через дорогу, и мы услышали отчаянное дребезжание звонка.

– Я и прежде наблюдал такие симптомы, – сказал Холмс, бросая сигарету в огонь. – Колебания на тротуаре всегда предвещают *affaire du coeur*⁴. Она нуждается в совете, но опасается, можно ли доверить кому-либо столь деликатное дело. Тем не менее и тут существуют различия. Если мужчина нанес женщине тяжкий удар, она не колеблется, и наиболее обычный симптом – оборванная проволока звонка. В данном же случае мы можем заключить, что речь действительно пойдет о любовной интриге, но девица не столько разгневана, сколько ввергнута в растерянность или горе. Впрочем, сейчас она войдет и рассеет наше недоумение.

Он еще не договорил, как в дверь постучали, и мальчик на побегушках доложил о мисс Мэри Сазерленд, а за ним уже маячила черная фигура ее самой, будто торговое судно под всеми парусами позади лоцманского катера. Шерлок Холмс поздоровался с отличающей его непринужденной любезностью и, закрыв дверь, указал ей с поклоном на удобное кресло, а сам оглядывал ее тщательно, но отвлеченно, в особой, только ему присущей манере.

– Не тяжело ли, – сказал он, – с вашей близорукостью так много печатать на машинке?

– Вначале так и было, – сказала она. – Но теперь я нахожу нужные буквы не глядя. – Затем, внезапно осознав скрытое значение его слов, она вздрогнула и взглянула на него со страхом и изумлением на широком благодушном лице.

– Вы слышали про меня, мистер Холмс! – вскричала она. – Как иначе вы могли узнать все это?

– Неважно, – сказал Холмс со смехом. – Мое занятие состоит в том, чтобы знать. Быть может, я приучил себя видеть то, чего другие не замечают. Иначе для чего вы бы пришли посоветоваться со мной?

– Я пришла к вам, сэр, потому что слышала о вас от миссис Этеридж, мужа которой вы отыскиали с такой легкостью, когда полиция, да и вообще все уже считали его мертвым. Ах, мистер Холмс, я жажду, чтобы вы сделали для меня то же самое. Я не богата, но у меня есть моя сотня годового дохода, не считая приработка на машинке, и я отдам это все, лишь бы узнать, что случилось с мистером Хосмером Ангелом.

– Почему вы отправились посоветоваться со мной в такой спешке? – спросил Шерлок Холмс, складывая кончики пальцев и возводя глаза к потолку.

Вновь на несколько глуповатом лице мисс Мэри Сазерленд отразилась растерянность.

⁴ Зд.: любовная интрига (*фр.*).

– Да, я вышла из дома, хлопнув дверью, – сказала она. – До того меня рассердила пренебрежительность, с какой мистер Уиндибенк, то есть мой отец, отнесся ко всему этому. Отказался пойти в полицию и не захотел обратиться к вам. И так как он ничего не предпринял и только повторял, что ничего не произошло, я наконец возмутилась, оделась второпях и поспешила к вам.

– Ваш отец... – сказал Холмс. – Видимо, ваш отчим, так как вы носите другую фамилию.

– Да, мой отчим. Я называю его отцом, хотя это и звучит нелепо, так как он старше меня всего на пять лет и два месяца.

– И ваша матушка жива?

– О да, мама жива и здорова. Я не слишком обрадовалась, мистер Холмс, когда она снова вышла замуж так скоро после папиной смерти, да еще за человека, моложе ее почти на пятнадцать лет. Папа был водопроводчиком на Тоттенхем-Корт-роуд и оставил после себя преуспевающую мастерскую, которой мама управляла совместно с мистером Харди, старшим мастером, но мистер Уиндибенк сразу же принудил ее продать мастерскую, он ведь очень много о себе понимает, как-никак коммивояжер по винам. Всего они выручили четыре тысячи семьсот фунтов, куда меньше, чем получил бы папа, будь он жив, при его-то репутации и клиентуре.

На мой взгляд, Шерлок Холмс должен был изнывать от нетерпения, вынужденный слушать этот путанный и сбивчивый рассказ, однако слушал он его, напротив, с величайшей сосредоточенностью.

– Ваш собственный небольшой доход, – спросил он, – достался вам от продажи мастерской?

– Нет-нет, сэр, он не имеет к ней никакого отношения. Его мне оставил дядя Нед, проживавший в Окленде. Капитал вложен в новозеландские ценные бумаги, приносящие четыре с половиной процента. Капитал составляет две тысячи пятьсот фунтов, но распоряжаться я могу только процентами.

– Вы крайне меня заинтриговали, – сказал Холмс. – И поскольку вы получаете столь крупную сумму – сто фунтов в год, да еще подрабатываете, то, конечно же, немного путешествуете и позволяете себе всякие удовольствия. Мне кажется, одинокая женщина может легко сводить концы с концами и на шестьдесят фунтов годовых.

– Мне вполне хватило бы и меньшей суммы, мистер Холмс, но вы же понимаете, пока я живу дома, я не хочу быть обузой для них, и потому этими деньгами распоряжаются они. Разумеется, это временно. Мистер Уиндибенк каждый квартал забирает мои проценты и отдает их маме, а я убедилась, что отлично обхожусь моим заработком как машинистки. За страницу я получаю два пенса и без труда печатаю за день от пятнадцати до двадцати страниц.

– Вы очень ясно обрисовали ваше положение, – сказал Холмс. – Это мой друг, доктор Ватсон. В его присутствии вы можете говорить столь же откровенно, как и со мной наедине. А теперь, будьте столь добры, расскажите нам все о ваших отношениях с мистером Хосмером Ангелом.

По лицу мисс Сазерленд разлился румянец, и она нервно затеребила бахрому своего жакета.

– Поначалу я познакомилась с ним на балу газовщиков, – сказала она. – Пока папа был жив, они всегда присылали ему пригласительные билеты, а потом не забывали нас и присылали билеты маме. Мистер Уиндибенк не хотел, чтобы мы приняли приглашение. Он вообще не хочет, чтобы мы где-нибудь бывали. Он прямо-таки выходил из себя, если я собиралась отправиться даже на пикник воскресной школы. Но на этот раз я твердо решила приглашение принять и потанцевать на балу – какое, собственно, он имел право возражать? Он сказал, что нам не след якшаться с таким сбродом, а ведь там должны были собраться все папины друзья! И он сказал, что мне нечего надеть, а ведь мое вельветовое сиреневое платье я даже еще ни разу не вынимала из гардероба! Под конец, когда ничего другого не оставалось, он укатил во

Францию по делам фирмы. Но мы, мама и я, все-таки отправились на бал с мистером Харди, который прежде работал у нас старшим мастером, и вот там-то я и познакомилась с мистером Хосмером Ангелом.

– Полагаю, – сказал Холмс, – когда мистер Уиндибенк вернулся из Франции, он очень рассердился, что вы побывали на балу.

– Ну-у, он отнесся к этому по-хорошему. Помнится, он засмеялся, пожал плечами и сказал, что нет смысла что-либо запрещать женщине, все равно она сделает по-своему.

– Так-так. Следовательно, на балу газовщиков вы, насколько я понял, и познакомились с джентльменом по имени Хосмер Ангел.

– Да, сэр. Я познакомилась с ним в тот вечер, а на следующий день он приехал справиться, благополучно ли мы добрались домой, а потом мы с ним встречались... то есть, мистер Холмс, я два раза выходила погулять с ним. Но затем вернулся отец, и мистер Хосмер Ангел нас больше не посещал.

– Нет?

– Ну, понимаете, отец ничего такого не терпит, и в гости никого не приглашает, если может, и любит повторять, что женщине для счастья достаточно ее семейного круга.

Но ведь, как я все время твердила маме, женщине нужен ее собственный семейный круг, а я еще им не обзавелась.

– Ну а мистер Хосмер Ангел? Он не пытался увидеться с вами?

– Так отец снова через неделю собирался во Францию, и Хосмер написал, что будет безопаснее и лучше не видеться друг с другом до его отъезда. А пока можно переписываться, и он писал мне каждый день. Утреннюю почту вынимаю я, так что отец знать не знал.

– И вы уже обручились с этим джентльменом?

– О да, мистер Холмс. Мы обручились на нашей первой прогулке. Хосмер... мистер Ангел, был кассиром на Лиденхолл-стрит... и...

– В какой конторе?

– Это-то и хуже всего, мистер Холмс. Я не знаю.

– Ну а где он жил?

– Ночевал в конторе.

– И адреса вы не знаете?

– Нет. Только улицу. Лиденхолл-стрит.

– Так куда же вы адресовали ваши письма?

– В почтовое отделение на Лиденхолл-стрит до востребования. Он сказал, что, адресуй я их в контору, клерки начнут насмешничать, что он обзавелся дамой сердца, а я сказала, что могу печатать их на машинке, как он свои, но он и слышать об этом не захотел, потому что, сказал он, когда я их пишу, они исходят от меня, а когда печатаю, он всегда чувствует, что нас разлучает машинка. Это показывает, мистер Холмс, какие чувства он питает ко мне и о каких милых пустячках думает.

– Весьма многозначительно, – сказал Холмс. – Я давно считаю аксиомой, что пустячки неизмеримо важнее всего прочего. Вы не могли бы припомнить еще какие-нибудь пустячки о мистере Хосмере Ангеле?

– Он очень застенчив, мистер Холмс. Предпочитал гулять со мной по вечерам, а не при свете дня, потому что не выносит посторонних взглядов, объяснил он. Он был очень сдержан, совсем по-джентльменски. И даже голос у него такой негромкий. В детстве он перенес свинку, железки распухли, сказал он мне, и горло осталось слабым, а манера речи нерешительной, шепчущей. Одет он всегда был элегантно, очень тщательно и просто, но глаза у него слабые, совсем как у меня, и он носит темные очки, чтобы беречь их от света.

– Ну и что же произошло, когда мистер Уиндибенк, ваш отчим, опять отбыл во Францию?

Мистер Хосмер Ангел пришел ко мне домой и предложил, чтобы мы поженились до возвращения отца. Он был прямо-таки в исступлении и заставил меня поклясться на Евангелии, что я всегда буду ему верна, что бы там ни случилось. Мама сказала, что он поступил верно, взяв с меня клятву, и что это верный признак его страстной любви. Мама его одобряла с самого начала и питала к нему чувство, чуть ли не более нежное, чем мое. Потом они заговорили, что брак следует заключить еще до конца недели, и я начала спрашивать, а как же отец. Но они сказали, что это неважно, просто сообщим ему после, а мама сказала, что все сама с ним уладит. Мне это очень не понравилось, мистер Холмс. Конечно, как-то странно испрашивать его разрешения, когда он старше меня всего на несколько лет. Только я не хотела ничего делать исподтишка, а потому написала отцу в Бордо, где у его фирмы есть контора. Но письмо вернулось ко мне утром в день свадьбы.

– Оно разошлось с ним?

– Да, сэр. Он отбыл в Англию как раз перед доставкой почты.

– Ха! Как досадно. Следовательно, ваше бракосочетание было назначено на пятницу? В церкви?

– Да, сэр. Совсем скромно в церкви Спасителя вблизи Кинг-Кросса. А затем мы должны были позавтракать в отеле «Сент-Панкрас». Хосмер заехал за нами в пролетке, но нас ведь было двое, и он усадил нас туда, а сам последовал за нами в кебе, единственном другом свободном экипаже, который проезжал по улице. Мы добрались до церкви первыми. Затем подъехал кеб, и мы ждали, чтобы Хосмер вышел. Но он все не выходил, а когда извозчик соскочил с козел и заглянул внутрь, там никого не было! Извозчик сказал, что понять не может, что с ним приключилось. Он же своими глазами видел, как он залез в кеб. Произошло это в прошлую пятницу, мистер Холмс, и с тех пор я не видела Хосмера и не знаю, что с ним могло случиться.

– Мне кажется, с вами обошлись недостойно, – сказал Холмс.

– О нет, сэр! Он же такой хороший и добрый и просто не мог бы бросить меня подобным образом. Ведь в то утро он все время повторял, что я должна оставаться верной ему, что бы ни произошло, и что если нечто непредвиденное вдруг разлучит нас, я всегда должна помнить о моей клятве и что рано или поздно он потребует ее исполнения. Такой странный разговор перед свадьбой, но он обрел особое значение после того, что произошло потом.

– Бесспорно. Следовательно, вы полагаете, что его постигла некая непредвиденная катастрофа?

– Да, сэр. Полагаю, он предвидел какую-то опасность, иначе он не говорил бы так. А затем, думаю, произошло то, чего он боялся.

– И у вас нет никакого представления, что это могло быть такое?

– Никакого.

– Еще один вопрос. Как относится к случившемуся ваша мать?

– Она очень рассердилась и сказала, чтобы я больше никогда про это не упоминала.

– А ваш отец? Вы ему рассказали?

– Да, и он как будто согласился со мной, что что-то произошло, но что Хосмер, конечно, подаст о себе весть. И он сказал, зачем кому-то могло бы понадобиться привезти невесту к дверям церкви для того лишь, чтобы тут же ее бросить. Вот если бы он занял у меня денег или бы женился на мне и перевел на себя мой капитал, вот тогда бы причина была ясна. Но касательно денег Хосмер был крайне щепетилен и ни разу не взглянул хотя бы на один мой шиллинг. И все-таки что могло случиться и почему он не написал? Ах, при одной мысли об этом я просто с ума схожу и всю ночь напролет не смыкаю глаз. – Она вытащила из муфты носовой платочек и, прижав его к губам, громко зарыдала.

– Для вас я возьмусь за это дело, – сказал Холмс, вставая, – и не сомневаюсь, что мы получим тот или иной конкретный результат. Возложите бремя на меня и постарайтесь больше об

этом не думать. А главное, постарайтесь, чтобы мистер Хосмер Ангел исчез из вашей памяти, как он исчез из вашей жизни.

– Значит, вы полагаете, что я больше никогда его не увижу?

– Боюсь, что нет.

– Но что же с ним произошло?

– Поиски ответа на этот вопрос предоставьте мне. Я хотел бы получить точное описание его наружности, а также те его письма, которые вы могли бы оставить тут.

– Я дала объявление о нем в субботнем номере «Кроникл», – сказала мисс Сазерленд. – Вот оно, а также четыре его письма.

– Благодарю вас. И ваш адрес?

– Тридцать один, Лайон-плейс, Кэмберуэлл.

– Адреса мистера Ангела, насколько я понял, у вас никогда не было. А фирма, где служит ваш отец?

– Он коммивояжер «Уэстхауса и Марбенкса», крупнейших импортеров кларета с конторой на Фенчерч-стрит.

– Благодарю вас. Вы изложили все очень четко. Письма положите сюда и помните совет, который я вам дал. Пусть случившееся останется под семью замками, не допустите, чтобы оно повлияло на вашу дальнейшую жизнь.

– Вы очень добры, мистер Холмс, но последовать вашему совету я не могу. Я буду верна Хосмеру. Он найдет меня прежней, когда вернется.

Вопреки нелепой шляпе и глуповатому лицу, в простодушной вере нашей посетительницы крылось возвышенное благородство, внушавшее уважение. Она положила сверточек с письмами и газетной вырезкой и удалилась, заверив нас, что сразу же приедет, чуть мы ее вызовем.

Шерлок Холмс несколько минут сидел молча, прижимая подушечки пальцев друг к другу, вытянув ноги перед собой и устремив взгляд в потолок. Затем взял с подставки лоснящуюся глиняную трубку, служившую ему своего рода советчицей, и, закулив ее, откинулся в кресле. Вокруг него вверх устремились, свиваясь в гирлянды, густые клубы сизого дыма, а его лицо приняло выражение глубокого покоя.

– Интересный предмет для изучения эта барышня, – заметил он. – Я нахожу ее много интереснее маленькой проблемы, с которой она столкнулась, кстати, весьма банальной. Если вы заглянете в мою картотеку, то найдете подобные случаи – в Андовере в семьдесят седьмом году и нечто сходное в Гааге в прошлом году. Но, как ни стара идея, одна-две детали мне внове. Впрочем, сама барышня весьма и весьма поучительна.

– Вы как будто узнали от нее много такого, что для меня осталось невидимым, – заметил я.

– Не невидимым, а нераспознанным, Ватсон. Вы не знали, что высматривать, и упустили все существенное. Мне так и не удалось убедить вас в важности рукавов, значимости ногтей на больших пальцах или решающих выводов, которые висят на шнурках ботинок. Так что же вам подсказала наружность нашей барышни? Опишите ее.

– Ну, на ней была шиферного цвета соломенная шляпа с широкими полями и с пером кирпичного оттенка. Жакет черный, расшитый черным стеклярусом с бахромой из него же. Платье коричневое, темнее кофейного цвета, с узкой полоской лилового плюша у шеи и на рукавах. Перчатки сероватые с потертостью на правом указательном пальце. Сапожки я не рассмотрел. Круглые сережки-кольца в ушах и общий вид обеспеченности, вульгарности и покладистости.

Шерлок Холмс слегка похлопал в ладоши и усмехнулся:

– Честное слово, Ватсон, вы делаете блестящие успехи. Право же, так. Однако, сказать правду, все существенное вы упустили. Не нащупали метода и только подмечали цвета. Нико-

гда не полагайтесь на общее впечатление, мой мальчик, сосредоточивайтесь на деталях. Первый взгляд я всегда бросаю на женские рукава. У мужчин, пожалуй, начинать лучше с брюк на коленях. Как вы заметили, рукава у этой женщины отделаны плюшем, так услужливо сохраняющем отпечатки. Двойная линия, где машинистка прижимает запястья к столу, была очень четкой. Швейная машинка оставляет такой же след, но только на левой руке и на стороне, противоположной большому пальцу, а не во всю ширину запястья, как в данном случае. Затем я взглянул на ее лицо и заметил по сторонам переносицы вмятинки от пенсне, а потому позволил себе упомянуть про близорукость и печатание на машинке, что как будто ее удивило.

– Во всяком случае, удивило меня.

– Но, простите, это же лежало на поверхности. Затем я, в свою очередь, удивился и заинтересовался, поглядев вниз и обнаружив, что сапожки на ней хотя и похожи, но от разных пар – носок одного был узорчатым, а другого – простым. Один был застегнут только на две нижние пуговички из пяти, а другой – на первую, третью и пятую. А когда вы замечаете, что барышня, в остальном одетая аккуратно, вышла из дома в сапожках от разных пар, застегнутых лишь наполовину, не требуется особой дедукции для вывода, что она покинула дом второпях.

– И что еще? – спросил я с величайшим любопытством, которое во мне неизменно пробуждали исчерпывающие логические построения моего друга.

– Мимоходом я заметил, что перед тем, как уйти из дома, она написала записку, причем когда была уже в верхней одежде. Вы заметили, что ее правая перчатка была чуть порвана на указательном пальце, но словно бы не увидели, что и материал перчатки, и сам палец были слегка испачканы фиолетовыми чернилами. Она писала второпях и слишком глубоко макнула перо в чернильницу. Причем нынче утром, иначе пятнышко на подушечке пальца не сохранилось бы. Все это забавно, хотя и элементарно, но пора взяться за дело, Ватсон. Не будете ли вы так добры прочесть мне из объявления, как выглядит мистер Хосмер Ангел?

Я поднес маленькую вырезку к свету.

«Пропал, – зывала она, – утром четырнадцатого джентльмен по имени Хосмер Ангел. Рост примерно 5 ф. 7 дюймов, крепкое сложение, бледный цвет лица, черные волосы с легкой пролысиной на макушке, пышные черные баки и усы; темные очки, речь с запинкой. Когда его видели в последний раз, был одет в черный сюртук с шелковой отделкой, черный жилет с золотой часовой цепочкой, серые твидовые брюки, коричневые гетры на штиблетах с резиновыми вставками. Известно, что он сотрудничал в конторе на Лиденхолл-стрит. Тому, кто сообщит что-либо...» И т. д. и т. д.

– Достаточно, – сказал Холмс. – А что до писем, – продолжал он, пробегая их глазами, – они не содержат ничего, кроме избитых фраз. Ни единого намека в них на личность мистера Хосмера, если исключить то, что он разок процитировал Бальзака. Однако они содержат деталь, которая, несомненно, бросилась вам в глаза.

– Они напечатаны на машинке, – сказал я.

– Мало того, на машинке напечатана и подпись. Взгляните на четкий мелкий шрифт «Хосмер Ангел» внизу. Как видите, есть дата, но нет адреса, если не считать Лиденхолл-стрит, что несколько неопределенно. Подпись более чем многозначительна. Собственно говоря, мы можем считать ее исчерпывающей.

– В каком смысле?

– Дорогой мой, разве вы не видите, насколько она важна в этом деле?

– Ничего такого я в ней не усматриваю. Разве что он оставлял себе лазейку, чтобы отрицать, что письмо послано им, если ему будет предъявлен иск за нарушение брачного обязательства.

– Нет, совсем не то. Но я напишу два письма, которые полностью прояснят дело. Одно в некую фирму Сити, другое отчиму нашей барышни, мистеру Уиндибенку, с просьбой посетить нас здесь завтра вечером в шесть часов. Всегда лучше наводить справки у родственников

мужского пола. А теперь, доктор, до получения ответа на эти письма мы ничего больше сделать не можем и потому пока оставим нашу маленькую проблему в покое.

У меня были все причины верить в особый логический дар моего друга, в его энергичность в действиях, и потому я не сомневался, что у него должны быть весомые основания для небрежной уверенности, с какой он отнесся к редкостной тайне, которую его призвали раскрыть. Мне был известен только один случай, когда он потерпел неудачу, – в деле короля Богемии и фотографии Ирен Адлер, но, вспоминая жуткое приключение «Знака четырех» и поразительные обстоятельства, связанные с «Этюдом в багровых тонах», я чувствовал, что ему не удастся распутать разве уж совсем невероятный клубок.

А потому я оставил его попыхивать черной глиняной трубкой в полном убеждении, что завтра вечером в его руках будут все нити, которые обеспечат установление личности исчезнувшего жениха мисс Мэри Сазерленд.

В то время сам я был поглощен крайне серьезной профессиональной проблемой и весь следующий день провел у одра тяжелобольного пациента. Было уже почти шесть, когда я наконец освободился и прыгнул в кеб, чтобы поспешить на Бейкер-стрит в некотором опасении опоздать к *déroulement*⁵ нашей интригующей загадки.

Однако я нашел Шерлока Холмса в полном одиночестве. Он дремал, погрузив свою длинную худую фигуру в глубины кресла. Внушительный строй флаконов и пробирок вкупе с сильным густым запахом соляной кислоты сказали мне, что весь день он посвятил химическим исследованиям, столь дорогим его сердцу.

– Ну как? Вам удалось разобраться с этим? – спросил я еще с порога.

– Да, это был бисульфат бария.

– Нет-нет, с тайной! – вскричал я.

– А! Вы об этом... Я задумался о соли, над которой работал. В этом же деле никакой тайны вообще не было, хотя, как я упомянул вчера, кое-какие детали и выглядели интересными. Единственный минус заключается в том, что законченный негодяй не нарушил ни единого закона.

– Так кто же он и с какой целью покинул мисс Сазерленд?

Я едва договорил, а Холмс не успел раскрыть рта, чтобы ответить, как в коридоре послышались тяжелые шаги, и в дверь постучали.

– Отчим барышни, мистер Джеймс Уиндибенк, – сказал Холмс. – Он написал мне, что будет здесь в шесть. Войдите!

Вошел мужчина крепкого сложения, среднего роста, лет тридцати, бритый, с желтоватым цветом лица и вкрадчивостью в манере держаться, со сверлящими серыми глазками. Он вопросительно взглянул на нас по очереди, положил глянцевый цилиндр на столик и с легким поклоном бочком опустился в ближайшее кресло.

– Добрый вечер, мистер Джеймс Уиндибенк. Полагаю, это напечатанное на машинке письмо послано вами, и в нем вы обещали встретиться со мной в шесть часов.

– Да, сэр. Боюсь, я чуть опоздал, но я, знаете ли, не вполне себе хозяин. Сожалею, что мисс Сазерленд побеспокоила вас из-за этой глупости, так как считаю, что подобного рода белье лучше на людях не стирать. Побеспокоила она вас вопреки моему желанию, но, как вы могли заметить, девочка она легко возбудимая, импульсивная, и ее нелегко контролировать, если уж она что-то решила. Разумеется, против вас я возражал бы меньше, поскольку вы с официальной полицией не связаны, однако огласка такой семейной беды крайне неприятна сама по себе. К тому же абсолютно бесполезный расход. Как вообще вы можете разыскать этого Хосмера Ангела?

⁵ Зд.: разрешение (*фр.*).

– Напротив, – невозмутимо сказал Холмс, – у меня есть все основания полагать, что мне удастся обнаружить мистера Хосмера Ангела.

Мистер Уиндибенк вздрогнул так, что выронил перчатки.

– Крайне рад слышать это, – сказал он.

– Весьма любопытно, – заметил Холмс, – что пишущие машинки столь же индивидуальны, как и почерки. Кроме, разумеется, совсем новых, не найдется и двух, печатающих совершенно одинаково. Некоторые буквы снашиваются больше других или только с одной стороны. И заметьте, мистер Уиндибенк, в вашем ответе «е» всякий раз смазано, а хвостик «у» имеет крохотный дефект. Набралось еще четырнадцать характерных особенностей, но эти наиболее наглядны.

– В конторе мы все печатаем на этой машинке, и, без сомнения, она слегка изношена, – ответил наш посетитель, въедливо посмотрев на Холмса посверкивающими глазками.

– А теперь я продемонстрирую вам по-настоящему интересное наблюдение, мистер Уиндибенк, – продолжал Холмс. – Я подумываю как-нибудь на днях написать небольшую монографию о пишущих машинках в связи с преступлениями. Этой теме я уделил кое-какое внимание. Вот четыре письма, предположительно присланных исчезнувшим человеком. Все напечатаны на машинке. И в каждом не только «е» смазаны, а «у» бесхвостые, но если вы соблаговолите воспользоваться моей лупой, то обнаружите и остальные четырнадцать дефектов, про которые я упомянул.

Мистер Уиндибенк взвился из кресла и схватил цилиндр.

– Я не могу тратить время на подобного рода фантазии, мистер Холмс, – отрезал он. – Если вы можете изловить этого субъекта, то изловите его и сообщите мне, когда изловите.

– Не премину, – сказал Холмс, подходя к двери и поворачивая ключ в замке. – Позвольте сообщить вам, что я его изловил.

– Когда? Где? – закричал мистер Уиндибенк, побелев до самых губ и стреляя глазами по сторонам, точно крыса в крысоловке.

– Право же, ничего не выйдет, – сказал Холмс учтиво. – Увильнуть невозможно, мистер Уиндибенк. Все слишком уж явно. И вы отпустили мне далеко не самый лестный комплимент, сказав, что найти ответ на столь примитивный вопрос выше моих сил. Вот-вот! Садитесь и поговорим спокойно.

Наш посетитель уже рухнул в кресло. Лицо у него исказилось, на лбу выступили капельки испарины.

– Это... это неподсудно, – прохрипел он.

– Весьма опасаясь, что нет, но, говоря между нами, Уиндибенк, мне еще не приходилось сталкиваться с таким жестоким своекорыстным и бессердечным обманом и с таким подлым. Теперь позвольте вкратце изложить ход событий и поправьте меня, если я в чем-либо ошибусь.

Уиндибенк скорчился в кресле, уронив голову на грудь, как человек, стертый в порошок. Холмс поставил ногу на угол камина, прислонился спиной к стене, и, сунув руки в карманы, заговорил, обращаясь словно бы не столько к нам, сколько к самому себе:

– Мужчина женится на женщине намного его старше ради ее денег, – начал он, – и получает возможность распоряжаться деньгами ее дочери, пока та живет с ними. Суммой весьма значительной для людей их положения, потеря которой составила бы чувствительную разницу. И стоило приложить усилия, чтобы этого не произошло. Дочь – добрая, покладистая, но также привязчивая и способная увлечься. А потому было очевидно, что при своей личной привлекательности вкупе с небольшим ежегодным доходом она вряд ли надолго останется незамужней. Но ее брак, разумеется, означал утрату ста фунтов в год. И что же предпринимает ее отчим для предотвращения этого? Он прибегает к очевидным мерам: препятствует ей выходить из дома и мешает бывать в обществе молодых людей, близких ей по возрасту. Но вскоре убеждается,

что этого недостаточно. Ее терпение истощается, она настаивает на своих правах и наконец выражает непреклонное желание отправиться на некий бал. И что же предпринимает ее хитрый отчим? У него возникает идея, делающая больше чести его голове, нежели сердцу. С одобрения и при пособничестве жены он изменяет свою внешность, прячет эти буравящие глазки за стеклами темных очков, маскирует лицо усами, парой пышных бакенбард, превращает этот звучный голос во вкрадчивый шепоток, и, вдвойне подстрахованный близорукостью девушки, он является в роли мистера Хосмера Ангела и держит всех возможных ухажеров на расстоянии, ухаживая за ней сам.

– Поначалу это была просто шутка, – простонал наш посетитель. – Нам и в голову не приходило, что она так увлечется.

– Не исключено. Но, как бы то ни было, барышня бесспорно увлеклась, и, не сомневаясь, что ее отчим отбыл во Францию, она ни на мгновение не заподозрила даже возможности предательского обмана. Ей льстило внимание этого джентльмена, и эффект усугубляли щедрые выражения одобрения и восхищения со стороны ее матери. Затем мистер Ангел начал наносить визиты, поскольку стало ясно, что затею, чтобы она дала реальные результаты, следует довести до елико возможного предела. Последовали встречи и помолвка, которая наконец-то гарантировала, что девушка не перенесет свою привязанность на кого-нибудь другого. Разумеется, поддерживать обман намного дольше не представлялось возможным. Притворные поездки во Францию были сопряжены с многочисленными трудностями. Стало очевидным, что хитрость нужно завершить с таким драматизмом, чтобы мистер Хосмер Ангел неизгладимо запечатлелся в сердце барышни и еще долго мешал ей почувствовать интерес к какому-нибудь другому ухажеру. Отсюда клятвы в верности, исторгнутые на Евангелии, и отсюда же намеки на нечто зловещее, что могло разразиться в утро свадьбы. Джеймс Уиндибенк хотел, чтобы мисс Сазерленд оказалась настолько прочно связанной с Хосмером Ангелом и была бы настолько не уверена в его судьбе, что по меньшей мере в течение десяти лет не посмотрела бы на другого мужчину. Он доставляет ее до церковных дверей, а затем, поскольку дальнейшее продолжение невозможно, благополучно исчезает с помощью испытанного трюка, войдя в одну дверцу экипажа и выскочив из другой. Полагаю, события развивались именно так, мистер Уиндибенк?

Пока Холмс говорил, наш посетитель вновь частично обрел самоуверенность и теперь поднялся из кресла с презрительно-холодной усмешкой на бледном лице.

– Может быть, так, а может быть, и не так, мистер Холмс, – сказал он. – Но раз вы такой умник, вам должно достать ума понять, что теперь закон нарушаете вы, а не я. С самого начала я не совершал ничего подсудного, но, пока вы оставляете эту дверь запертой, вас можно привлечь к ответственности за физическое нападение и противоправное удержание.

– Закон, как вы указали, вас коснуться не может, – сказал Холмс, отпирая и распахивая дверь, – однако еще не было человека, который настолько заслуживал бы кары. Будь у мисс Сазерленд брат или друг, он отделал бы вас хлыстом. Черт возьми! – продолжал он, багровея при виде злорадной усмешки на лице Уиндибенка. – Хотя это не входит в мои обязанности по отношению к моей клиентке, но охотничий хлыст – вот он, и, пожалуй, я доставлю себе удовольствие...

Он стремительно шагнул к хлысту, но не успел его схватить, как с лестницы донесся торопливый топот, хлопнула тяжелая входная дверь, и мы увидели в окно, что мистер Джеймс Уиндибенк удирает по тротуару со всей доступной ему быстротой.

– Ну и хладнокровный же подлец, – сказал Холмс со смехом, вновь опускаясь в кресло. – Этот субъект будет усугублять преступление за преступлением, пока не совершит нечто настолько уж черное, что угодит на виселицу. Дело это в некоторых отношениях было не лишено интереса.

– Мне не вполне ясны все звенья ваших рассуждений, – сказал я.

– Разумеется, с самого начала было очевидно, что этот мистер Хосмер Ангел должен был иметь весомейшую цель для своего столь своеобразного поведения. Не менее очевидным было и то, что единственным, насколько мы могли судить, кому случившееся шло на пользу, был отчим. Далее, тот факт, что они никогда не соприкасались, и то, что один появлялся всегда, когда второй отсутствовал, наводил на определенный вывод, как и темные очки, и шепчущий голос. Иными словами, два намека на переодевание, да еще вкупе с пышными бакенбардами! Мои подозрения подтвердила его словно бы необъяснимая манера печатать свои подписи, указывавшая, что его почерк хорошо ей знаком и она может узнать его и по малому образчику. Как видите, эти факты, дополняемые множеством второстепенных, – все указывали на одноединственное истолкование.

– А как вы их удостоверили?

– Выявив искомого субъекта, найти подтверждение было просто. Я знал, в какой фирме он служит. Взяв напечатанное его описание, я изъясил все вероятные элементы переодевания – бакенбарды, усы, очки, голос – и отправил его в фирму с просьбой сообщить мне, соответствует ли это описание внешности кого-либо из их коммивояжеров. Особенности шрифта пишущей машинки я уже выявил и отправил ему на адрес фирмы письмо с просьбой посетить меня тут. Как я и ожидал, ответ его был напечатан на машинке, и шрифт содержал те же самые тривиальные, но характерные дефекты. С той же почтой пришел ответ «Уэстхауса и Маркбенса» с Фенчерч-стрит с сообщением, что описание это полностью отвечает внешности их служащего Джеймса Уиндибенка. *Voila tout*⁶.

– А мисс Сазерленд?

– Если я скажу ей, она мне не поверит. Возможно, вы помните древнее персидское при-
слобие: «Смертельная опасность грозит тому, кто похитит у тигрицы ее тигренка, как и тому, кто выведет женщину из ее заблуждения». В здравом смысле Хафиз не уступал Горацию, как и в знании путей света.

⁶ Вот и все (*фр.*).

Приключение пяти апельсиновых зернышек

Когда я просматриваю мои пометки и записи о расследованиях, которые Шерлок Холмс вел между тысяча восемьсот восемьдесят вторым и девяностым годом, то оказываюсь перед выбором из такого количества дел, содержащих любопытнейшие и редчайшие черты, что не так-то легко решить, на каких остановиться, а какие отложить. Впрочем, некоторые уже получили известность благодаря газетам, а другие не представили случая моему другу применить свои особые таланты, иллюстрацией которых предназначены служить эти записки. Некоторые к тому же не поддались его аналитическому дару и, как рассказы, представили бы собой одни начала без концов; другие же были раскрыты лишь частично, и объяснения опираются более на предположения и догадки, чем на неопровержимые логические выводы, столь ему дорогие. Однако среди этих последних дел есть одно настолько поразительное в своих подробностях и столь неординарное по результатам, что я поддался соблазну изложить его, вопреки тому факту, что некоторые связанные с ним моменты так и не были и, скорее всего, так и не будут полностью раскрыты.

Год восемьдесят девятый знаменовался для нас длинной серией дел большего или меньшего интереса, записями которых я располагаю. Среди заголовков, относящихся к этим двенадцати месяцам, я нахожу отчет о «Приключении Парадола Чэмбера из Общества попрошайек-любителей», содержавшего роскошный клуб в подвале мебельного склада; о фактах, связанных с исчезновением английского барка «Софи Андерсон»; о примечательных приключениях Грайса Пейтерсона на острове Уффа и, наконец, дело об отравлении в Кэмберуэлле. В последнем, как, возможно, еще не забыто, Шерлок Холмс сумел, заведя карманные часы покойника, установить, что заведены они были два часа назад и что, следовательно, умерший лег спать в этот промежуток времени – дедукция, сыгравшая важнейшую роль в раскрытии преступления. Все вышеупомянутые дела я, возможно, опишу когда-нибудь в будущем, но ни одно из них не предлагает чего-либо сравнимого с той поразительной цепью обстоятельств, для изложения которой я взялся за перо сейчас.

Приближался конец сентября, и равноденственные штормы бушевали с необычной силой. Ветер завывал весь день, дождь хлестал в окна, и даже тут, в сердце великого, сотворенного человеческими руками Лондона, мы были вынуждены на мгновение отвлечься от обыденной жизни и признать присутствие великих стихийных сил, которые рычаг на род людской сквозь решетку его цивилизации, будто неукротенные звери в клетке. С приближением вечера буря усилилась, грохоча все громче, а ветер в трубе плакал и рыдал, будто ребенок. Шерлок Холмс по одну сторону камина сумрачно составлял перекрестный индекс своих записей о преступлениях, а по другую сторону я с головой ушел в прекрасный морской рассказ Кларка Рассела, и мне уже чудилось, будто вой урагана снаружи сливается с текстом, а плеск дождя растягивался в длинное бурление морских волн. Моя жена гостила у своей тетки, и на несколько дней я вновь стал обитателем квартиры на Бейкер-стрит.

– Мне кажется, – сказал я, подняв глаза на Шерлока Холмса, – в дверь позвонили. Кто может прийти в такой час? Кто-нибудь из ваших друзей?

– Кроме вас, у меня их нет, – ответил он. – И я предпочитаю обходиться без гостей.

– Значит, клиент?

– Если так, то по очень серьезному делу. Ничто иное не заставило бы человека выйти из дома в такую погоду и в такое время. Но, полагаю, просто приятельница квартирной хозяйки.

Однако Шерлок Холмс ошибся в своем предположении, так как в коридоре послышались шаги и раздался стук в дверь. Он вытянул длинную руку и повернул лампу так, что ее лучи падали не на него, а в сторону свободного стула, на котором предстояло сидеть пришедшему.

– Войдите! – сказал он.

Вошел молодой человек лет двадцати двух, не больше, с ухоженной внешностью и элегантно одетый, с некоторой утонченностью и деликатностью в манере держаться. Зонт, с которого текла вода, и длинный блестящий непромокаемый плащ напоминали о непогоде, которая его не остановила. В сиянии лампы он тревожно огляделся, и я увидел, что лицо у него бледное, а веки набрякли, точно у человека, снедаемого страшной тревогой.

– Я должен извиниться перед вами, – сказал он, поднося к глазам пенсне в золотой оправе. – Надеюсь, я ничему не помешаю. Боюсь, я внес в вашу уютную комнату следы бури и ливня.

– Дайте мне ваш плащ и зонтик, – сказал Холмс. – Повешенные на этом крючке, они скоро высохнут. Вы приехали, как вижу, с юго-запада.

– Совершенно верно, из Хоршема.

– Смесь глины с мелом, которую я вижу на носках ваших ботинок, сомнений не оставляет.

– Я пришел попросить совета.

– Его получить не трудно.

– И помощь.

– С этим бывает потруднее.

– Я слышал о вас, мистер Холмс. Слышал от майора Прендергаста, как вы спасли его, когда в Танкервильском клубе вспыхнул скандал.

– А, да. Его ложно обвинили в шулерстве.

– Он сказал, что вы способны разгадать что угодно.

– Он преувеличил.

– Что вы никогда и никем не были побиты.

– Я был побит четыре раза – три раза мужчинами и один раз женщиной.

– Но это же малость в сравнении с вашими успехами.

– Да, правда, обычно я добивался успеха.

– Как, уповаю, будет и в моем случае.

– Прошу вас, придвиньтесь поближе к огню и расскажите мне подробности вашего дела.

– Оно крайне необычное.

– Как и все, попадающие ко мне. Я последняя инстанция.

– И все же, сэр, я сомневаюсь, что вам со всем вашим опытом приходилось сталкиваться с более необъяснимой и таинственной цепью событий, чем те, которые обрушились на мою собственную семью.

– Вы пробудили мой интерес, – сказал Холмс. – Прошу, сообщите нам все существенные факты с самого начала, а затем я расспрошу вас о тех деталях, которые покажутся мне особенно важными.

Молодой человек придвинул стул ближе к камину и протянул промокшие ноги к пылающему огню.

– Меня зовут, – сказал он, – Джон Оупеншо, но мои личные дела, насколько я понимаю, не имеют никакого отношения к этому жуткому делу. Оно, так сказать, семейное, а потому, чтобы факты стали вам ясны, мне придется вернуться к тому, с чего все началось.

Вам следует узнать, что у моего деда было два сына – мой дядя Элиас и мой отец Джозеф. У моего отца был заводик в Ковентри, который он расширил в то время, когда велосипеды вошли в широкое употребление. Он запатентовал неуязвимую шину Оупеншо, и дела шли столь успешно, что он смог продать завод с большой выгодой и уйти на покой обладателем солидного состояния.

Мой дядя Элиас в молодости эмигрировал в Америку и стал плантатором во Флориде, где, насколько было известно, весьма преуспевал. В дни войны он сражался в армии Джексона, а затем под командованием Гуда и получил чин полковника. Когда Ли капитулировал, дядя вернулся на свою плантацию, где оставался еще три-четыре года. Примерно в тысяча восемь-

сот шестьдесят девятом или семидесятом году он вернулся в Европу и купил небольшое поместье в Сассексе вблизи Хоршема. В Штатах он нажил весьма значительное состояние, и причиной его отъезда явилось его отвращение к неграм и неприятие политики республиканцев касательно предоставления им права голоса. Он был холостяком, жестким и вспыльчивым по натуре, сыпал грязными ругательствами в минуты ярости и предпочитал уединенный образ жизни. Сомневаюсь, что за все годы жизни под Хоршемом он хотя бы раз побывал в городе. У него был сад, два-три луга вокруг дома, и там он совершал свои прогулки, хотя часто неделями не выходил из своей комнаты. Он неумеренно пил бренди и был заядлым курильщиком, но избегал общества, не искал дружбы ни с кем, включая родного брата.

Но против меня он ничего не имел и даже привязался ко мне, так как когда он меня впервые увидел, я был мальчишкой двенадцати лет, или около того. Произошло это где-то в семьдесят восьмом году, после того, как он прожил в Англии восемь-девять лет. Он упросил моего отца позволить мне жить у него и по-своему был очень добр ко мне. Когда он был трезв, то любил играть со мной в триктрак или шашки и сделал меня своим посредником в общении со слугами и лавочниками, так что к шестнадцати годам я стал настоящим хозяином его дома. Все ключи хранились у меня, и я мог ходить куда хотел и делать что хотел, лишь бы не тревожить его уединения. Однако имелось особое исключение: один из чердаков всегда под замком, куда он не позволял входить ни мне, ни кому-либо другому. С мальчишеским любопытством я пытался заглянуть туда сквозь замочную скважину, но всякий раз видел только нагромождение старых сундуков и узлов, какие обычно и занимают такие чердаки.

Однажды – это было в марте восемьдесят третьего года – за завтраком на столе возле тарелки полковника было положено письмо с иностранной маркой. Он редко получал письма, так как все его покупки оплачивались наличными, а друзей и близких знакомых у него не было.

– Из Индии, – сказал он, беря конверт. – Штемпель Пондишери! Что бы это могло быть?

Он торопливо вскрыл конверт, и на его тарелку высыпались пять высохших апельсиновых зернышек. Я было засмеялся, но смех застыл у меня на губах, едва я увидел выражение его лица. Нижняя губа отвисла, глаза выпучились, кожа обрела цвет замазки, и он вперял взгляд в конверт, который все еще сжимал дрожащей рукой.

– К.К.К., – вскрикнул он, а затем: – Боже мой, Боже мой, мои грехи настигли меня.

– Что это, дядя? – вскричал я.

– Смерть, – сказал он, встал из-за стола и ушел в свою комнату, оставив меня дрожать от ужаса. Я взял конверт и увидел, что внутри по отогнутому клапану над линией клея красными чернилами трижды нацарапана буква «К». И больше в нем не было ничего, не считая пяти зернышек. Что могло вызвать у него такой смертельный ужас? Я вышел из-за стола. На лестнице я увидел, что он спускается вниз со старым ржавым ключом в одной руке, несомненно от чердака, а в другой держит медную шкатулку, вроде тех, в которых хранят расхожие деньги.

– Пусть делают что хотят, но верх все равно останется за мной! – И он выругался. – Скажи Мэри, чтобы в моей комнате затопили камин, и пошли за Фордхемом, хоршемским нотариусом.

Я выполнил его распоряжения, а когда нотариус приехал, меня позвали в комнату дяди. Огонь в камине пылал, решетку покрывал слой черного пушистого пепла, будто от сожженной бумаги, а медная шкатулка на полу возле была открыта и пуста. Когда я посмотрел на шкатулку, то даже вздрогнул: под крышкой виднелись три «К», такие же, как те, что я видел утром на конверте.

– Я хочу, Джон, – сказал дядя, – чтобы ты засвидетельствовал мое завещание. Я оставляю мое поместье со всеми его плюсами и минусами моему брату, твоему отцу, и со временем оно, без сомнения, перейдет к тебе. Если ты сможешь владеть им мирно и приятно, тем лучше! Если же сочтешь, что нет, то последуй моему совету, мой мальчик, и отдай его своему злейшему

врагу. Прости, что я оставляю тебе такое обоюдоострое наследство. Но я не знаю, какой оборот примут события. Будь добр, распишись, где тебе покажет мистер Фордхем.

Я расписался, как мне было указано, и нотариус забрал документ с собой. Как вы легко себе представите, случившееся в своей необычности произвело на меня сильнейшее впечатление, и я обдумывал его и так и эдак, но ничего понять не смог. Меня продолжало преследовать смутное чувство тревоги, вызванной им, хотя она и притупилась, пока неделя проходила за неделей и ничто не нарушало обычного течения наших жизней. Однако я замечал перемену в моем дяде. Он пил гораздо больше и еще упорнее прежнего избегал какого бы то ни было общества. Большую часть времени он проводил в своей комнате, запершись изнутри, хотя иногда выходил, будто в пьяном угаре, выбегал из дома и метался по саду с револьвером в руке, крича, что он никого не боится и ни человеку, ни дьяволу не запереть его, будто овцу в загоне. Но когда припадок ярости угасал, он бешено устремлялся к двери, запирали ее за собой, задвигал засов, как человек, который не в силах долее притворно противостоять ужасу, угнездившемуся в самых корнях его души. В такие моменты даже в холодные дни его лицо влажно блестело, будто он обмакнул его в тазик.

Ну, короче говоря, мистер Холмс, чтобы не испытывать дольше вашего терпения, как-то вечером он вот так выбежал из дома в пьяной ярости и не вернулся. Когда мы вышли на поиски, то нашли его лежащего ничком в тинистой воде прудика в конце сада. Никаких признаков насилия видно не было, глубина прудика не превышала и двух футов, и присяжные, учитывая его всем известную чудаковатость, вынесли вердикт «самоубийство». Только я, зная, как он страшился даже мысли о смерти, никак не мог убедить себя, будто он сам пошел ей навстречу. Но все осталось позади, и мой отец вступил во владение поместьем и примерно четырнадцатью тысячами фунтов, лежавших на его счету в банке.

– Минуточку, – перебил Холмс. – Предвижу, ваш рассказ окажется одним из самых поразительных, какие мне доводилось слышать. Сообщите мне дату получения письма вашим дядей и дату его предполагаемого самоубийства.

– Письмо пришло десятого марта восемьдесят третьего года. Его смерть последовала семь недель спустя в ночь на двадцатое мая.

– Благодарю вас. Прошу, продолжайте.

– Когда мой отец стал хозяином поместья, он по моей просьбе тщательно осмотрел чердак, прежде всегда запертый. Мы нашли там медную шкатулку, хотя ее содержимое и было уничтожено. На внутренней стороне крышки был бумажный ярлык с инициалами К.К.К., а под ними надпись «Письма, документы, квитанции и список». Все это, решили мы, указывало на характер документов, уничтоженных полковником Оупеншо. В остальном ничего сколько-нибудь интересного на чердаке не нашлось, кроме большого количества разбросанных листов бумаги и блокнотов, касавшихся жизни моего дяди в Америке. Некоторые относились ко времени войны и указывали, что он доблестно выполнял свой долг и имел репутацию храброго воина. Другие датировались временем реконструкции Южных Штатов и в основном касались политики, свидетельствуя, что он, видимо, принимал деятельное участие в оппозиции корыстным политикам, нахлынувшим с Севера.

Ну, в начале восемьдесят четвертого года мой отец поселился в поместье, и все у нас шло как нельзя лучше до января восемьдесят пятого. Четыре дня спустя после Нового года, когда мы сидели вместе за завтраком, мой отец вдруг удивленно вскрикнул. В одной его руке был только что вскрытый конверт, а на ладони другой лежали пять сухих апельсиновых зернышек. Он всегда посмеивался над моей, как он выражался, нелепой историей о полковнике, но теперь, когда то же самое случилось с ним, он выглядел очень удивленным и испуганным.

– Что... что, собственно, это может значить, Джон? – пробормотал он.

Сердце у меня налилось свинцом.

– Это К.К.К., – ответил я.

Он заглянул в конверт.

– Так и есть! – вскричал он. – Вот они, эти самые буквы. Но что значит надпись над ними?

– «Положи бумаги на солнечные часы», – прочел я через его плечо.

– Какие бумаги? Какие солнечные часы? – спросил он.

– Солнечные часы в саду, – сказал я. – Других тут нет, – но бумаги, видимо, те, которые он уничтожил.

– Пф! – сказал отец, собрав все свое мужество. – Мы живем в цивилизованной стране и не должны терпеть подобные шутовские выходки. Откуда оно?

– Из Данди, – ответил я, поглядев на штемпель.

– Нелепая возмутительная шутка, – сказал он. – Какое отношение я имею к солнечным часам и бумагам? Не стану и внимания обращать на подобную чепуху.

– Я бы обязательно заявил в полицию, – сказал я.

– Чтобы меня там высмеяли? Да ни за что на свете.

– Тогда разреши мне.

– Нет! Я тебе запрещаю. Не желаю поднимать шум из-за такого вздора.

Спорить с ним не имело смысла, он был крайне упрям. Однако сердце у меня преисполнилось дурных предчувствий.

На третий день после получения письма мой отец отправился навестить старого друга, майора Фрибоди, коменданта одного из фортов на Портсдаунском холме. Я обрадовался, так как мне казалось, что вне дома он находится в большей безопасности. Однако я ошибался. На второй день его отсутствия я получил телеграмму от майора с просьбой немедленно приехать. Мой отец упал в глубокую меловую яму – местность там ими изобилует – и лежит без чувств с проломленным черепом. Я поспешил к нему, но он скончался, так и не придя в сознание. Видимо, он возвращался из Фейрхема в сумерках, и, поскольку окрестности были ему незнакомы, а яма не огорожена, присяжные без колебания вынесли вердикт «смерть в результате несчастного случая». Как ни тщательно исследовал я каждый факт, связанный с его смертью, я не сумел обнаружить ничего, что могло бы указать на убийство. Ни признаков насилия, ни следов подошв, ни ограбления, ни упоминаний о неизвестных людях, которых видели бы на дороге. И все же мне незачем говорить вам, как твердо я был уверен, что он стал жертвой чьих-то гнусных замыслов.

Вот при таких зловещих обстоятельствах я вступил во владение своим наследством. Вы спросите, почему я не продал поместья? Ответу: поскольку я не сомневался, что наши беды были связаны с чем-то в жизни моего дяди и что опасность будет равно угрожать мне, в каком бы доме я ни поселился.

Мой бедный отец встретил свою кончину в январе восемьдесят пятого года. И с той поры миновало два года и девять месяцев. Все это время я благополучно жил в Хоршеме и начинал надеяться, что проклятие, тяготевшее над нашим родом, не коснулось его последнего поколения. Однако я утешал себя слишком рано, и вчера утром удар был нанесен в той же самой форме, в какой он сразил моего отца.

Молодой человек вынул из кармана жилета смятый конверт и, повернувшись к столику, потряс на него пять сухих апельсиновых зернышек.

– Они были в конверте, – продолжал он. – Лондонский штемпель восточного района. Внутри те же самые слова, из каких состояло последнее требование, присланное моему отцу: «К.К.К.», а затем «положи бумаги на солнечные часы».

– И что вы сделали? – спросил Холмс.

– Ничего.

– Ничего?

– Правду сказать, – он уткнул лицо в ладони худых бледных рук, – меня охватило чувство беспомощности. Будто бедного кролика, когда к нему подползает змея. Будто я оказался в

ловушке непреодолимого, неумолимого зла, от которого не спасут ни предусмотрительность, ни любые предосторожности.

– Ну-ну! – воскликнул Шерлок Холмс. – Вы должны действовать, мой милый, или вы погибнете. Спасти вас могут только энергичные действия. Сейчас не время поддаваться отчаянию.

– Я обратился в полицию.

– А!

– Но мою историю там выслушали с улыбкой. Полагаю, инспектор не усомнился, что все письма были шутками, а мои дядя и отец, как постановили присяжные, стали жертвами несчастных случаев, не имевших никакой связи с угрозами.

Холмс потряс в воздухе сжатыми кулаками.

– Немыслимый идиотизм! – вскричал он.

– Однако они отрядили полицейского охранять меня в доме.

– И он сопровождал вас сюда?

– Нет. Его инструкции были оставаться в доме.

Вновь Холмс испустил громкое проклятие.

– Почему же вы пришли ко мне? – спросил он затем. – И главное: почему вы не пришли сразу?

– Я не знал о вас. О моей беде я поговорил с майором Прендергастом только сегодня, и он посоветовал обратиться к вам.

– Собственно, прошло уже двое суток, как вы получили письмо. Нам следовало бы уже действовать. Полагаю, у вас нет никаких улик, кроме тех, которые вы нам показали, и никакой пропущенной подробности, которая могла бы нам помочь?

– Есть одно, – сказал Джон Оупеншо. Он порылся в кармане пиджака и извлек грязный листок голубоватой бумаги, который положил на столик. – Я припомнил, – продолжал он, – что в день, когда дядя сжег бумаги, я заметил, что небольшие уцелевшие краешки, лежавшие в пепле, были такого вот цвета. А листок этот я нашел на полу его комнаты и склонен думать, что, возможно, он выпал из пачки бумаг и в результате избежал сожжения. Если не считать упоминания о зернышках, не представляю, что он может как-то нам помочь. Думается, это страничка из дневника. Почерк, вне всяких сомнений, моего дяди.

Холмс подвинул лампу, и мы оба наклонились над листком, зазубренный край которого свидетельствовал, что он был вырван из тетради. Вверху значилось: «Март, 1860», а ниже следовали заметки:

4-е: Явился Хадсон. Твердит все то же.

7-е: Зернышки Макколи, Парамору и Джону Свейну в Сент-Огастен.

9-е: Макколи убыл.

10-е: Джон Свейн убыл.

12-е: Парамор навещен. Все в порядке.

– Благодарю вас! – сказал Холмс, складывая листок и протягивая его нашему посетителю. – А теперь вы ни в коем случае не должны терять и секунды. У нас даже нет времени обсудить то, что вы мне рассказали. Вы должны сейчас же вернуться домой и действовать.

– Что я должен делать?

– Есть только одно, и сделать это необходимо сейчас же. Вы должны положить листок, который показали нам, в медную шкатулку, вами упомянутую. И вложить в нее записку, что все остальные бумаги ваш дядя сжег и сохранился только этот листок. Вы должны изложить это в убедительнейших словах. Сделать это вы должны без промедления и поставить шкатулку на солнечные часы, как вам указано. Вы поняли?

– Понял все.

– Сейчас не думайте об отмщении или о чем-либо подобном. Полагаю, добиться этого мы сможем с помощью закона; но нам еще предстоит сплести собственную паутину, а их паутина уже сплетена. В первую очередь необходимо избавиться от опасности, угрожающей вам сейчас. А затем раскрыть тайну и покарать виновных.

– Я крайне вам благодарен, – сказал молодой человек, вставая и надевая плащ. – Вы вдохнули в меня новую жизнь и надежду. Я скрупулезно исполню ваш совет.

– Не теряйте ни секунды. А главное, пока берегите себя. На мой взгляд, нет никаких сомнений, что вам угрожает очень реальная и сиюминутная опасность. Как вы намерены вернуться?

– На поезде с вокзала Ватерлоо.

– Сейчас еще нет девяти. Улицы полны прохожих, так что, надеюсь, вы будете в безопасности. И все-таки будьте крайне осторожны.

– Я вооружен.

– Отлично. Завтра я займусь вашим делом.

– Значит, я увижу вас в Хоршеме?

– Нет. Разгадка вашей тайны в Лондоне, и я буду искать ее здесь.

– Тогда я зайду к вам завтра или послезавтра сообщить про шкатулку и бумаги. Ваши советы я выполню со всей точностью.

Он пожал нам руки и ушел. Снаружи все еще завывал ветер, а дождь хлестал в окна, стечая по стеклу. Эта странная дикая история обрушилась на нас вместе с диким разгулом стихий, будто закрученный ураганом клубок морских водорослей, а теперь они вновь ее поглотили.

Шерлок Холмс некоторое время сидел в молчании, наклонив голову, устремив глаза на багровый отсвет огня. Затем закурил трубку, откинулся в кресле и следил за сизыми кольцами дыма, устремлявшимися к потолку одно за другим.

– Думаю, Ватсон, – заметил он наконец, – среди всех наших прошлых дел не было ни одного столь фантастичного.

– Кроме, пожалуй, «Знака четырех».

– Ну, да, кроме, пожалуй, этого. Однако, мне кажется, Джон Оупеншо оказался среди даже еще больших опасностей, чем тогда Шольто.

– Но у вас уже сложилось четкое представление, – спросил я, – что это за опасности?

– Об их характере и вопроса не встает, – ответил он.

– Так каковы же они? Кто К.К.К. и почему он преследует эту злополучную семью?

Шерлок Холмс закрыл глаза, уперся локтями в ручки кресла и прижал кончики пальцев друг к другу.

– Идеальный логик, – заметил он, – получив один-единственный факт со всеми его деталями, сумел бы с помощью дедукции не просто вывести всю цепь событий, к нему приведшую, но и то, что из него воспоследует. Как Кювье точно описывал все животное, рассмотрев одну-единственную кость, так наблюдатель, полностью постигший одно звено в цепи происшествий, должен быть столь же способен точно назвать все предыдущие и последующие звенья. Мы еще не постигли следствий, определить которые способны только логика и разум. Изучение может преодолеть проблемы, которые ставили в тупик всех тех, кто искал решения, полагаясь лишь на органы чувств. Но, чтобы поднять это искусство до его высшего уровня, необходимо, чтобы логик был способен использовать все факты, ставшие ему известными, а это само по себе, как вы легко увидите, подразумевает обладание всеми возможными знаниями, что даже в наши дни бесплатного образования и энциклопедий довольно-таки большая редкость. Однако не столь уж невозможно, чтобы человек овладел всеми знаниями, полезными ему в его работе, и именно к этому в моем случае стремился я. Если память мне не изменяет, как-то вы в первые дни нашей дружбы очень точно определили мою ограниченность.

– Да, – ответил я со смехом. – Это был любопытнейший документ. Помнится, философия, астрономия и политика были помечены нулями; ботаника – в зависимости от раздела; геология – на высоком уровне касательно пятен грязи любого района в радиусе пятидесяти миль от города; химия – прихотливо; анатомия – бессистемно; сведения о газетных сенсациях и истории преступлений – уникальны. Скрипач, боксер, фехтовальщик, юрист и самоотравитель с помощью кокаина и табака. Вот, мне кажется, были основные пункты моего анализа.

Последний пункт вызвал у Холмса улыбку.

– Ну, – сказал он, – я скажу теперь, как и тогда, что человеку следует заполнить свой мозговой чердачок всей той мебелью, которая нужна ему постоянно, а остальное пусть уберет в чулан своей библиотеки и достает оттуда по мере надобности. Ну, а для такого дела, с каким мы столкнулись сегодня, нам безусловно, требуется употребить все наши ресурсы. Будьте добры, достаньте мне том на «К» Американской энциклопедии, которая стоит на полке рядом с вами. Благодарю вас. Теперь взвесим ситуацию и посмотрим, что мы сумеем почерпнуть из нее. Во-первых, мы можем начать с весомого предположения, что у полковника Оупеншо была крайне важная причина покинуть Америку. Люди в его возрасте не ломают все привычки и по доброй воле не меняют чудесный климат Флориды на замкнутую жизнь в английском захолустье. Его чрезвычайная любовь к одиночеству в Англии наводит на мысль, что он боялся кого-то или чего-то, и потому можно взять за рабочую гипотезу, что бежать из Америки его понудил страх перед кем-то или перед чем-то. Но кого или чего он боялся, мы можем вывести, только проанализировав угрожающие письма, которые получил он сам и его преемники. Вы помните штемпеля на них?

– Первое было из Пондишери, второе из Данди, а третье из Лондона.

– Из Восточного Лондона. Какой вывод вам подсказывает дедукция?

– Все это морские порты. И, значит, писавший находился на борту судна.

– Превосходно. У нас уже имеется подсказка. Нет сомнения, что, вероятно – и вероятность эта близка к неопровержимости, – писавший находился на борту судна. А теперь рассмотрим другой момент. В случае с Пондишери между угрозой и ее исполнением прошло семь недель. А в случае с Данди – всего три-четыре дня. Это вам что-нибудь говорит?

– Расстояние более длинное.

– Но и письмо было послано с длинного расстояния.

– Тогда я не вижу сути.

– По меньшей мере можно сделать вывод, что судно, на котором находился писавший или писавшие, было парусным. Похоже, они всегда отсылали свои своеобразные предупреждения или знаки перед тем, как выйти в плавание. Вспомните, как быстро исполнение угрозы последовало за угрозой, когда ее прислали из Данди. Если бы они отправились из Пондишери на пароходе, то прибыли бы почти одновременно с письмом. Но поскольку прошло семь недель, я думаю, что эти семь недель знаменуют разницу в скорости между почтовым пакетботом, доставившим письмо, и парусником, доставившим того, кто его написал.

– Вполне возможно.

– Более того: это вероятно. И теперь вы понимаете, почему это новое дело не терпит проволочек и почему я предупредил молодого Оупеншо, чтобы он был крайне осторожен. Удар оба раза был нанесен в конце промежутка времени, которое требовалось посланным письмом, чтобы покрыть отделявшее их расстояние. Но это письмо пришло из Лондона, и потому мы не можем рассчитывать на задержку.

– Бог мой! – вскричал я. – Но что может означать столь беспощадное преследование?

– Бумаги, которые увез Оупеншо, очевидно, жизненно важны для лица или лиц на паруснике. Думаю, совершенно ясно, что их должно быть несколько. Один человек никак не смог бы обставить две смерти так, чтобы ввести в заблуждение присяжных суда коронера. Нет, их должно быть несколько, причем людей находчивых и решительных. Они намерены получить

эти бумаги, у кого бы они ни хранились. Таким образом вы видите, что К.К.К. перестают быть инициалами индивида и становятся обозначением тайного общества.

– Но какого?

– А вы никогда, – сказал Шерлок Холмс, нагибаясь ко мне и понижая голос, – вы никогда не слышали про Ку-клукс-клан?

– Никогда.

Холмс полистал лежавший у него на коленях том.

– А вот! – сказал он затем. – Ку-клукс-клан. Название восходит к воображаемому сходству со звуком взводимого ружейного затвора. Это страшное тайное общество было организовано бывшими солдатами южан после войны Севера с Югом, и его разветвления быстро возникли в разных частях страны, в первую очередь в Теннесси, Луизиане, обеих Каролинах, Джорджии и Флориде. Свое влияние оно использовало в политических целях, главным образом для терроризирования негров-избирателей и убийств или выживания из страны своих противников. Его нападения обычно предшествовались предупреждением, посылаемым намеченной жертве в несколько фантастичной, но узнаваемой форме – дубовая ветка с листьями в некоторых местах, семечки дыни или зернышки апельсина в других. По получении жертва могла либо публично отречься от своих прежних убеждений, либо бежать из страны. Если же человек пренебрегал угрозой, его уделом, его неминуемым уделом, была смерть, причем чаще всего в какой-либо необычной и непредвиденной форме. Столь совершенной была организация этого общества, и такими систематичными были его методы, что практически неизвестны случаи, чтобы кому-то удалось противостоять ему безнаказанно или чтобы совершившие очередное преступление были изобличены. Годы и годы организация процветала вопреки усилиям правительства Соединенных Штатов и лучших слоев населения Юга. В конце концов в тысяча восьмисот шестидесятом году движение это довольно внезапно угасло, хотя и после этой даты случались спорадические вспышки того же характера.

Заметьте, – сказал Холмс, откладывая том энциклопедии, – внезапный крах организации совпал по времени с исчезновением Оупеншо из Америки с их бумагами. Вполне возможно, что тут мы сталкиваемся с причиной и следствием. Неудивительно, что за ним и его близкими охотились абсолютно беспощадные люди. Легко понять, что этот список и дневник могли скомпрометировать каких-то ведущих деятелей Юга и что многим по ночам не спится из-за их пропажи.

– Так, значит, страница, которую мы видели...

– Именно такая, какой следовало ожидать. Если я помню верно, на ней значилось: «Зернышки А, Б и В». То есть им послано предупреждение. Затем следуют записи, что А и Б убили, то есть покинули страну, и, наконец, что В навещен с, боюсь, зловещим исходом для В. Ну, думается, доктор, мы пролили некоторый свет в эти потемки, и, по моему мнению, единственный шанс для молодого Оупеншо тем временем – поступить так, как я ему сказал. Сегодня вечером больше нечего обсуждать или предпринять, а потому передайте мне скрипку, и попытаемся на полчаса забыть удручающую погоду и еще более удручающие деяния членов рода человеческого, к которому принадлежим и мы.

К утру развиднелось, и солнце сияло за дымным пологом, висящим над великой столицей. Когда я спустился, Шерлок Холмс уже завтракал.

– Простите, что не стал вас дожидаться, – сказал он. – Предвижу, мне предстоит нелегкий день в связи с делом молодого Оупеншо.

– Какие шаги вы предпримете? – спросил я.

– Это зависит от результатов моих начальных розысков. Возможно, мне все-таки придется поехать в Хоршем.

– Вы не отправитесь туда сразу?

– Нет, я начну с Сити. Позвоните, и горничная принесет вам кофе.

В ожидании я взял со стола неразвернутую газету и начал ее проглядывать. Глаза мои приковал заголовок, от которого мое сердце похолодело.

– Холмс! – вскричал я. – Вы опоздали!

– А! – сказал он, ставя чашку на блюдце. – Как я и опасался. Каким образом это было устроено? – Тон его был спокоен, но я видел, как глубоко он потрясен.

– Я увидел фамилию Оупеншо и заголовок «Трагедия вблизи моста Ватерлоо». А вот заметка: «Вчера вечером между девятью и десятью вечера констебль Кук из восьмого участка, дежуривший вблизи моста Ватерлоо, услышал крик о помощи и всплеск воды. Однако ночь выдалась на редкость бурная и темная, так что, несмотря на содействие нескольких прохожих, предпринять спасение оказалось невозможным. Тревога все же была поднята, и благодаря помощи речной полиции тело утопленника было найдено. Им оказался молодой джентльмен, которого, как следует из адреса на конверте в его кармане, звали Джон Оупеншо, и он проживал вблизи Хоршема. Предполагается, что он, вероятно, торопился успеть на последний поезд с вокзала Ватерлоо и в спешке, да еще в непроглядной тьме, сбился с пути и сорвался с края одной из небольших пристаней для речных катеров. На теле не обнаружено никаких следов насилия, и нет сомнений, что покойный стал жертвой несчастного случая, который должен бы привлечь внимание городских властей к состоянию речных пристаней».

Несколько минут мы сидели в молчании. Никогда еще я не видел Холмса таким угнетенным и расстроенным.

– Моя гордость ранена, Ватсон, – сказал он наконец. – Без сомнения, чувство мелочное, но моя гордость ранена. Теперь это стало моим личным делом. И если Бог даст мне здоровья, я изловлю эту шайку. Он обратился ко мне за помощью, а я отправил его на смерть!.. – Холмс вскочил на ноги и в неописуемом волнении начал рассказывать по комнате. Его бледные щеки покраснели, длинные худые пальцы сплетались и расплетались.

– До чего же хитрые негодяи! – воскликнул он наконец. – Как они сумели сманить его вниз? Набережная ведь не на пути к вокзалу. На мосту даже и в такую ночь должно было быть настольколюдно, что там они осуществить задуманное не могли. Ну, Ватсон, поглядим, за кем останется победа. А теперь я пойду.

– В полицию?

– Нет. Я сам стану полицией. Когда я сплету мою паутину, полиция сможет забрать мух, но не раньше.

Весь день я занимался своими пациентами, и был уже вечер, когда я вернулся на Бейкер-стрит. Шерлок Холмс еще не возвратился. Было уже почти десять, когда он вошел, бледный, измученный. Подошел к буфету, отломил кусок булки и с жадностью съел, запив большим глотком воды.

– Вы сильно проголодались, – заметил я.

– Умираю с голоду. Как-то вылетело из головы, и после завтрака у меня крошки во рту не было.

– Ни крошки?

– Ни единой. У меня не было времени думать о еде.

– И вы преуспели?

– Вполне.

– У вас есть зацепка?

– Они у меня в кулаке. Молодому Оупеншо недолго оставаться неотмщенным. Знаете, Ватсон, давайте отправим им их собственное дьявольское предупреждение. Отличная мысль!

– Какая же?

Он взял с буфета апельсин и, разорвав его на куски, выдавил на стол зернышки. Взял пять и засунул в конверт. На внутренней стороне клапана написал «Ш.Х. за Дж. О.», затем

заклеил конверт и написал адрес: «Капитану Джеймсу Колхауну. Барк «Одинокая Звезда», Саванна, Джорджия».

– Оно будет ожидать его, когда он войдет в порт, – сказал Холмс с усмешкой. – И может обеспечить ему бессонную ночь. Для него зернышки явятся таким же знамением его судьбы, как они были для Оупеншо.

– Но кто такой капитан Колхаун?

– Вожак шайки. Я доберусь и до остальных, но он первый.

– Как же вы их выследили?

Он вытащил из кармана большой лист бумаги, испещренный датами и названиями.

– Весь день, – сказал он, – я просидел над регистрами Ллойда и подшивками старых газет, выясняя будущие плавания каждого судна, которое заходило в Пондишери в январе и феврале восьмидесяти третьего. Имелось тридцать шесть парусников приличной грузоподъемности, побывавших там в эти месяцы. Из них мое внимание тотчас привлекла «Одинокая Звезда», поскольку, хотя портом отбытия был указан Лондон, это прозвище одного из американских штатов.

– Техаса, по-моему.

– Я не был уверен какого, но понял, что это американское судно.

– Что дальше?

– Проверил сведения о Данди, и, когда обнаружил, что барк «Одинокая Звезда» заходил туда в январе восьмидесяти пятого, мое подозрение превратилось в уверенность. Тогда я навел справки, какие суда стоят сейчас в лондонском порту.

– И?

– «Одинокая Звезда» прибыла сюда на прошлой неделе. Я отправился в док Альберта и узнал, что парусник этот отплыл с утренним отливом, направляясь в Саванну. Я протелеграфировал в Грейвсенд и узнал, что он прошел там некоторое время назад, а поскольку ветер восточный, не сомневаюсь, что он уже оставил Гудуинс позади и теперь где-то вблизи острова Уайт.

– Так что вы предпримете?

– Он у меня в руках. Он и два помощника, как я выяснил, единственные урожденные американцы на борту. Остальные – финны или немцы. Еще я знаю, что они все трое отсутствовали вчера вечером. Я узнал это от грузчика, участвовавшего в погрузке их судна. К тому времени, когда их парусник придет в Саванну, пакетбот уже доставит это письмо, а каблограмма уведомит полицию Саванны, что эти три джентльмена подлежат отправке сюда, чтобы ответить за убийство.

Однако даже самые лучшие людские планы натываются на неожиданные помехи, и убийцам Джона Оупеншо не было суждено получить апельсиновые зернышки, которые показали бы, что некто такой же хитроумный и настойчивый, как они, вышел на их след. Очень долгими и очень свирепыми были равноденственные штормы в том году. Мы долго ждали известий об «Одинокой Звезде» из Саванны, но так их и не получили. Наконец мы случайно узнали, что где-то далеко в Атлантическом океане между волнами был замечен разбитый архештевень парусного судна с буквами «О.З.», вырезанными на нем, и это все, что нам довелось узнать о судьбе «Одинокой Звезды».

Человек с вывернутой губой

Айза Уитни, брат покойного Илайса Уитни, доктора богословия, ректора Богословского колледжа св. Георгия, был курильщиком опиума. Пристрастие это выработалось у него, насколько я понял, в результате глупой проказы, когда он еще учился в колледже. Прочитав у Де Куинси описание его грез и ощущений, он намешал в табак опия в попытке испытать что-нибудь подобное. Как многие и многие, он обнаружил, что привычку эту приобрести куда проще, чем от нее избавиться, и в течение долгих лет он оставался рабом этого наркотика, вызывая у своих друзей и родных ужас, смешанный с жалостью. Я словно вижу его сейчас перед собой, съжившегося в кресле: желтое одутловатое лицо, набрякшие веки и зрачки не шире булавочной головки – скорбные руины некогда благородного человека.

Как-то вечером (дело было в июне восемьдесят девятого года) мне в дверь позвонили примерно в тот час, когда, зевнув, бросаешь первый взгляд на часы. Я привстал в кресле, а моя жена положила рукоделие на колени с гримаской огорчения.

– Пациент! – сказала она. – Неужели тебе придется опять уйти?

Я застонал, потому что только-только расположился отдохнуть после тяжелого дня.

Мы услышали скрип отворяющейся двери, торопливые слова, а затем быстрые шаги по линолеуму. Дверь нашей комнаты распахнулась, и в нее вошла дама, одетая в темный костюм и под темной вуалью.

– Простите мой поздний визит, – начала она, а затем, внезапно потеряв власть над собой, бросилась к моей жене, обняла ее за шею и разрыдалась у нее на плече.

– Ах, я в такой беде! – вскричала она. – Мне так нужна помощь!

– Так это же, – сказала моя жена, откидывая ее вуаль, – Кэт Уитни. Как ты меня напугала, Кэт! Когда ты вошла, я тебя не узнала.

– Я в полной растерянности и потому поспешила прямо к вам.

Естественно! Люди в горе устремляются к моей жене, точно птицы на свет маяка.

– Так мило, что ты здесь. А теперь выпей-ка вина с водой, сядь в кресле поудобнее и все нам расскажи. Или ты предпочтешь, чтобы я отослала Джеймса спать?

– Ах, нет-нет! Я нуждаюсь в совете доктора и в его помощи. Все из-за Айзы. Он не возвращается домой уже двое суток. Я так боюсь за него!

Она далеко не в первый раз рассказывала нам о беде своего мужа – мне как врачу, моей жене как старой подруге еще со школы. Мы утешали и успокаивали ее, насколько было в наших силах. Знает ли она, где ее муж? Можем ли мы привезти его к ней?

Оказалось, что можем. Ей было твердо известно, что последнее время, когда потребность давала о себе знать, он отправлялся в курильню опиума на восточном краю Сити. До сих пор его загулы ограничивались одним днем, а вечером он возвращался, дергаясь всем телом, совсем разбитый. Но теперь загул длится уже двое суток, и он все еще, конечно, лежит там среди всякого портового сброда, вдыхая отраву или засыпая от ее воздействия. Она не сомневается, что его можно найти в «Золотом слитке» в переулке Аппер-Суондем-лейн. Но что ей делать? Как может она, молодая робкая женщина, посетить подобное место и вытащить своего мужа из притона, полного преступных негодяев?

Вот так обстояло дело, и, разумеется, выход был только один: не могу ли я проводить ее туда? И, пожалуй, надо ли ей вообще туда ехать? Я ведь врач Айзы Уитни и потому имею на него влияние. И мне будет легче увести его, если я буду один.

Я дал ей слово, что менее чем через два часа я отправлю его домой в кебе, если он действительно отыщется по адресу, который она мне дала. И через десять минут я расстался с моим креслом и уютной гостиной, поспешая в кебе для выполнения поручения на редкость странного, хотя, насколько странным оно обернулось, показало будущее.

Но началось мое приключение без особых помех. Аппер-Суондем-лейн – это омерзительный проулок на задворках верфей, тянущихся по северному берегу реки на восток от Лондонского моста. Между лавкой старьевщика и кабаком крутые ступеньки вели к черному провалу, подобному входу в пещеру. Это и был притон, который я разыскивал. Велев извозчику подождать, я спустился по ступенькам, глубоко истертым на середине нескончаемой чередой заплетающихся ног, и в мигающем свете керосинового фонаря над дверью нащупал щеколду и вошел в длинное помещение с низким потолком, с воздухом, спертым от бурого опиумного дыма. Помещение это, будто полубак судна, везущего иммигрантов, пересекали деревянные помосты.

В сумраке глаз еле различал фигуры, распростертые в гротескных позах, сгорбленные плечи, согнутые колени, запрокинутые головы, торчащие вверх подбородки. Там и сям темные потускнелые глаза обращались на вошедшего. Среди черных теней маячили кружочки красного света, то вспыхивающего, то еле заметного, когда тлеющая в чашечках металлических трубок отравы то разгоралась, то почти угасала. В большинстве лежали они молча, некоторые бормотали что-то про себя, а третьи как будто вели разговоры странными, тихими, монотонными голосами; беседы их возникали порывами, а затем внезапно обрывались в молчание, причем каждый мямлил собственные мысли, не обращая внимания на слова своих соседей. В дальнем конце стояла небольшая жаровня с горящим древесным углем, а перед ней на трехноглом деревянном табурете сидел высокий худой старик; положив подбородок на сжатые кулаки, упираясь локтями в колени, он неотрывно смотрел в огонь.

Когда я вошел, ко мне поспешил с трубкой и дозой опиума землисто-желтый слуга-малаец, указывая мне на свободную скамью.

– Благодарю, но я не намерен остаться, – сказал я. – Здесь находится мой друг, мистер Айза Уитни, и я хотел бы поговорить с ним.

Справа от меня послышалось какое-то движение, сопровождавшееся восклицанием, и, прищурившись в сумрак, я увидел, что на меня смотрит Уитни, бледный, изнеможенный, заросший щетиной.

– Бог мой, это же Ватсон! – сказал он. У него начиналась мучительная контрреакция, и все его нервы были болезненно напряжены. – Послушайте, Ватсон, который сейчас час?

– Почти одиннадцать.

– А день какой?

– Пятница, девятнадцатое июня.

– Боже мой! А я думал, сегодня среда. Да нет же, среда и есть. Зачем вам понадобилось пугать меня? – Он уткнулся лицом в руки и пронзительно зарыдал.

– Говорю же вам, сегодня пятница. Ваша жена ждет вас уже двое суток. Постыдились бы!

– Я и стыжусь. Но вы что-то путаете, Ватсон, я ведь тут всего несколько часов... три трубки, четыре трубки... Забыл сколько. Но я поеду с вами домой. Не хочу пугать Кэт, бедную малютку Кэт. Дайте-ка мне вашу руку! Кеб у вас есть?

– Да, он ждет.

– Ну, так я поеду в нем. Но я ведь что-то должен. Узнайте, Ватсон, сколько я должен. Я совсем выдохся и ничего сам делать не могу.

Я направился по узкому проходу между рядами спящих, сдерживая дыхание, чтобы не наглотаться ядовитого дыма, и выглядывая управляющего. Когда я проходил мимо высокого старика у жаровни, меня неожиданно дернули за сюртук, и тихий голос прошептал:

– Пройдите мимо, а потом оглянитесь.

Слова эти я расслышал совершенно ясно и покосился вниз. Прошептать их мог только старик сбоку от меня, однако он все так же сосредоточенно смотрел в огонь, очень худой, очень морщинистый, согбенный годами. Опиумная трубка болталась у него между коленями, словно выпала из его обессиленных пальцев. Я сделал еще два шага и оглянулся. Мне потребовалось

все мое самообладание, чтобы не закричать от изумления. Он повернулся так, что никто не мог его увидеть, кроме меня. Его фигура налилась силой, морщины исчезли, тусклые глаза обрели обычный блеск: перед жаровней, улыбаясь на мое изумление, сидел не кто иной, как Шерлок Холмс. Он чуть поманил меня к себе, и в мгновение ока, едва он снова повернул лицо вполоборота в сторону прохода, опять стал воплощением дряхлости и маразма.

– Холмс! – прошептал я. – Что вы делаете в этом притоне?

– Говорите как можно тише, – ответил он. – Слух у меня превосходный. Если вы окажете мне большую любезность и избавитесь от этого вашего одурманившегося друга, я был бы крайне рад побеседовать с вами.

– Меня снаружи ожидает кеб.

– Ну, так, пожалуйста, отошлите его на извозчике домой. Можете ничего не опасаться, он слишком обессилел, чтобы что-нибудь натворить. И я рекомендую отправить с извозчиком записку вашей жене о том, что вы уехали со мной. Если вы подождете снаружи, я присоединюсь к вам через пять минут.

Ответить отказом Шерлоку Холмсу нелегко, так как просьбы его всегда исчерпывающе-прямые и произносятся с невозмутимой уверенностью. Впрочем, усадив Уитни в кеб, я счел свою миссию практически завершенной, ну, а в остальном, что могло быть лучше, чем присоединиться к моему другу в одном из тех удивительных приключений, из которых складывалось его нормальное существование. За две-три минуты я нацарапал записку жене, уплатил по счету Уитни, усадил его в кеб и провожал взглядом, пока кеб не исчезнул с ним в темноте. Очень скоро из курильни опиума появилась согбенная фигура, и я уже шагал по улице рядом с Шерлоком Холмсом. На протяжении двух улиц он, горбясь, ковылял неверной походкой. Затем, быстро оглядевшись, выпрямился и весело расхохотался.

– Полагаю, Ватсон, вы вообразили, будто я добавил курение опиума к уколам кокаина и всем другим моим маленьким слабостям, касательно которых вы одалживали меня врачебными советами.

– Я, бесспорно, удивился, увидев вас там.

– Но не более, чем я, увидев там вас.

– Я пришел туда в поисках друга.

– А я в поисках врага.

– Врага?

– Да, одного из моих природных врагов, хотя, пожалуй, точнее было бы сказать, в поисках моей природной добычи. Короче говоря, Ватсон, я нахожусь в самом разгаре весьма примечательного расследования и надеялся почерпнуть какой-нибудь полезный намек в бормотаниях одурманенных глупцов, как проделывал это и прежде. Если бы меня в этом притоне узнали, моя жизнь не стоила бы и ломаного гроша, так как я использовал его прежде в собственных целях, и негодяй ласкар, хозяин притона, поклялся мне отомстить. Позади этого здания возле угла верфи Поли есть люк, и его крышка могла бы рассказать немало странных историй о том, что именно выносилось через люк в безлунные ночи.

– Как! Неужели вы подразумеваете трупы?

– Именно трупы, Ватсон. Мы бы стали богачами, если бы получали по тысяче фунтов за каждого бедолагу, которого прикончили в этой берлоге. Самая гнусная ловушка на всем этом берегу, и я боюсь, что Невилл Сент-Клэр вошел в нее, чтобы больше уже не выйти. Но пора нашей двуколке быть уже здесь!

Он всунул два пальца между зубами и пронзительно свистнул. В ответ на этот сигнал такой же свист донесся из некоторого отдаления, а затем послышался стук колес и цокот лошадиных копыт.

– Что же, Ватсон, – спросил Холмс, когда из мрака появилась высокая двуколка между двумя золотистыми туннелями желтого света, отбрасываемыми ее боковыми фонарями, – вы едете со мной, не так ли?

– Если могу оказаться полезным.

– Ну, надежный товарищ всегда полезен. А летописец еще полезнее. В моей комнате в «Кедрах» две кровати.

– В «Кедрах»?

– Да. Это дом мистера Сент-Клэра. Я гощу там, пока веду расследование.

– Но где это?

– Неподалеку от Ли в Кенте. Нам придется проехать семь миль.

– Но я не имею ни малейшего представления...

– Разумеется. Но в самое ближайшее время вы узнаете все. Залезайте! Спасибо, Джон, вы нам больше не понадобятся. Вот полкроны. Ждите меня завтра около одиннадцати. Дайте-ка вожжи. Так до свидания!

Он слегка хлестнул лошадь кнутом, и мы покатали по бесконечной череде темных и пустынных улочек, которые постепенно становились все шире, и вот мы уже понеслись по широкому мосту с балюстрадой над мутной рекой под ним. Позади остался еще один скучный лабиринт из кирпичей и известки, где тишину нарушали только размеренные тяжелые шаги полицейского или песни и крики запоздавшей компании гуляк. Небо затягивала мутная пелена, но в разрывах между облаками там и сям слабо мерцали две-три звезды. Холмс молча управлял лошастью, опустив голову на грудь с видом человека, погруженного в глубокие размышления. Я же сидел рядом, томясь узнать, какие новые розыски, видимо, заставляют его напрягать все свои способности, но боялся нарушить ход его мыслей. Мы проехали две-три мили и приблизились к поясу пригородных вилл, когда Холмс выпрямился, пожал плечами и закурил трубку с видом человека, который убедился, что действует наилучшим образом.

– Вы обладаете великим даром молчания, Ватсон, – сказал он. – Благодаря ему вы просто неоценимый спутник. Честное слово, для меня великая удача иметь возможность поговорить с кем-то, так как мои мысли не слишком приятны. Я все думал о том, что скажу этой милой женщине, когда она сейчас встретит меня у дверей.

– Вы забываете, что я ничего об этом не знаю.

– Мне как раз хватит времени, чтобы изложить вам факты этого дела прежде, чем мы доберемся до Ли. Выглядит оно до нелепости простым, и все-таки я не нахожу ничего, за что можно было бы ухватиться. Нить, без сомнения, достаточно длинная, но я не нащупываю ее конца. Теперь я изложу дело вам, Ватсон, четко и исчерпывающе, и, быть может, вы увидите истину там, где для меня все темно.

– Ну, так рассказывайте.

– Несколько лет назад, а точнее, в мае тысяча восемьсот восемьдесят четвертого года, в Ли поселился джентльмен, Невилл Сент-Клэр по имени, располагавший как будто немалыми деньгами. Он приобрел большую виллу, привел сад в отличный порядок и в целом жил на широкую ногу. Мало-помалу он обзавелся там знакомствами и в восемьдесят восьмом году женился на дочери местного пивовара, от которой у него теперь есть двое детей. Конкретного занятия у него не было, однако он имел какое-то отношение к нескольким компаниям и, как правило, утром уезжал в Лондон, каждый вечер возвращаясь поездом пять четырнадцать с Кэннон-стрит. Мистеру Сент-Клэру сейчас тридцать семь лет, он человек умеренных привычек, заботливый муж, любящий отец и пользуется симпатиями всех его знающих. Следует добавить, что его долги, насколько нам удалось установить, составляют восемьдесят восемь фунтов десять шиллингов, а на его счету в банке графства лежат двести двадцать фунтов. Следовательно, нет оснований думать, что у него были какие-то денежные затруднения или неприятности.

В прошлый понедельник мистер Невилл Сент-Клэр уехал в город несколько раньше обычного, упомянув перед уходом, что ему предстоят два важных дела, а также обещал своему маленькому сыну привезти ему коробку кубиков. По чистой случайности его жена в тот же понедельник почти сразу же после его отъезда получила телеграмму с извещением, что небольшой, но очень ценный пакет, который она ожидала, ей будет выдан в конторе Абердинской судовой компании. Ну, а если вы хорошо знаете Лондон, вам должно быть известно, что контора эта находится на Фресно-стрит, ответвляющейся от Суондем-лейн, где вы недавно повстречали меня. После второго завтрака миссис Сент-Клэр поехала в Сити, сделала кое-какие покупки, направилась в контору судовой компании, получила свой пакет и, собираясь вернуться на вокзал, ровно в четыре часа тридцать пять минут проходила по Суондем-лейн. У вас не возникло ко мне никаких вопросов?

– Все совершенно ясно.

– Если помните, в понедельник было на редкость жарко, и миссис Сент-Клэр шла медленно, посматривая по сторонам в надежде увидеть свободный кеб, так как ей очень не понравился квартал, в котором она оказалась. И вот, пока она шла по Суондем-лейн, она внезапно услышала громкое восклицание или даже крик и похолодела от ужаса, увидев, что из окна третьего этажа на нее смотрит сверху ее муж и, показалось ей, делает ей знаки. Окно было открыто, и она хорошо рассмотрела его лицо, чрезвычайно, по ее словам, взволнованное. Он отчаянно замахал ей руками, а затем исчез из окна с такой внезапностью, будто его оттащила какая-то необоримая сила. Ее быстрый женский взгляд поразила одна деталь: на нем был темный сюртук, в котором он уехал в город, но ни воротничка, ни галстука.

В убеждении, что с ним что-то случилось, она бросилась вниз по ступенькам – ведь дом был тем самым опиумным притоном, где вы встретили меня сегодня, – и, пробежав через курительню, попыталась взойти по лестнице, которая вела на третий этаж. Однако у подножия лестницы она столкнулась с ласкаром, тем негодяем, о котором я говорил, и с помощью датчанина, своего подручного, он вытолкнул ее на улицу. Вне себя от ужасных сомнений и страха, она побежала по переулку и благодаря редкостной удаче встретила на Фресно-стрит несколько констеблей, которые во главе с инспектором направлялись на свои посты. Инспектор и двое констеблей проводили ее назад и, несмотря на возражения хозяина, поднялись в комнату, где в последний раз видели мистера Сент-Клэра. Его там не оказалось. Собственно говоря, на всем этаже они не нашли никого, кроме уродливого калеки, который, видимо, живет там. И он, и ласкар упрямо клялись, что в комнату с окном на улицу весь день никто не заходил. Они так твердо стояли на своем, что инспектор уже почти поверил, будто миссис Сент-Клэр впала в заблуждение, но тут она с криком бросилась к деревянной коробке на столе, сорвала с нее крышку, и на пол посыпались детские кубики. Те, которые он обещал привезти домой.

Открытие это вкупе с явным смущением калеки убедили инспектора в серьезности дела. Комнаты были тщательно обысканы, и все указывало на гнуснейшее преступление. Комната с окном на улицу была меблирована как скромная гостиная, а за ней находилась маленькая спальня, выходившая на задворки верфи. Между верфью и окном спальни есть проход – сухой при отливе, но во время высокого прилива скрытый под водой, глубиной по меньшей мере в четыре с половиной фута. Окно спальни широкое и открывается снизу. При обследовании на подоконнике были замечены следы крови, а несколько ее брызг остались на деревянном полу спальни. За занавеской в гостиной была найдена вся одежда мистера Невилла Сент-Клэра, кроме сюртука. Его штiblеты, его носки, его шляпа, его часы – все они лежали там. Никаких признаков насилия на одежде не оказалось, и никаких других следов мистера Невилла Сент-Клэра найти не удалось. Покинуть комнату он, видимо, мог только через окно, так как никакого другого выхода обнаружено не было, но зловещие кровавые пятна на подоконнике не оставляли весомой надежды, что он мог спастись, уплыв оттуда, хотя в момент трагедии прилив и достиг наибольшей своей высоты.

Теперь о злодеях, которые, судя по всему, причастны к трагедии. Ласкар известен как человек с самым черным прошлым, однако, согласно рассказу миссис Сент-Клэр, он находился у подножия лестницы лишь несколько секунд спустя после появления ее мужа в окне, и, вероятно, мог быть только пособником преступника. В свою защиту он ссылаясь на то, что абсолютно ничего не знает, и настаивал, что понятия не имеет, чем занимался Хью Бун, его жилец, и не может объяснить, как одежда исчезнувшего джентльмена оказалась в комнате.

Вот и все про ласкара, владельца притона. Теперь о зловещем калеке, живущем на третьем этаже опиумного притона, который, несомненно, был последним человеком, чьи глаза видели Невилла Сент-Клэра живым. Его зовут Хью Бун, и его безобразная физиономия прекрасно знакома всем, кто часто бывает в Сити. Он профессиональный нищий, хотя для формального соблюдения полицейских правил делает вид, будто торгует восковыми спичками. На небольшом расстоянии от Треднидл-стрит на левой стороне, как вы, возможно, замечали, есть небольшая ниша в стене. В ней этот субъект водворяется ежедневно и сидит, скрестив ноги, разложив на коленях свой крошечный запас спичек, и, поскольку являет он собой жалостное зрелище, в засаленную кожаную шляпу на тротуаре возле него сыплется дождичек подаяний. Я не раз наблюдал за ним, когда и не думал, что познакомлюсь с ним профессионально, и был удивлен урожаем, который он собрал за очень короткий срок. Видите ли, его внешность так поразительна, что не заметить его, проходя мимо, попросту невозможно. Копна огненных волос, землисто-бледное лицо, обезображенное жутким рубцом, который, заживая, вывернул край верхней губы, бульдожий подбородок и пара очень пронизательных темных глаз, являющих разительный контраст цвету его волос. Все это выделяет его среди толпы обычных попрошаек, как и находчивость, потому что у него всегда готов забавный ответ на шутовское замечание, которое может обронить прохожий. Вот человек, который, как мы теперь узнали, проживал в опиумном притоне и был последним, кто видел джентльмена, поисками которого мы занимаемся.

– Но он же калека! – сказал я. – Как он мог в одиночку справиться с мужчиной в расцвете сил?

– Калека он потому, что хромает; но в остальном выглядит сильным и упитанным. Конечно же, ваш врачебный опыт, Ватсон, напомним вам, что слабость одной руки или ноги часто компенсируется редкостной силой остальных конечностей.

– Прошу, продолжайте.

– Миссис Сент-Клэр упала в обморок, увидев кровь на подоконнике, и полицейский отвез ее домой в кебе, поскольку ее присутствие ничем не могло помочь в расследовании. Инспектор Бартон, ведущий это дело, с величайшей тщательностью осмотрел помещения, но не нашел ничего, что могло бы бросить хоть какой-то свет на произошедшее. Была допущена одна ошибка: Буна арестовали не сразу, и у него было несколько минут снестись с ласкаром, своим приятелем, но она была тут же исправлена. Его схватили, обыскали, но ничего, что могло бы его обличить, найти не удалось. Правда, на правом рукаве его рубашки были найдены пятна крови, но он показал порез на левом безымянном пальце у ногтя и, объяснив, что вытер палец об рукав, добавил, что тогда же подходил к окну, и, без сомнения, кровь на подоконник попала из этого же пальца. Он категорически отрицал, что когда-либо видел мистера Невилла Сент-Клэра, и клялся, что находка одежды этого джентльмена в его комнате для него не меньшая тайна, чем для полиции. А услышав, что, по словам миссис Сент-Клэр, она видела мужа в этом окне, он заявил, что она либо сумасшедшая, либо ей померещилось. Когда его увозили в полицейский участок, он громко протестовал, а инспектор остался там в надежде, что отлив может обнажить какие-нибудь улики.

Так и произошло, хотя на илстой отмели они нашли не то, чего опасались. Когда вода ушла, там лежал сюртук Невилла Сент-Клэра, а не Невилл Сент-Клэр. И как вы думаете, что оказалось в карманах сюртука?

– Не могу себе представить.

– Да, не думаю, что вы сумеете догадаться. Каждый карман был полон пенсами и полупенсами – четыреста двадцать один пенс и двести семьдесят полупенсов. Неудивительно, что сюртук не унесло отливом. Другое дело человеческий труп. Между верфью и домом возникает сильнейший водоворот. Вполне вероятно, что утяжеленный сюртук остался, а обнаженное тело утянуло в реку.

– Но, насколько я понял, остальную одежду нашли в комнате. Неужели на теле был только сюртук?

– Нет, сэр, но факты дают возможность построить логичное объяснение. Предположим, Бун выкинул Невилла Сент-Клэра в окно – увидеть это не мог никто. Что он делает затем? Разумеется, он сразу понимает, что должен избавиться от обличающей одежды. Он схватывает сюртук, готовится выбросить его в окно, но тут соображает, что сюртук будет плавать на поверхности. Времени у него мало, так как он услышал шум внизу, когда жена убитого пыталась прорваться наверх, а возможно, ласкар, его сообщник, успел предупредить его о приближении полицейских. Он бросается к тайнику, где накапливал полученную милостыню, сыплет все монеты, какие может сгрести, в карманы, чтобы утопить сюртук. Он выбрасывает его, и поступил бы так же с остальной одеждой, если бы не услышал топота ног на лестнице, и только только успел закрыть окно, как появилась полиция.

– Да, это выглядит вполне правдоподобным.

– Ну, за неимением лучшего примем это за рабочую гипотезу. Бун, как я вам сказал, арестован и увезен в участок, но найти что-нибудь против него в его прошлом не удалось. Он уже годы известен как профессиональный нищий, но жизнь вел как будто очень тихую и безобидную.

Вот так пока обстоят дела, а загадки, на которые необходимо найти ответы, – что Невилл Сент-Клэр делал в опиумном притоне, что произошло с ним там, где он теперь, и какое отношение Хью Бун имеет к его исчезновению, по-прежнему остаются неразгаданными. Признаюсь, я не припомню случая в моей практике, который на первый взгляд выглядел бы таким простым и тем не менее оборачивался такими трудностями.

Пока Шерлок Холмс излагал подробности этой необычайной цепи событий, мы катили по окраинам великой столицы, пока последние разбросанные дома не остались позади и мы не затряслись по дороге между живыми изгородями. Но когда он завершил свой рассказ, мы проехали через две деревушки, где в окнах кое-где светились огоньки.

– Мы на окраине Ли, – сказал мой товарищ. – За нашу короткую поездку мы побывали в трех английских графствах: начали путь в Миддлсексе, пересекли клин Суррея и завершаем его в Кенте. Видите свет вон там, между деревьев? Это «Кедры», а у лампы там сидит женщина, чей тревожный слух, не сомневаюсь, уже различил цокот копыт нашей лошади.

– Но почему вы не расследуете это дело с Бейкер-стрит? – спросил я.

– Потому что очень многое можно узнать только здесь. Миссис Сент-Клэр любезно предоставила в мое распоряжение две комнаты, и можете быть уверены, она радушно примет моего друга и коллегу. Мне тяжело думать о встрече с ней, Ватсон, ведь мне нечего сказать ей о муже. Вот мы и тут. Тпру! Тпру!

Мы остановились перед большой виллой, окруженной густым садом. Возле лошадиной морды возник мальчишка-конюх, и, прыгнув на землю, я последовал за Холмсом по вьющейся, усыпанной гравием дорожке, которая вела к дому. При нашем приближении дверь распахнулась, и на пороге остановилась миниатюрная блондинка в платье из шелкового муслина, с воротником и манжетами из собранного в складки розового шифона. Она стояла в ореоле света, одной рукой опираясь о косяк, а другую нетерпеливо приподняв, слегка наклоняясь вперед, вытягивая шею, и вся ее фигура, полураскрытые губы и широко открытые глаза слагались в воплощение вопроса.

– Ну? – воскликнула она. – Ну? – А затем, увидев, что нас двое, испустила крик надежды, который перешел в стон, когда мой товарищ покачал головой и пожал плечами.

– Никаких хороших новостей?

– Никаких.

– И плохих тоже?

– Да.

– Благодарю за это Бога! Но входите же! Вы, должно быть, устали, у вас был такой длинный день!

– Это мой друг, доктор Ватсон. В нескольких моих делах он оказывал мне неоценимую помощь, и счастливая случайность помогла мне заручиться его участием в этих розысках.

– Я очень рад познакомиться с вами, – сказала она, тепло пожимая мне руку. – Я уверена, вы извините, если я не смогу оказать вам должный прием из-за удара, внезапно обрушившегося на нас.

– Сударыня, – сказал я, – мне не привыкать к походной жизни, но и в любом случае в извинениях нет нужды. Если я смогу оказаться полезным вам или моему другу, ничего лучшего я и пожелать не могу.

– А теперь, мистер Шерлок Холмс, – сказала она, когда мы вошли в хорошо освещенную столовую, где на столе был сервирован холодный ужин, – мне очень бы хотелось задать вам один-два простых вопроса, и умоляю вас дать на них простые ответы.

– Разумеется, сударыня.

– Не шадите мои чувства. Я не истерична и не склонна к обморокам. Я только хочу услышать ваше искреннее, абсолютно искреннее мнение.

– Касательно чего?

– В глубине души вы уверены, что Невилл жив?

Шерлока Холмса это вопрос как будто смутил.

– Будьте откровенны! – потребовала она, стоя на каминном коврике и проницательно глядя сверху вниз на моего друга, откинувшегося в плетеном кресле.

– Если откровенно, сударыня, то нет.

– Вы думаете, что он мертв?

– Да.

– Убит?

– Этого я не сказал, но возможно.

– И в какой день он встретил свою смерть?

– В понедельник.

– Тогда, быть может, мистер Холмс, вы будете столь любезны объяснить мне, каким образом я могла сегодня получить от него письмо?

Шерлок Холмс вскочил из кресла, будто гальванизированный.

– Как! – вскричал он.

– Да, сегодня. – Она стояла, улыбаясь, помахивая в воздухе листком бумаги.

– Могу я взглянуть?

– Разумеется.

Он прямо-таки выхватил у нее листок, столь велико было его нетерпение, разгладил его на столе, пододвинул лампу и внимательно его изучал. Я также встал и наклонился над плечом моего друга. Конверт был из грубой бумаги со штемпелем Грейвсендской почты, датированным этим самым днем, или, вернее, вчерашним, так как время заметно перевалило за полночь.

– Малограмотный почерк! – пробормотал Холмс. – Конечно же, он не может принадлежать вашему мужу, сударыня?

– Да. В отличие от записки.

– Мне также ясно, что надписывавший конверт прервался, чтобы справиться об адресе.

– Почему вы так считаете?

– Фамилия, как вы видите, написана абсолютно черными чернилами, которые затем высохли. Все прочие слова имеют сероватый оттенок, из чего следует, что их промокнули. Если бы все слова писались подряд, то после промакивания ни единое не осталось бы совершенно черным. То есть писавший прервался, когда перешел к адресу, из чего следует, что он его не знал. Разумеется, это пустяк, но нет ничего важнее пустяков. А теперь займемся письмом! Ха! В конверт было что-то вложено!

– Да, кольцо. Его перстень с печаткой.

– И вы убеждены, что это почерк вашего мужа?

– Один из его почерков.

– Один из?

– Его почерк, когда он пишет торопливо. Совершенно не похожий на его обычный, но тем не менее я его хорошо знаю.

– «Любимая, не беспокойся. Все завершится хорошо. Допущена досаднейшая ошибка, на исправление которой может потребоваться некоторое время. Будь терпелива. Невилл». Написано карандашом на титульной странице книги форматом в одну восьмую листа. Никаких водяных знаков. Гм! Отправлено сегодня в Грейвсенде человеком с грязным большим пальцем. Ха! И заклеен конверт, если я не слишком ошибаюсь, человеком, жевавшим табак. У вас нет никаких сомнений, сударыня, что это почерк вашего мужа?

– Ни малейших. Эти слова написаны Невиллом.

– И они отправлены сегодня из Грейвсенда. Что же, миссис Сент-Клэр, тучи рассеиваются, хотя не решусь утверждать, что опасность миновала.

– Но ведь он жив, мистер Холмс!

– Если только это не искусная подделка, чтобы сбить нас со следа. Перстень, в конце-то концов, не доказательство. Его могли отобрать.

– Нет-нет, это его собственный почерк, да, да, да!

– Ну, хорошо. Однако написано оно могло быть в понедельник, а вот отправлено только сегодня.

– Это возможно.

– Если так, то в промежутке могло произойти очень многое.

– Ах, мистер Холмс, вы не должны лишать меня надежды! Я знаю, с ним все хорошо. Между нами существует внутренняя связь, и я бы знала, если бы с ним приключилась беда. В то самое утро, когда я видела его в последний раз, он порезался, бреясь в спальне. Я была в столовой и все же кинулась наверх в полной уверенности, что случилось что-то плохое. Неужели вы думаете, что я отождествилась бы на подобный пустяк, но не знала бы о его смерти?

– Мне доводилось видеть немало странностей, и я не стану отрицать, что впечатление женщины иногда бывает более ценным, чем вывод логика, построенный на анализе фактов. И это письмо, бесспорно, в большой мере подтверждает вашу точку зрения. Но если ваш муж жив и способен писать письма, почему он не возвращается к вам?

– Не могу даже вообразить. Это немыслимо.

– И в понедельник он ни на что не намекнул перед тем, как расстаться с вами?

– Нет.

– И вы удивились, увидев его в Суондем-лейн?

– Крайне.

– Окно было открыто?

– Да.

– Значит, он мог бы окликнуть вас?

– Да, мог бы.

– А он, насколько я понял, издал только бессвязное восклицание?

- Да.
- Взывая о помощи, подумали вы?
- Да. Он взмахнул руками.
- Но это мог быть возглас удивления. Неожиданно увидев вас, он от изумления мог взмахнуть руками?
- Да, это возможно.
- И вы подумали, что его оттащили от окна?
- Он исчез так внезапно!
- Он мог и отпрыгнуть. Никого другого вы в комнате не видели?
- Нет. Но этот ужасный человек признался, что был там, а ласкар стоял у лестницы внизу.
- Да-да. Ваш муж, насколько вы успели рассмотреть, был в своей обычной одежде?
- Но без воротничка и галстука. Я ясно увидела его обнаженную шею.
- Он когда-нибудь упоминал Суондем-лейн?
- Никогда.
- Он когда-нибудь давал основания полагать, что употребляет опиум?
- Никогда.
- Благодарю вас, миссис Сент-Клэр. Это главные факты, в которых я хотел быть совершенно уверен. Теперь мы поужинаем и ляжем спать, так как завтра нас, возможно, ожидает очень напряженный день.

В наше распоряжение была предоставлена большая удобная комната с двумя кроватями, и я незамедлительно юркнул под одеяло, так как очень устал после такой ночи приключений. Однако Шерлок Холмс, когда его мысли занимала неразрешенная проблема, сутками, а то и целую неделю обходился без отдыха, анализируя ее так и эдак, по-разному выстраивая факты, оценивая их со всех точек зрения, пока не разгадывал загадку или не приходил к выводу, что в его распоряжении нет достаточных данных. Вскоре мне стало ясно, что он готовится к бдению до утра. Он снял сюртук и жилет, надел просторный синий халат, а затем прошелся по комнате, собирая подушки со своей кровати, с кушетки и кресел. Из них он соорудил подобие восточного дивана, на котором и устроился, поджав ноги и положив перед собой унцию табака с коробком спичек. В смутном свете лампы я видел, как он сидит, зажав в зубах старую вересковую трубку, устремив невидящий взгляд в угол потолка, а синий дымок завивается перед ним – безмолвным, неподвижным, и свет ложится на чеканные орлиные черты его лица. Он сидел так, когда я уснул, и он сидел так, когда внезапный возглас разбудил меня, и я увидел, что в окна заглядывает летнее солнце. Трубка все еще была зажата в его зубах, и дымок все еще курился вверх, и в комнате висела сизая табачная мгла, но от кучки табака, которую я видел, засыпая, не осталось ничего.

- Проснулись, Ватсон? – спросил он.
- Да.
- Готовы к утренней поездке?
- Безусловно.
- Ну так одевайтесь. В доме все еще спят, но я знаю, где ночует конюх, и двуколка скоро будет запряжена.

Он чему-то усмехнулся, глаза у него блестели, и от вчерашней угрюмой задумчивости не осталось и следа.

Одеваясь, я взглянул на мои часы. Неудивительно, что дом еще спал. Было двадцать минут пятого. Я только-только оделся, когда Холмс вернулся и объявил, что конюх запрягает лошадь.

– Я хочу проверить одну мою теорийку, – сказал Холмс, надевая сапоги. – По-моему, Ватсон, вы сейчас находитесь в обществе одного из самых абсолютных болванов Европы. Я

заслуживаю, чтобы меня прогнали пинками отсюда и до Чаринг-Кросса. Но, думается, ключ к разгадке этого дела у меня есть.

– И где же он? – спросил я с улыбкой.

– В ванной комнате, – ответил он. – Да-да, я не шучу, – добавил он, заметив мой недоверчивый взгляд. – Я только что побывал там и забрал его, и он у меня вот в этом саквояже. Идемте, мой милый, и проверим, подходит ли он к замку.

Мы спустились вниз как могли тише и вышли под яркий свет утреннего солнца. На дороге полуодетый конюх держал под уздцы нашу лошадь. Мы вспрыгнули в двуколку и помчались вперед по лондонской дороге. Кое-где мы обгоняли деревенские повозки с зеленью и овощами для столицы, но виллы по сторонам были безмолвными и безжизненными, будто город, увидевшийся во сне.

– Дело в некоторых отношениях очень своеобразное, – сказал Холмс, пуская лошадь галопом. – Признаюсь, я был слеп как крот, но все-таки лучше обрести истину позже, чем никогда.

В городе ранние пташки только-только начинали сонно поглядывать в окна, пока мы ехали по улицам суррейского берега. Свернув к мосту Ватерлоо, мы переехали через реку, промчались по Веллингтон-стрит, резко свернули вправо и оказались на Бау-стрит. Шерлок Холмс был хорошо известен в полиции, и два констебля у дверей отдали ему честь. Один взял лошадь под уздцы, а другой проводил нас внутрь.

– Кто дежурит? – спросил Холмс.

– Инспектор Брэдстрит, сэр.

По каменным плитам коридора к ним приближался высокий дородный полицейский чин в фуражке и расшитой шнуром форме.

– А, Брэдстрит! Как поживаете? Я хотел бы поговорить с вами, Брэдстрит.

– Разумеется, мистер Холмс. Прошу сюда, в мой кабинет.

Комната была небольшой и напоминала контору с огромным grossбухом на столе и телефонным аппаратом на стене. Инспектор сел за свой стол.

– Чем я могу помочь вам, мистер Холмс?

– Я заехал по поводу нищего, ну, Буна, того, которого обвиняют в причастности к исчезновению мистера Невилла Сент-Клэра.

– Да-да. Его привезли и задержали для дальнейшего расследования.

– Да, я слышал. Он у вас здесь?

– В камере.

– Ведет себя спокойно?

– Никакого беспокойства не доставляет, но вот грязен негодяй донельзя.

– Грязен?

– Да. Руки мы его кое-как заставили вымыть, но лицо у него чернее, чем у трубочиста. Ну, как только его дело завершится, его ждет регулярное тюремное мытье, и, полагаю, если бы вы его увидели, то согласились бы со мной.

– Мне бы очень хотелось его увидеть.

– Да? Ну, устроить это очень просто. Вот сюда. Свой саквояж можете оставить здесь.

– Нет, лучше я возьму его с собой.

– Как угодно. Вот сюда, пожалуйста.

Он повел нас по коридору, открыл зарешеченную дверь, мы спустились следом за ним по винтовой лестнице и оказались в выбеленном коридоре с дверями по обе его стороны.

– Третья справа, – сказал инспектор. – Ну, вот!

Он тихонько отодвинул заслонку в верхней половине двери и заглянул внутрь.

– Спит, – сказал он. – Вы можете хорошо рассмотреть его отсюда.

Мы прижали глаза к решетке. Арестант лежал лицом к нам, погруженный в глубокий сон, дыша медленно и размеренно. Мужчина среднего роста, одетый так, как требовало его занятие. Сквозь прорехи в рваном пиджаке проглядывала пестрая рубашка. Он был, как сказал инспектор, на редкость грязен, но слой грязи не мог скрыть отталкивающей безобразности его лица. Широкий рубец старого шрама пересекал это лицо от глаза до подбородка и, заживая, вывернул часть верхней губы, так что три зуба обнажились в вечном оскале. Космы ярко-рыжих волос падали на лоб и на глаза.

– Красавчик, верно? – сказал инспектор.

– Ему, бесспорно, не мешало бы умыться, – заметил Холмс. – Я так и предполагал, а потому позволил себе некоторую вольность и захватил с собой все необходимое. – При этих словах он открыл саквояж и, к моему изумлению, вынул очень большую губку.

– Хе-хе! А вы шутник, – засмеялся инспектор.

– Теперь, если вы будете так добры открыть дверь как можно тише, мы очень скоро придадим ему более презентабельный вид.

– Почему бы и нет, – сказал инспектор. – Он, бесспорно, не делает чести камере Бау-стрит, не так ли? – Он вставил ключ в замок, и мы все вошли в камеру очень тихо. Спящий перевернулся на другой бок, но не пробудился. Холмс нагнулся к кувшину с водой, намочил губку, а затем дважды энергично провел ею вдоль и поперек лица арестанта.

– Разрешите мне представить вас, – воскликнул он громко, – мистеру Невиллу Сент-Клэру из Ли в графстве Кент.

Никогда прежде мне не доводилось видеть ничего подобного. Губка содрала лицо арестанта, будто кору с дерева. Исчез грязно-бурый цвет! Исчез и жуткий рубец вместе с вывернутой губой, придававший лицу вид мерзкой усмешки! Движение руки сдернуло рыжие космы, и теперь на кровати сидел мужчина с бледным, грустным, красивым лицом, протирает глаза и оглядывался по сторонам в сонном недоумении. Затем, внезапно поняв, что разоблачен, он испустил пронзительный крик и уткнулся лицом в подушку.

– Боже мой! – вскричал инспектор. – Это же и правда пропавший Сент-Клэр. Я узнаю его по фотографии.

Арестант обернулся с вызывающим видом человека, который смирился со своей судьбой.

– Пусть так, – сказал он. – И в чем же меня обвиняют?

– В убийстве мистера Невилла Сент... Но, погодите, вас же нельзя обвинить в нем, разве что усмотреть тут попытку самоубийства, – сказал инспектор с усмешкой. – Ну, я служу в полиции уже двадцать семь лет, но это бьет все.

– Если я мистер Невилл Сент-Клэр, то, очевидно, никакого преступления совершено не было, и следовательно, я задержан противозаконно.

– Совершено не преступление, а огромная ошибка, – сказал Холмс. – Вам было бы лучше довериться вашей жене.

– Дело не в ней, а в детях, – простонал арестант. – Богом клянусь, я не мог допустить, чтобы они стыдились своего отца. Боже мой! Какое разоблачение! Что мне делать?

Шерлок Холмс сел рядом с ним на кровать и сочувственно погладил его по плечу.

– Если вы доведете это дело до суда, – сказал он, – тогда, разумеется, огласки не избежать. С другой стороны, если вы убедите полицейские власти, что вас не в чем обвинить, я не вижу, как подробности случившегося могли бы попасть в газеты. Инспектор Брэдстрит, полагаю, запишет суть того, о чем вы можете нам рассказать, и представит рапорт надлежащим властям. Тогда дело вообще до суда не дойдет.

– Да благословит вас Бог! – вскричал арестант почти вне себя. – Я смирился бы с заключением, даже с казнью, лишь бы мой злополучный секрет не лег пятном на моих детей.

Вы будете первыми, кто услышит мою историю. Мой отец был учителем в Честерфилде, и я получил превосходное образование. В юности я много путешествовал, играл на сцене, а затем

стал репортером одной лондонской вечерней газеты. Как-то раз редактор задумал серию статей о нищенстве в столице, и я вызвался написать их. С этой минуты и начались мои приключения. Собрать факты для моих статей я мог, только занявшись нищенством, как любитель. Когда я был актером, то, естественно, узнал все секреты гримирования и даже прославился своим искусством в артистических уборах. Я воспользовался этими моими способностями. Загримировал лицо, а для того, чтобы придать себе более жалкий вид, изготовил внушительный рубец и, вывернув губу, закрепил ее в таком положении кусочком пластыря телесного цвета. Затем, в рыжем парике и в соответствующей одежде, я занял место в самой оживленной части Сити, будто бы как продавец спичек, но на самом деле как попрошайка. Семь часов я просил милостыню, а когда вернулся домой вечером, то, к своему изумлению, обнаружил, что всего мне подали не более и не менее как двадцать шесть шиллингов и четыре пенса.

Я написал статьи и больше не вспоминал про свой маскарад, пока некоторое время спустя не поручился за одного моего друга и не получил постановление о взыскании с меня двадцати пяти фунтов. Я не знал, где найти такие деньги, и тут меня осенило. Я вымолил у кредитора две недели отсрочки, попросил отпуск в редакции и в моем нищем обличье провел эти дни, кланча подавания в Сити. Через десять дней я собрал необходимую сумму и уплатил долг.

Ну, вы понимаете, как трудно было вернуться к изнуряющей работе за два фунта в неделю, когда я знал, что способен зарабатывать столько за один день, всего лишь подгримировавшись, положив шляпу на землю и посидев неподвижно. Борьба между гордостью и деньгами была долгой, но в конце концов шиллинги и фунты победили, я ушел из газеты и день за днем сидел в уголке, который облюбовал в самом начале, внушая жалость своим обезображенным лицом и набивая карманы медяками. Только один человек знал мою тайну. Он был содержанием притона в Суондем-лейне, где я поселился, чтобы каждое утро покидать его грязным нищим, а вечером преображаться в элегантного джентльмена. Этот субъект, ласкар, получал от меня за свои комнаты хорошую плату, и я знал, что он сохранит мою тайну.

Ну, очень скоро я обнаружил, что могу откладывать значительные суммы. Нет, я вовсе не утверждаю, будто любой нищий на лондонских улицах способен заработать семьсот фунтов в год (а это значительно меньше в среднем тех сумм, которые собирал я), но я обладал редким преимуществом благодаря умению гримироваться, а также и способности ловко отвечать на шутки. Преимущества эти улучшались благодаря практике и сделали меня заметной фигурой в Сити. С утра до вечера на меня изливался поток пенсов, к которым примешивалось серебро, и день, когда мне не удавалось собрать двух фунтов, был поистине неудачным.

По мере того как я богател, мной овладевали более честолюбивые желания: я приобрел дом за городом, а затем женился, и ни у кого не возникло ни малейшего подозрения, чем я занимаюсь в действительности. Моя дорогая жена знала, что я веду дела в Сити, но понятия не имела какие.

В прошлый понедельник, завершив день, я переодевался в своей комнате над курильной опиума, когда, посмотрев в окно, к своему ужасу и изумлению, увидел, что моя жена стоит на улице и смотрит прямо на меня. Я вскрикнул от неожиданности, вскинул руки, чтобы закрыть лицо, и бросился к моему пособнику ласкару, умоляя не допустить никого ко мне наверх. Я услышал ее голос внизу, но знал, что по лестнице ей не подняться. Во мгновение ока я сбросил свою одежду, натянул рубище нищего, загримировал лицо и надел парик. Даже глаза моей жены не могли заглянуть под эту личину. Но тут мне пришло в голову, что комнату могут обыскать и одежда меня выдаст. Я открыл окно в такой спешке, что повредил ранку на пальце, который порезал утром, когда брился в спальне. Затем я схватил сюртук, утяжеленный медяками, которые только что пересыпал в карманы из кожаной сумки, в которую прятал собранные монеты. Я швырнул сюртук из окна, и он исчез под водой Темзы. Остальная одежда последовала бы за ним, но в этот момент по лестнице взбежали констебли, и несколько минут спустя я

обнаружил, признаюсь к большому моему облегчению, что во мне не узнали мистера Невилла Сент-Клэра, а вместо того арестовали как его убийцу.

Не знаю, нужно ли мне объяснять что-нибудь еще. Я решил сохранять свою личину настолько долго, насколько сумею, чем и объясняется мой отказ умываться. Зная, в какой тревоге будет моя жена, я снял перстень и в ту минуту, когда никто из констеблей за мной не наблюдал, передал его ласкару вместе со спешно нацарапанной восточкой жене, что у нее нет причин чего-либо опасаться.

– Эту записку она получила только вчера, – сказал Холмс.

– Боже мой! Какую же неделю она прожила!

– Полиция вела наблюдение за ласкаром, – сказал инспектор Брэдстрит, – и, полагаю, ему было не просто отправить письмо незаметно. Вероятно, он перепоручил его какому-нибудь матросу, одному из своих клиентов, а тот не сразу про него вспомнил.

– Именно так, – сказал Холмс, одобрительно кивнув. – Я в этом не сомневаюсь. Но неужели вас никогда не задерживали за попрошайничество?

– Много раз, но штрафы меня не пугали.

– Однако это должно прекратиться немедленно, – сказал Брэдстрит. – Если вы хотите, чтобы полиция замяла это дело, с Хью Буном должно быть покончено.

– В этом я поклялся самой священной клятвой, какую только может дать человек.

– В таком случае полагаю, что, вероятнее всего, никаких шагов предпринято не будет. Но если вы попадетесь снова, все неминуемо выйдет наружу. Мистер Холмс, мы чрезвычайно вам обязаны за раскрытие этого дела. Хотелось бы мне знать, каким образом вы достигаете подобных результатов!

– Этот я получил, – ответил мой друг, – посидев на пяти подушках и скулив унцию табака. Думаю, Ватсон, если мы отправимся на Бейкер-стрит, то как раз успеем к завтраку.

Приключение с большим пальцем инженера

Из всех проблем, которые мой друг мистер Шерлок Холмс разгадывал за годы нашей дружбы, всего лишь два дела привлекли его внимание благодаря мне – большой палец мистера Хэзерли и безумие полковника Уорбертона. Из них второе вроде бы предлагало более широкое поле возможностей для проницательного и тонкого наблюдателя, однако первое началось столь странно и подробности его столь драматичны, что, пожалуй, оно более достойно опубликования, пусть даже оно предоставило моему другу меньше возможностей для применения тех дедуктивных методов, с помощью которых он получал столь поразительные результаты. История эта, насколько мне известно, не раз освещалась газетами, но, как бывает всегда с изложениями, когда все факты втискиваются в половину газетного столбца, впечатление они производят куда меньшее, чем когда те же факты постепенно устанавливаются на ваших собственных глазах, а тайна раскрывается мало-помалу, и каждое новое открытие означает ступень, подводящую ко всей полноте истины. В то время сопутствующие обстоятельства произвели на меня глубочайшее впечатление, и протекшие с тех пор два года нисколько его не ослабили.

Было лето восемьдесят девятого года, когда вскоре после моей женитьбы произошли события, итог которым я теперь намерен подвести. Я вернулся к гражданской практике, наконец покинув Холмса одного в квартире на Бейкер-стрит, хотя постоянно навещал его, а иногда даже мне удавалось убедить его преодолеть богемные привычки и побывать у нас. Моя практика постепенно ширилась, а так как волей случая жил я неподалеку от Паддингтонского вокзала, то обзавелся несколькими пациентами среди его служащих. Один из них, извлеченный мною из длительной и мучительной болезни, не устал восхвалять направо и налево мои достоинства и отсылать ко мне каждого страдальца, на которого имел влияние.

Однажды утром незадолго до семи часов меня разбудила горничная, постучав в дверь и доложив, что с Паддингтонского вокзала пришли двое мужчин и ждут в приемной. Я поспешил одеться, так как по опыту знал, что травмы на железной дороге редко бывают пустяковыми, и быстро спустился в приемную. Внизу лестницы меня перехватил мой верный поклонник, поездной кондуктор, плотно закрыв за собой дверь приемной.

– Он у меня там, – шептал он, тыча большим пальцем через плечо, – не беспокойтесь.

– Что за он? – спросил я, так как его поведение словно указывало, будто он запер в моей комнате какое-то странное существо.

– Да новый пациент, – шепнул он. – Я решил сам его привести, чтоб он не удрал. Он там в полном порядке и здравии. А я пошел, доктор, у меня же свой долг, как и у вас. – И он удалился восвояси, этот услужливый вербовщик, не дав мне даже времени поблагодарить его.

Я вошел в консультационную и увидел сидящего у стола джентльмена. Он был скромно одет в костюм из твида в елочку. На мои книги он положил кепку из мягкой ткани. Одна его кисть была обмотана носовым платком, усеянным пятнами крови. Он был молод – я дал бы ему не больше двадцати пяти, – с мужественным сильным лицом, но землисто-бледным, и у меня возникло впечатление, что он находится во власти сильнейшего волнения и ему стоит огромных усилий владеть собой.

– Простите, доктор, что я так рано разбудил вас, – сказал он. – Но ночью со мной случилась большая беда. Я приехал утренним поездом, а когда на вокзале осведомился, где я могу найти доктора, какой-то добрый малый любезно проводил меня сюда. Я дал горничной мою визитную карточку, но, как вижу, она оставила ее на столике.

Я взял карточку и пробежал ее глазами. «Мр. Виктор Хэзерли, инженер-гидравлик, 16-а, Виктория-стрит (3-й этаж)». Таковы были фамилия, род занятий и местожительство моего утреннего посетителя.

– Простите, что заставил вас ждать, – сказал я, садясь в свое кресло. – Насколько я понял, вам пришлось ехать ночью, и монотонность такого путешествия сама по себе утомительна.

– Ну, мою ночь монотонной никак не назовешь, – сказал он и рассмеялся. Смеялся он заливисто, на высокой звенящей ноте, откинувшись в кресле и содрогаясь всем телом. Все мои инстинкты врача восстали против этого смеха.

– Прекратите! – вскричал я. – Возьмите себя в руки! – И я налил в стакан воды из графина.

Бесполезно. Он был во власти истерического припадка, каким подвержены сильные натуры после кульминации и завершения тяжелого кризиса. Затем он пришел в себя, совсем измученный, и краска, было прилившая к его щекам, вновь исчезла.

– Веду себя как идиот, – еле выговорил он, задыхаясь.

– Ничего подобного. Ну-ка, выпейте! – Я плеснул в воду немножко бренди, и его бескровное лицо начало обретать нормальный цвет.

– А-ах, – сказал он. – А теперь, доктор, может быть, вы будете так добры заняться моим большим пальцем, а вернее, местом, где прежде был этот палец.

Он размотал платок и приподнял руку. Одного взгляда оказалось более чем достаточно, чтобы мои закаленные нервы испытали шок. Четыре растопыренных пальца и жуткое губчатое красное пятно на месте большого. Он был отсечен или оторван с корнем.

– Боже мой! – вскричал я. – Такое повреждение! Кровотечение было, конечно, обильнейшим.

– Да, и очень. Когда это произошло, я потерял сознание и, видимо, пролежал без чувств долгое время. Очнувшись, я увидел, что кровь еще идет, а потому крепко обвязал запястье носовым платком и затянул с помощью прута.

– Превосходно! Вам следовало бы стать хирургом.

– Так принцип тот же, что и в гидравлике, а это моя область.

– Применено было, – сказал я, осматривая рану, – очень тяжелое и острое оружие.

– Резак мясника, – ответил он.

– Полагаю, несчастный случай?

– Отнюдь.

– Как! Кровожадное нападение?

– Кровожаднее некуда.

– Вы приводите меня в ужас.

Я обмыл губкой его рану, очистил ее, обработал, а затем обложил ватой и забинтовал карболизированным бинтом. Он полулежал в кресле, ни разу не вздрогнув, хотя иногда и закусывал губу.

– Ну как? – спросил я, кончив бинтовать.

– Отлично! Благодаря вашему бренди и вашей перевязке я будто родился заново. Я очень ослабел, но мне же пришлось столько перенести!

– Пожалуй, вам лучше не говорить про случившееся. Это явно на вас плохо действует.

– А, нет, не теперь. Мне придется рассказать полиции, но, между нами говоря, не будь такого убедительного доказательства, как эта моя рана, я бы очень удивился, поверь они моей истории, так как она на редкость необычна, а в подкрепление моих слов у меня почти ничего нет. И даже поверь они мне, улики, которые я могу им сообщить, настолько косвенные, что окажутся недостаточными, чтобы правосудие восторжествовало.

– Ха! – вскричал я. – Если речь идет о загадке, ответ на которую вы хотели бы узнать, то я настоятельно рекомендовал бы вам обратиться к моему другу, мистеру Шерлоку Холмсу, прежде чем отправиться в полицию.

– О, я про него слышал, – ответил мой посетитель, – и был бы очень рад, если бы он занялся этим делом, хотя, конечно, я должен прибегнуть к помощи официальной полиции. Вы не дадите мне рекомендательное письмо к нему?

– Ну, я сделаю кое-что получше, отвезу вас к нему сам.

– Буду бесконечно вам обязан.

– Возьмем кеб и поедем к нему вместе. Как раз успеем позавтракать с ним. У вас хватит на это сил?

– Да. Мне будет не по себе, пока я не расскажу мою историю.

– Тогда моя горничная сбегает за кебом, а я вернусь к вам через минуту.

Я кинулся наверх, вкратце объяснил дело моей жене и пять минут спустя уже ехал с моим новым знакомцем на Бейкер-стрит.

Шерлок Холмс, в халате, как я и предвидел, удобно расположился в гостиной, почитывая столбец личных объявлений в «Таймс» и выкуривая перед завтраком свою утреннюю трубку, набитую кусочками прессованного табака и недотлевшим пеплом, оставшимися со вчерашнего дня, тщательно высушенными и собранными на уголке каминной полки. Он принял нас с обычной спокойной вежливостью, распорядился приготовить еще яичницу с беконом и разделил с нами сытную трапезу. Потом усадил нашего нового знакомого на диван, подложил ему под голову подушку и поставил возле него стакан бренди с водой.

– Нетрудно заметить, что вы пережили нечто необычное, мистер Хэзерли, – сказал он. – Прошу, прилягте и почувствуйте себя абсолютно как дома. Расскажите нам все, что можете, но, устав, делайте перерыв и освежайте силы этим бодрящим напитком.

– Благодарю вас, – сказал мой пациент, – но я почувствовал себя новым человеком, когда доктор сделал мне перевязку, а ваш завтрак, думается, довершил лечение. Я постараюсь занять как можно меньше вашего драгоценного времени, а потому сразу приступлю к рассказу о том, что со мной приключилось.

Холмс сидел в своем глубоком кресле, утомленно полуопустив тяжелые веки – поза, которая маскировала его проницательную и энергичную натуру, – а я сидел напротив него, и мы молча слушали странную историю, которую подробно излагал нам наш посетитель.

– Вам следует знать, что я сирота, холостяк и живу один в лондонской квартире. По профессии я инженер-гидравлик и приобрел большой опыт в своей работе за семь лет, пока состоял в учениках в известной фирме «Веннер и Майтсон» в Гринвиче. Два года назад, завершив срок своего ученичества, а кроме того, унаследовав приличную сумму денег после кончины моего отца, я решил открыть свое дело и снял мастерскую на Виктория-стрит.

Полагаю, для всех начало независимой деятельности оборачивается тяжким испытанием. А для меня оно оказалось даже очень тяжким. В течение двух лет мне выпали только три консультации и один небольшой заказ, и это абсолютно все, что принесла мне моя профессия. Общий мой заработок составил двадцать семь фунтов десять шиллингов. Каждый день с девяти часов утра и до четырех я ждал в моей крохотной конторе, все более утрачивая надежду, пока не начал думать, что никакой работы мне никогда не дожждаться.

Однако вчера, когда я уже собрался уйти из конторы, вошел мой клерк и доложил, что меня хочет видеть по делу какой-то джентльмен. Он подал мне карточку с выгравированной на ней надписью «полковник Лизандер Старк». Следом за ним вошел и сам полковник, человек выше среднего роста, но на редкость худой. По-моему, я в жизни не видел столь худого мужчину. Его лицо резко сужалось к носу и подбородку, а кожа щек туго обтягивала торчащие скулы. Однако худоба казалась его природной особенностью, а не следствием болезни, так как глаза у него были ясными, походка энергичной, а осанка внушительной. Одет он был просто, но респектабельно, а его возраст, на мой взгляд, был ближе к сорока, чем к тридцати.

«Мистер Хэзерли, – сказал он с чуть немецким акцентом, – вас мне рекомендовали как человека не только опытного в своей профессии, но и умеющего хранить доверенные ему секреты».

Я поклонился, чувствуя себя польщенным, как был бы польщен на моем месте любой молодой человек.

«Могу ли я спросить, кто дал мне такую превосходную рекомендацию?»

«Ну, будет, пожалуй, лучше, если пока я вам не отвечу. Из того же источника я знаю, что вы сирота, холостяк и живете в Лондоне один».

«Совершенно верно, – ответил я. – Но вы извините меня, если я скажу, что не вижу, какое отношение это имеет к моей профессиональной квалификации. Ведь, насколько я понял, вы желали поговорить со мной на профессиональную тему?»

«Разумеется. Но вы убедитесь, что все сказанное мной имеет отношение к делу. Я намерен предложить вам профессиональный заказ, но необходима абсолютная секретность – АБСОЛЮТНАЯ секретность, вы понимаете, и, естественно, в этом надежнее положиться на одинокого холостяка, чем на человека, живущего в окружении членов своей семьи».

«Если я дам обещание хранить тайну, – сказал я, – вы можете быть абсолютно уверены, что я его сдержу».

Пока я говорил, он не спускал с меня глаз, и я никогда еще не видел такого подозрительного и сверлящего взгляда.

«Так, значит, вы обещаете?» – сказал он наконец.

«Да, я обещаю».

«Абсолютное и полное молчание до, во время и после? Никаких упоминаний устно или письменно?»

«Я уже дал вам слово».

«Очень хорошо». – Внезапно он вскочил, молниеносно метнулся через комнату и распахнул дверь. Коридор за ней был пуст.

«Все в порядке, – сказал он, возвращаясь. – Я знаю, какое любопытство вызывают у клерков дела их хозяев. Теперь мы можем поговорить безопасно». – Он придвинул кресло почти вплотную к моему и вновь уставился на меня тем же взыскующим взглядом. Станные выходки этого человека без плоти пробудили во мне отвращение и что-то похожее на страх. Даже опасение лишиться клиента не помогло мне скрыть нетерпение.

«Прошу, изложите, что вам требуется, сэр, – сказал я. – Мое время дорого».

Да простит мне Небо эту мою последнюю фразу, но она вырвалась у меня сама собой.

«Пятьдесят гиней за одну ночь работы вас устроят?» – спросил он.

«И очень».

«Я сказал: одна ночь работы, но «один час» было бы точнее. Мне просто требуется ваше мнение о гидравлической штампующей машине, в которой что-то разладилось. Если вы покажете нам, в чем помеха, мы без задержки сами ее устраним. Что вы думаете о таком заказе?»

«Работа выглядит не сложной, а оплата очень щедрой».

«Именно так. Мы хотим, чтобы вы приехали с последним поездом».

«Куда?»

«В Эйфорд в Беркшире. Местечко вблизи границы с Оксфордширом и милях в семи от Ридинга. Поезд с Паддингтонского вокзала доставит вас туда примерно в одиннадцать пятнадцать».

«Хорошо».

«Я приеду в карете встретить вас».

«Значит, надо будет еще куда-то ехать?»

«Да, наше маленькое местечко в сельских просторах. В добрых семи милях от станции Эйфорд».

«Значит, мы вряд ли доберемся туда раньше полуночи. Полагаю, обратного поезда в такое время нет. И я буду вынужден заночевать там».

«У нас найдется где вас уложить».

«Все так неудобно. Не мог бы я приехать пораньше?»

«Нас устраивает, чтобы вы приехали поздно вечером. Для возмещения неудобства мы и платим вам, никому не известному молодому человеку, сумму, которая обеспечила бы консультацию самых известных лиц вашей профессии. Но, разумеется, если вы хотите отказаться, времени для этого у вас предостаточно».

Я подумал о пятидесяти гинеех и о том, как я в них нуждаюсь.

«Вовсе нет, – сказал я. – Я с охотой готов исполнить ваши пожелания. Однако мне хотелось бы поподробнее узнать, что именно от меня потребуется».

«Разумеется. Вполне естественно, что обещание хранить тайну, которое мы с вас взяли, разожгло ваше любопытство. У меня нет желания связывать вас словом, прежде чем вы получите нужные объяснения. Полагаю, никакой опасности, что нас подслушают, абсолютно нет?»

«Ни малейшей».

«Ну, так дело обстоит так. Вы, вероятно, знаете, что валяльная глина – продукт очень ценный и что в Англии найдена она только в одном-двух местах».

«Да, слышал».

«Некоторое время назад я приобрел небольшой участок – совсем небольшой – в десяти милях от Ридинга. Мне улыбнулась удача – в одном из моих полей я обнаружил залежь валяльной глины. При исследовании, однако, выяснилось, что залежь эта невелика и представляет собой перемычку между двумя куда более значительными справа и слева, причем обе находятся на полях моих соседей. Эти добрые люди даже не подозревают, что их земля прячет клад, подобный золотоносной жиле. Естественно, в моих интересах было купить их землю, прежде чем они догадаются о ее настоящей цене, но, к несчастью, у меня не было капитала для этого. Я, однако, посвятил в секрет нескольких моих друзей, и они предложили, чтобы мы тайно разработали нашу залежь и таким образом получили бы деньги, чтобы купить соседние поля. Мы так и поступили и установили гидравлический пресс для ускорения дела. Пресс этот, как я уже объяснил, сломался, и нам нужен ваш совет. Однако мы всячески оберегаем наш секрет, а стоит стать известным, что в наш домик приезжают инженеры-гидравлики, начнутся расспросы, а затем, если факты станут известными, мы лишимся всякой надежды на приобретение этих полей и на осуществление наших планов. Вот почему я взял с вас обещание, что ни одна живая душа не узнает о вашей поездке в Эйфорд в эту ночь. Надеюсь, я все объяснил ясно?»

«Вполне, – сказал я. – Кроме одного: зачем вообще вам понадобился гидравлический пресс? Ведь валяльную глину, если не ошибаюсь, просто выкапывают в карьере».

«А! – сказал он небрежно. – Мы прессуем глину в кирпичи, чтобы ее нельзя было бы узнать при перевозке. Но это неважно. Теперь я открыл вам все наши секреты, мистер Хэзерли, доказав, насколько я вам доверяю. – При этих словах он встал. – Итак, жду вас в Эйфорде в одиннадцать пятнадцать».

«Непременно буду там».

«И ни слова никому».

Напоследок он вперил в меня еще один долгий вопрошающий взгляд, затем, стиснув мою руку в холодном липком пожатии, торопливо вышел.

Ну, когда я обдумал все это не торопясь, то, как, наверное, вы оба понимаете, заказ этот вызвал у меня большое недоумение. С одной стороны, я, конечно, был рад, так как плата по меньшей мере в десять раз превосходила сумму, какую запросил бы я сам, а к тому же заказ этот мог привести к другим. С другой стороны, лицо и манера держаться моего нанимателя произвели на меня самое неприятное впечатление, и мне представилось, что его ссылка на

валяльную глину не объясняет толком, почему я должен поехать в полночь, а также и его отчаянную тревогу, как бы я не проговорился кому-нибудь о моей ночной поездке. Однако я отбросил все мои страхи, плотно поужинал, отправился на Паддингтонский вокзал, ни на йоту не нарушив наложенный на меня обет молчания.

В Ридинге мне нужно было не только сменить поезд, но отправиться с другого вокзала. Однако я успел на последний поезд в Эйфорд и после одиннадцати сошел на маленькой, тускло освещенной станции. Больше никто с поезда не сошел, а на платформе не было никого, кроме сонного носильщика с фонарем. Однако когда я вышел за калитку, то увидел, что мой утренний знакомец ждет в тени по ту ее сторону. Не говоря ни слова, он ухватил меня за локоть и потащил к карете с открытой дверцей. Он поднял стекла в обеих дверцах, постучал по стенке, и мы покатали вперед со всей быстротой, на какую была способна лошадь.

– Одна лошадь? – перебил Холмс.

– Да, только одна.

– А масть вы заметили?

– Да. Я разглядел ее в свете бокового фонаря, когда влезал в карету. Гнедая.

– Вид усталый или свежий?

– Совершенно свежий, шерсть так и лоснилась.

– Благодарю вас. Простите, что перебил. Прошу, продолжите ваш чрезвычайно интересный рассказ.

– Ну, так мы покатали вперед и ехали по меньшей мере около часа. Полковник Лизандер Старк упомянул, что ехать надо будет миль семь, но, судя по быстроте, с какой мы ехали, и по времени, которого это потребовало, расстояние было ближе к двенадцати милям. Все это время он сидел рядом со мной и молчал, и я замечал всякий раз, когда косился на него, что он просто сверлит меня взглядом. Деревенские дороги в этих краях, видимо, довольно скверные, так как нас жутко трясло и раскачивало. Я поглядывал на окна, пытаясь увидеть, где мы едем, но стекла были матовые, и я ничего не видел, если не считать смутного света фонарей изредка. Порой я пытался завязать разговор, чтобы облегчить монотонность езды, но полковник отвечал лишь «да» или «нет», и мне оставалось только замолчать. Наконец, однако, тряска прекратилась, колеса покатали по гладко утрамбованному гравию подъездной дороги, и карета остановилась. Полковник Лизандер Старк выпрыгнул наружу и, едва я вылез следом за ним, увлек меня на крыльцо, зиявшее открытой дверью. Мы, так сказать, вышли из кареты прямо в прихожую, и я даже не успел взглянуть на фасад дома. Едва я переступил порог, как дверь захлопнулась за нами, и я с трудом расслышал стук колес уезжающей кареты.

Внутри дома было темно, хоть глаз выколи, и полковник начал нащупывать спички, что-то бормоча себе под нос. Внезапно в другом конце коридора отворилась дверь, и навстречу упал нам золотой сноп света. Он расширился, и появилась женщина с лампой в руке, которую она поднимала над головой, вытягивая шею и шурясь на нас. Я увидел, что она миловидна, а блеск ее темного платья свидетельствовал, что сшито оно из дорогой материи. Она произнесла несколько слов на каком-то иностранном языке вопросительным тоном, а когда мой спутник ответил сердито и односложно, так вздрогнула, что лампа чуть не выскользнула из ее руки. Полковник Старк подошел к ней, прошептал что-то ей на ухо и втолкнул назад в комнату, из которой она вышла, а затем направился назад ко мне с лампой в руке.

«Не будете ли вы так добры подождать несколько минут вот тут?» – сказал он, распахивая другую дверь. За ней оказалась очень небольшая, просто обставленная комнатка. На круглом столе в ее середине лежали немецкие книги. Полковник Старк поставил лампу на фисгармонию возле двери. «Я не заставлю вас ждать дольше минуты», – сказал он и исчез в темноте.

Я оглядел книги на столе и, хотя немецкого я не знаю, сообразил, что две были научными трактатами, а остальные – томиками стихов. Затем я подошел к окну в надежде увидеть окружающую местность, но с той стороны ее закрывали толстые дубовые ставни с тяжелым засо-

вом. В доме этом царила поразительная тишина. Где-то в коридоре громко тикали старинные часы, но только они нарушали мертвое безмолвие. Мной начала овладевать смутная тревога. Кем были эти немцы и почему они поселились в этом странном захолустье? И где, собственно, я сейчас нахожусь? Милях в десяти от Эйфорда, вот и все, что я знал. Но на севере ли, на юге, востоке или западе, я себе не представлял. Однако, если на то пошло, Ридинг, а то и другие города находились в пределах этого радиуса, и потому место это, возможно, все-таки было не таким уединенным. Однако абсолютная тишина указывала на сельскую местность. Я расхаживал взад-вперед по комнате, что-то тихонько напевал, чтобы поддержать бодрость духа, и чувствовал, что сполна зарабатываю свои пятьдесят гиней.

Внезапно, без малейшего предупреждающего звука, дверь в абсолютной тишине медленно открылась. В проеме стояла та женщина, позади нее чернел мрак коридора, а желтый свет моей лампы озарял ее взволнованное красивое лицо. Я сразу узнал, что она вне себя от страха, и мое собственное сердце похолодело. Она подняла дрожащий палец, предупреждая, чтобы я молчал, и прошептала несколько слов на ломаном английском языке, а ее глаза, будто у испуганной лошади, косились назад во мрак коридора.

«Я ушла бы, – сказала она, пытаясь говорить как можно спокойней. – Я ушла бы. Я бы не осталась здесь. Ничего хорошего вам не сделать»

«Но, сударыня, – сказал я, – того, ради чего я приехал, я еще не сделал и никак не могу уехать, не увидев машины».

«Не стоит вашего времени ждать, – продолжала она. – Вы можете пройти через дверь, никто не мешает». А затем, видя, как я улыбнулся и покачал головой, она внезапно утратила сдержанность и шагнула вперед, заламывая руки: «Ради всего святого, – прошептала она, – уйдите отсюда, пока не стало поздно!»

Но я человек упрямый и особенно охотно берусь за дело, если есть какие-то препятствия. Я подумал о пятидесяти гинейх, о тяжелом пути, который проделал, и о неприятной ночи, видимо ожидающей меня. Так все это было зазря? С какой стати мне сбегать, не выполнив заказа и без оплаты, мне положенной? А потому с твердостью – хотя ее поведение действовало на меня сильнее, чем я хотел признать, – я продолжал покачивать головой и твердить о моем намерении остаться тут. Она хотела возобновить свои мольбы, но тут сверху хлопнула дверь и на лестнице послышались шаги двух человек. Она секунду прислушивалась, затем всплеснула руками в отчаянии и исчезла так же внезапно и бесшумно, как появилась.

Вошли полковник Лизандер Старк и коренастый коротышка с реденькой бородкой, пучками торчащей из складок его двойного подбородка. Он был мне представлен как мистер Фергюсон.

«Мой секретарь и управляющий, – сказал полковник. – Кстати, мне кажется, уходя, я закрыл за собой эту дверь. Боялся, как бы вас не продуло».

«Напротив, – ответил я. – Мне пришлось приоткрыть дверь, так как в комнате немного душновато».

Он бросил на меня очередной сверлящий взгляд.

«В таком случае лучше безотлагательно перейти к делу, – сказал он. – Мы с мистером Фергюсоном отведем вас к машине».

«Так я надену шляпу?»

«Нет, не надо. Она в доме».

«Как? Вы копаете валяльную глину в доме?»

«Нет, нет! Тут мы ее только прессуем. Но неважно, от вас нам нужно только, чтобы вы осмотрели машину и объяснили нам, что с ней не так».

Мы вместе поднялись наверх – полковник впереди с лампой, управляющий и я позади него. Старый дом оказался настоящим лабиринтом с коридорами, проходами, узкими винтовыми лестницами и низенькими дверями, пороги которых были истерты поколениями тех, кто

их переступал. Ни ковровых дорожек, ни намеков на мебель выше первого этажа, а штукатурка на стенах пообсыпалась, и сырость просачивалась внутрь, зеленея пятнами плесени. Я пытался придать себе беззаботный вид, насколько мог, но ни на миг не забывал предостережения той дамы, пусть и пренебрег ими, и не спускал глаз с моих двух спутников. Фергюсон выглядел угрюмым молчаливым человеком, но по немногим его словам я заключил, что он хотя бы мой соотечественник. Полковник Лизандер Старк наконец остановился перед низкой дверцей и отпер ее. Внутри оказалось маленькое квадратное помещение, где нам втроем было никак не поместиться. Фергюсон остался снаружи, а меня полковник провел внутрь.

«Мы теперь, – сказал он, – находимся внутри гидравлического прессы, и для нас было бы крайне неприятно, если бы кто-нибудь его вдруг включил. Потолок этой каморки на самом деле – низ опускающегося поршня, и он надавливает на этот металлический пол с силой, равной многим тоннам. Небольшие горизонтальные цилиндры с водой принимают эту силу на себя и передают ее, многократно увеличивая, известным вам способом. Машина на ходу, однако в ее механизме есть какие-то помехи, уменьшающие давление. Может быть, вы любезно ее осмотрите и покажете нам, как ее наладить».

Я взял у него лампу и внимательно осмотрел машину. Она поистине была гигантской, способной обеспечивать колоссальное давление. Однако, когда я вышел наружу и опустил рычаги, управляющие ею, свистящий звук сразу же помог мне понять, что маленькая течь вызывает отток воды через один из боковых цилиндров. Обследование выявило, что одна из резиновых манжет на головке стержня съехала и полностью не заполняет паз, по которому двигалась. Совершенно очевидно, это и была причина потери мощности. Я объяснил суть полковнику и управляющему, которые выслушали меня со всем вниманием, а затем задали несколько практических вопросов, как им эту неполадку устранить. Объяснив им это, я вернулся в нижнюю камеру машины и хорошенько ее осмотрел, чтобы удовлетворить мое любопытство. С первого взгляда стало очевидно, что их история о валяльной глине была полнейшей выдумкой – нелепо было бы поверить, что столь мощный пресс предназначался для столь незначительной операции. Стены были деревянными, но пол представлял собой большую железную выемку, а наклонившись его осмотреть, я увидел, что он весь покрыт металлическим налетом. Я нагнулся еще ниже и начал скрести налет, чтобы определить его, но вдруг услышал приглушенное восклицание по-немецки и увидел наклонившееся надо мной лицо полковника, столь напоминающее череп.

«Что вы тут делаете?» – спросил он.

Я был рассержен, что он обманул меня хитрой историей, и сказал:

«Любуюсь вашей валяльной глиной. Думается, я смог бы дать вам совет получше, знай я, для чего пресс используют».

Еще не договорив, я пожалел об опрометчивости этих слов. Его лицо потемнело, а в серых глазах вспыхнул злобный огонь.

«Очень хорошо, – сказал он. – Сейчас вы узнаете о машине все». Он попятился, захлопнул дверцу и повернул ключ в замке. Я бросился к ней, дернул за ручку, но заперта она была крепко и не поддавалась на мои пинки и удары плечом.

«Эй-эй! – закричал я. – Эй-эй! Полковник! Выпустите меня!»

И тут внезапно в тишине я услышал звук, от которого у меня душа ушла в пятки. Это было позвякивание рычагов и свист текущего цилиндра. Полковник привел пресс в движение. Лампа еще стояла на полу, куда я ее поставил, когда осматривал выемку. В ее свете я разглядел, что черный потолок опускается на меня, медленно, подергиваясь, но (кому было знать, как не мне) с мощью, которая минуту спустя превратит меня в бесформенное месиво. С воплем я навалился на дверь, царапая ногтями замок. Я молил полковника выпустить меня, но беспощадный скрип рычагов заглушал мой голос. Потолок был уже в одном-двух футах над моей головой, и, подняв руку, я мог бы ощупать его твердую шершавую поверхность. У меня

мелькнула мысль, что мучительность моей смерти будет во многом зависеть от позы, в какой я ее встречу. Если лечь ничком, вес придется на позвоночник, и я содрогнулся, будто услышал этот ужасающий хруст. Пожалуй, все-таки лучше лечь на спину, но выдержат ли у меня нервы! Лежать и смотреть вверх, как эта губительная черная тень, подрагивая, опускается на меня? Я уже не мог стоять, выпрямившись... И тут я увидел что-то, вернувшее искру надежды в мое сердце.

Я уже упомянул, что, хотя пол и потолок были железными, стены были деревянными. В последний раз поспешно оглядевшись, я увидел узенькую полоску желтого света между двумя досками, которая расширялась и суживалась, потому что отодвигалась небольшая панель. Я даже не сразу поверил, что передо мной дверца, избавляющая от смерти. В следующую секунду я швырнул себя наружу и в полуобмороке растянулся по ту сторону стенки. Панель позади меня скользнула обратно, но хруст лампы и пару секунд спустя лязг металла о металл сказали мне, каким невероятным было мое спасение.

Я опомнился, почувствовав, что меня дергают за запястье, и обнаружил, что лежу на каменном полу узкого коридора, надо мной наклоняется женщина, левой рукой трясет меня, а правой держит свечу. Это была та же добрая душа, предостережениями которой я так глупо пренебрег.

«Идите! Идите! – задыхаясь, твердила она. – Они сейчас будут тут. Они увидят, что вас там нет. Ах, не тратьте драгоценное время, но идите же, идите!»

На этот раз я, во всяком случае, не пренебрег ее советом. Пошатываясь, я поднялся на ноги и вместе с ней побежал по коридору и вниз по винтовой лестнице. Она привела нас в другой, широкий коридор, и в этот момент мы слышали топот бегущих ног, и до нас донеслись два перекрикивающихся голоса, один с этажа, на котором мы находились, и второй снизу. Моя проводница остановилась и посмотрела по сторонам в полной растерянности. Затем она распахнула дверь, за которой оказалась спальня. В окно там ярко светила луна.

«Это ваш единственный шанс, – сказала моя проводница. – Тут высоко, но, может быть, вы сумеете прыгнуть».

Она еще не договорила, как в дальнем конце коридора появился горящий фонарь и я увидел худую фигуру полковника Лизандера Старка, бегущего к нам с фонарем в одной руке и чем-то вроде мясницкого резака в другой. Я метнулся через спальню, открыл окно и выглянул наружу. Каким тихим, душистым и благостным казался сад в лунном свете, а до земли было не больше тридцати футов. Я влез на подоконник, но помедлил, чтобы услышать, что произойдет между моей спасительницей и злодеем, который гнался за мной. Если он набросится на нее, то, каким бы ни был риск, я вернусь ей помочь. Эта мысль только-только мелькнула в моей голове, как он уже ворвался внутрь и оттолкнул ее, но она обхватила его руками, пытаясь остановить.

«Фриц! Фриц! – вскричала она. – Вспомни, что ты обещал после того раза. Ты сказал, что это не повторится. Он будет молчать! Ах, он будет молчать!»

«Ты с ума сошла, Элиза! – рявкнул он, вырываясь. – Ты нас погубишь. Он видел слишком много. Пропусти меня, говорят же тебе!»

Он оттолкнул ее и, кинувшись к окну, замахнулся на меня тяжелым резак. Я же, готовясь прыгнуть, уже повис, уцепившись пальцами за оконную выемку, так что, когда он нанес удар, руки у меня были протянуты поперек подоконника. Я ощутил тупую боль, мои пальцы разжались, и я упал вниз в сад.

От падения я не пострадал и был только слегка оглушен, а потому тут же вскочил и со всей мочи бросился в кусты, так как знал, что опасность отнюдь не миновала. Однако на бегу мной внезапно овладели головокружение и тошнота. Я взглянул на руку, все больше разбалбававшуюся, и только тут увидел, что мой большой палец отрублен и из раны струится кровь. Я попробовал обмотать ее носовым платком, но в ушах у меня зазвенело, и я в глубоком обмороке упал в кусты роз.

Не могу сказать, как долго я пролежал без сознания. Видимо, очень долго, поскольку, когда я очнулся, луна уже зашла и занимался ясный солнечный день. Моя одежда намокла от росы, рукав пиджака пропитался кровью из раны на месте большого пальца. Ее боль тотчас напомнила мне все подробности моего ночного приключения, и я вскочил на ноги, чувствуя, что не могу считать себя в безопасности от моих преследователей. Однако, к своему изумлению, я не увидел ни дома, ни сада. Я лежал в нише живой изгороди вблизи от шоссе, а чуть дальше виднелось длинное здание, в котором, подходя к нему, я узнал железнодорожную станцию, где сошел с поезда прошлой ночью. Если бы не безобразная рана на моей руке, все, что произошло со мной за эти жуткие часы, могло бы показаться кошмарным сном.

Все еще в ошеломлении, я вошел в станционное здание и спросил про утренний поезд. На Ридинг менее чем через полчаса, узнал я. Дежурил тот же носильщик, что и ночью, когда я приехал. Я спросил у него, знает ли он что-нибудь про полковника Лизандера Старка. Имя это было ему незнакомо. Заметил ли он ночью карету, которая ждала меня? Нет, не заметил. Где-нибудь поблизости есть полицейский участок? Да, есть, милях в трех отсюда.

Я слишком ослабел и слишком плохо себя чувствовал, чтобы добираться туда, и решил отложить мой визит в полицию до возвращения в Лондон. Приехал я сюда в начале седьмого и потому прежде занялся своей раной, и доктор затем любезно привез меня к вам. Я отдаю дело в ваши руки и буду в точности следовать вашим советам.

Выслушав этот поразительный рассказ, мы оба некоторое время молчали. Затем Шерлок Холмс снял с полки одну из толстых тетрадей, в которые наклеивал свои вырезки.

– Вот объявление, которое вас заинтересует, – сказал он. – Печаталось во всех газетах около года назад. Вот послушайте: «Пропал дев. этого мес. мр Джереми Хейлинг двадцати шести лет, инженер-гидравлик. Ушел из своей квартиры в десять часов ночи, и больше о нем ничего не известно. Одет был и т. д. и т. д.» Ха! Полагаю, это указывает, когда в последний раз полковнику понадобилось наладить свою машину.

– Великий боже! – вскричал мой пациент. – Теперь понятно, о чем говорила она.

– Несомненно. Совершенно ясно, что полковник – хладнокровный, ни перед чем не останавливающийся злодей, не допускающий каких-либо помех в своей маленькой игре, подобно тем закоренелым пиратам, которые убивали на захваченном судне всех до единого. Ну, дорога каждая секунда, и мы, если вы в силах, сейчас же отправляемся в Скотленд-Ярд, прежде чем поехать в Эйфорд.

Примерно через три часа мы все уже сидели в поезде из Ридинга, направляясь в беркширскую деревушку. То есть Шерлок Холмс, инженер-гидравлик, инспектор Брэдстрит из Скотленд-Ярда, агент в штатском и я. Брэдстрит расстелил на сиденье карту и циркулем начертил круг с Эйфордом в центре.

– Ну вот, – сказал он, – радиус этого круга равен десяти милям. Место, которое мы ищем, должно находиться поблизости от этой черты. Вы, по-моему, назвали десять миль, сэр?

– До него был час быстрой езды.

– И вы полагаете, что они отвезли вас обратно на это расстояние, пока вы были без чувств?

– Должно быть так. И я вроде бы смутно помню, как меня поднимают и несут куда-то.

– Я одного не могу понять, – сказал я, – почему они пощадили вас, когда нашли, без сомнения, в саду? Может быть, злодея смягчили ее мольбы?

– Навряд ли. Я в жизни не видел такого беспощадного лица.

– Что же, вскоре мы все это выясним, – сказал Брэдстрит. – Ну, круг я начертил и жалею только, что не знаю, в какой точке можно найти тех, кого мы ищем.

– По-моему, я могу ткнуть в нее пальцем, – невозмутимо сказал Холмс.

– Ну уж! – воскликнул инспектор. – Вы уже вывели заключение? Давайте посмотрим, кто с вами согласится. Я считаю, что это юг, так как местность там более пустынна.

– А я за восток, – сказал мой пациент.

– А я за запад, – сказал агент. – Там есть несколько уединенных деревушек.

– А я за север, – сказал я, – так как там нет холмов, а наш друг говорил, что не заметил, чтобы карета ехала вверх по склону.

– Послушайте! – воскликнул инспектор со смехом. – Такое забавное расхождение во мнениях! Мы же поделили между собой все румбы компаса. Кому вы отдадите решающий голос?

– Вы все ошиблись.

– Мы ВСЕ? Но это же невозможно.

– Вполне возможно. Вот моя точка. – Он прижал палец к центру круга. – Вот где мы найдем их.

– А как же двенадцатимильная поездка? – ахнул Хэзерли.

– Шесть миль туда, шесть миль назад. Проще простого. Вы сами сказали, что вид у лошади был свежий и шерсть лоснилась. Могла ли бы она выглядеть так после двенадцати миль по трудным дорогам?

– Да-да, вполне вероятная уловка, – заметил Брэдстрит, задумавшись. – Разумеется, в их занятии сомнений нет никаких.

– Ни малейших, – сказал Холмс. – Фальшивомонетчики с большим размахом и использовали пресс, чтобы обрабатывать амальгаму, заменявшую серебро.

– Мы уже некоторое время знали, что орудует какая-то очень хитрая шайка, – сказал инспектор. – Они изготавливали полукроны тысячами. Нам даже удалось проследить их до Ридинга, но и только. Они замечали свои следы так ловко, что, несомненно, имели большой опыт. Но теперь, благодаря этой счастливой случайности, думается, они у нас в руках.

Но инспектор ошибся, и этим преступникам не было суждено ответить перед законом. Подъехав к эйфордской станции, мы увидели гигантский столб дыма, поднимающегося из-за купы деревьев в близости и колоссальным страусовым пером повисающего над окрестностями.

– Горит какой-то дом? – спросил Брэдстрит, когда поезд, разводя пары, покатил дальше.

– Да, сэр, – ответил начальник станции.

– Когда пожар начался?

– Я слышал, будто ночью, сэр, а затем усилился, и весь дом запылал.

– А чей это был дом?

– Доктора Бичера.

– Скажите, – вмешался инженер, – доктор Бичер немец, очень худой и с длинным острым носом?

Начальник станции расхохотался:

– Нет, сэр. Доктор Бичер англичанин, и во всем приходе ни у кого жилет так туго не натянут на животе. Но у него проживает джентльмен, пациент, как я понимаю. Вот он иностранец, и, судя по виду, добрая беркширская говядина ему никак не повредит.

Не успел начальник станции договорить, как мы все уже поспешили к месту пожара. Дорога вела на гребень невысокого холма, и нашим глазам открылся вид на большое длинное выбеленное здание, из всех окон и щелей которого вырывались языки пламени, а в саду перед ним три пожарные машины тщетно пытались совладать с огнем.

– Тот самый дом! – вскричал Хэзерли в страшном волнении. – Вот подъездная дорога, мощенная гравием, а вон розовые кусты, в которых я лежал. Я выпрыгнул вон из того второго окна.

– Ну, вы хотя бы отомстили им, – сказал Холмс. – Само собой понятно, что пожар вызвала ваша керосиновая лампа, запалив деревянные стены, когда ее раздавил пресс. А они, без сомнения, были так поглощены погоней за вами, что не заметили огня вовремя. А теперь взгляните

в толпу зевак, нет ли среди них ваших ночных друзей? Хотя боюсь, что они сейчас уже в добрых ста милях отсюда.

И опасения Холмса полностью оправдались. С того дня и по этот мы ничего не слышали ни о красавице, ни о зловещем немце, ни об угрюмом англичанине. В тот день рано утром некий фермер видел, как повозка с несколькими людьми и громоздкими ящиками быстро катила в сторону Ридинга, но затем все следы беглецов затерялись, и даже искусство Холмса не помогло обнаружить хотя бы намек на то, где они могли бы находиться сейчас.

Пожарных ввергло в большое недоумение странное устройство, которое они обнаружили внутри здания, и в еще большее – недавно обрубленный человеческий большой палец, найденный на подоконнике одного из окон третьего этажа. Впрочем, к закату их усилия увенчались успехом и они наконец совладали с огнем, но не прежде, чем провалилась крыша и здание превратилось в такие руины, что кроме нескольких искореженных цилиндров да железных труб от машины, осмотр которой обошелся так дорого нашему злополучному знакомому, от него и следа не осталось. В сарае были найдены большие запасы никеля и олова, но ни единой монеты, чем, возможно, объяснялось наличие в повозке громоздких ящиков, которые упоминались выше.

Каким образом инженер-гидравлик оказался вместо сада под живой изгородью, могло бы навсегда остаться тайной, если бы не мягкая земля, поведавшая нам очень простую историю. Очевидно, его перенесли туда два человека, у одного из которых были поразительно маленькие ступни, а у другого – поразительно большие. Короче говоря, наиболее правдоподобным представляется, что молчаливый англичанин, будучи не таким смелым или же не таким кровожадным, как его товарищ, помог женщине отнести бесчувственного инженера подальше от опасности.

– Ну, – грустно сказал наш инженер, когда мы сели в поезд, чтобы вернуться в Лондон, – дело обернулось для меня лучше некуда! Я потерял большой палец, потерял пятьдесят гиней вознаграждения, а что я получил взамен?

– Опыт, – сказал Холмс, засмеявшись. – И косвенно, знаете ли, он может оказаться очень ценным: вам стоит только облечь его в слова, чтобы приобрести репутацию превосходного застольного собеседника до конца ваших дней.

Приключение знатного холостяка

Женитьба лорда Саймона и ее странный конец уже давно перестали вызывать интерес в высоких сферах, где вращается злополучный новобрачный. Новые скандалы затмили этот, и их более пикантные подробности вытеснили из памяти сплетников драму четырехлетней давности. Однако у меня есть основания полагать, что далеко не все факты известны широкой публике, а поскольку мой друг Шерлок Холмс внес значительную лепту в раскрытие произошедшего, я чувствую, что воспоминания о нем останутся неполными без рассказа об этом примечательном эпизоде.

За несколько недель до моего собственного брака, в те дни, когда я еще делил с Холмсом квартиру на Бейкер-стрит, он вернулся под вечер с прогулки и нашел на столе ожидающее его письмо. Сам я весь день никуда не выходил, так как погода внезапно переменялась, полил дождь, задули сильные осенние ветры и пуля фанатика, которую я привез с собой на память о моей афганской кампании в одной из моих конечностей, напомнила о себе непреходящей ноющей болью. Устроив тело поудобнее в одном кресле, а ноги в другом, я окружил себя валом газет, но потом, насытившись злободневными новостями, отбросил газеты и лениво уставился на внушительный герб с монограммой, украшавший конверт на столе, рассеянно прикидывая, кем может оказаться знатный корреспондент моего друга.

– Вот очень светская эпистола, – сказал я, когда он вошел. – Ваша утренняя почта, если память мне не изменяет, исчерпывалась письмом рыбника и еще портового таможенника.

– Да, моя корреспонденция, бесспорно, чарует разнообразием, – ответил он с улыбкой, – и наиболее скромные авторы писем обычно оказываются наиболее интересными. А это смахивает на одно из приглашений либо зевать от скуки, либо лгать.

Он сломал печать и просмотрел письмо.

– Нет, это, собственно, может оказаться и любопытным.

– Не светское приглашение?

– Отнюдь, сугубо профессиональное.

– И от знатного клиента?

– От одного из знатнейших в Англии.

– Дорогой мой, примите мои поздравления.

– Уверяю вас, Ватсон, без малейшего притворства, что статус моего клиента значит для меня куда меньше интересности его дела. Однако все-таки не исключаю, что в этом расследовании и первого достаточно с избытком. Вы ведь последнее время усердно читали газеты, не так ли?

– Похоже на то, – сказал я не без грусти, указывая на большой ворох в углу. – Мне ведь больше нечем заняться.

– Очень удачно, так как, вероятно, вы сможете ввести меня в курс. Я ведь читаю только криминальную хронику и столбцы с личными объявлениями. Последние всегда очень поучительны. Но если вы так усердно следили за свежими новостями, то, конечно, читали про лорда Сент-Саймона и его женитьбу?

– О да, и с величайшим интересом.

– Отлично. Письмо в моей руке – от лорда Сент-Саймона. Я вам его прочту, а взамен вы должны пролистать эти газеты и найти для меня все, что имеет отношение к этому делу. Вот что он пишет:

*«Дорогой мистер Шерлок Холмс,
лорд Бэкуотер заверил меня, что я могу полностью положиться
на ваши суждения и конфиденциальность. Поэтому я решил посетить*

вас и посоветоваться с вами касательно крайне тягостного события, произошедшего в связи с моим браком. Мистер Лестрейд из Скотленд-Ярда уже ведет это дело, но он заверил меня, что не имеет ничего против вашего сотрудничества и даже полагает, что оно может оказаться полезным. Я заеду в четыре часа и, если у вас на указанное время что-то назначено, надеюсь, вы отложите это дело, поскольку мое имеет первостепенную важность.

*Искренне ваш,
Роберт Сент-Саймон».*

– Отправлено из Гросвенор-Мейсонс, написано гусиным пером, и высокородный лорд имел несчастье выпачкать чернилами внешнюю сторону правого мизинца, – заметил Холмс, складывая письмо.

– Он назвал четыре часа. Сейчас три. Он приедет через час.

– Значит, с вашей помощью у меня достанет времени исчерпывающе ознакомиться с делом. Перелистайте газеты и расположите статьи и заметки в хронологическом порядке, пока я посмотрю, кто такой наш клиент.

С полки со справочниками возле камина он взял толстый том в красном переплете.

– Вот он, – сказал Холмс, садясь и раскрывая книгу на колене. – «Лорд Роберт Уолсингем де Вир Сент-Саймон, второй сын герцога Бальморальского... Хм! Герб: на лазурном поле три шара с шипами на черной перекладине. Родился в сорок шестом году». Ему сорок один – более чем зрелый возраст для брака. В одном из последних правительств был товарищем министра по делам колоний. Герцог, его отец, в свое время был министром иностранных дел. Они унаследовали кровь Плантагенетов по прямой линии и Тюдоров по женской. Ха! Ничего особо поучительного ни в чем этом нет. Думаю, мне следует обратиться к вам, Ватсон, за чем-либо более весомым.

– Мне нетрудно отыскивать требуемое, – ответил я, – так как факты совсем свежие, а случай этот меня поразил. Однако я побоялся ознакомить вас с ними, зная, что вы заняты расследованием и не любите отвлекаться.

– А, вы имеете в виду маленькую проблему с мебельным фургоном на Гросвенор-сквер. Полностью распутана, хотя, впрочем, все было очевидно с самого начала. Прошу, сообщите мне результаты ваших газетных розысков.

– Вот первая заметка, какую я сумел найти в светских новостях «Морнинг пост», в номере, вышедшем, как видите, несколько недель назад. «Намечается брак (говорится в ней), который, если слухи верны, будет заключен в ближайшем будущем между лордом Робертом Сент-Саймоном, вторым сыном герцога Бальморальского, и мисс Хетти Доран, единственной дочерью Алозия Дорана, эсквайра, из Сан-Франциско, Калиф., США». Это все.

– Сухо и исчерпывающе, – заметил Холмс, вытягивая к огню длинные худые ноги.

– Абзац в одной из светских газет от той же недели кое-что дополняет. А! Вот он:

«Вскоре наш брачный рынок потребует защиты, поскольку нынешний принцип свободной торговли вроде бы крайне неблагоприятен для нашего собственного продукта. Одно за другим управление аристократическими домами Великобритании переходит в руки наших прелестных кузин из-за Атлантического океана. В прошлую неделю список трофеев, которые достались очаровательным завоевательницам, существенно пополнился. Лорд Сент-Саймон, который более двадцати лет противостоял стрелам маленького бога, теперь безоговорочно объявил о своем браке в ближайшем будущем с мисс Хетти Доран, обворожительной дочерью калифорнийского миллионера. Мисс Доран, чья грациозная фигура и несравненное личико привлекали особое внимание на празднествах в Вестбери-хаусе, единственный ребенок, и, по последним данным, ее приданое заметно превысит шесть цифр и с надеждами на

будущее. Поскольку давно не секрет, что герцог Бальморальский последние годы был вынужден продавать свои картины, а так как у лорда Сент-Саймона личного состояния нет, если не считать маленького поместья Берчмур, совершенно очевидно, что не только калифорнийская наследница получит выгоду от союза, который легко и просто превратит ее из республиканской девицы в даму с британским титулом».

– Что-нибудь еще? – спросил Холмс, позевывая.

– О да, и очень много. Еще заметка в «Морнинг пост» с сообщением, что бракосочетание состоится в церкви Святого Георгия на Ганновер-сквер без всякого шума: приглашены будут лишь пять-шесть самых близких друзей, и после церемонии общество отбудет в обмоблированный дом, снятый мистером Алозией Дораном в Ланкастер-Гейт. Два дня спустя, то есть в прошлую среду, имеется краткое извещение, что бракосочетание состоялось и медовый месяц будет проведен в имении лорда Бэкуотера вблизи Питерсфилда. Вот и все заметки, печатавшиеся до исчезновения новобрачной.

– До чего? – переспросил Холмс, вздрогнув от неожиданности.

– До исчезновения новобрачной.

– Так когда же она исчезла?

– Во время свадебного завтрака.

– Вот как! Это более интересно, чем казалось, весьма драматично, собственно говоря.

– Да, мне тоже это представилось несколько неординарным.

– Они часто исчезают перед церемонией и порой во время медового месяца, но не могу вспомнить ничего сходного. Прошу, сообщите мне подробности.

– Должен предупредить вас, они далеко не полны.

– Быть может, нам удастся их пополнить.

– Они, насколько мне известно, изложены в единственной статье вчерашней утренней газеты, и я вам ее прочту. Она озаглавлена «Нежданное происшествие на светской свадьбе».

«Семья лорда Роберта Сент-Саймона была ввергнута в величайшее замешательство из-за непонятного и скандального эпизода, связанного с его бракосочетанием. Церемония, как кратко сообщалось во вчерашних газетах, совершилась накануне утром, но лишь теперь оказалось возможным подтвердить истинность столь упорных слухов. Вопреки попыткам друзей замять дело, оно привлекло такое внимание широкой публики, что было бы бессмысленным игнорировать то, что стало темой всеобщих обсуждений.

Обряд был совершен в церкви Святого Георгия, Ганновер-сквер, в весьма скромной обстановке. Присутствовали только отец невесты мистер Алозий Доран, герцогиня Бальморальская, лорд Бэкуотер, лорд Юстес и леди Алисия Уиттингтон. Затем все общество проследовало в дом мистера Алозия Дорана в Ланкастер-Гейт, где был приготовлен завтрак. Видимо, возникла некоторая суматоха из-за женщины, чье имя установлено не было, которая пыталась ворваться в дом следом за новобрачными и гостями, утверждая, будто у нее есть права на лорда Сент-Саймона. Дворецкому и лакею удалось выгнать ее только после крайне неприятной и долгой сцены. Новобрачная, которая, к счастью, вошла в дом до этого неприятного эпизода, села за стол вместе с остальными, но затем пожаловалась на неожиданное недомогание и удалилась в свою комнату. Ее долгое отсутствие вызвало недоуменные замечания, и отец пошел за ней, но узнал от горничной, что она забежала к себе в комнату лишь на минуту, схватила пальто и шляпку и торопливо спустилась в коридор. Один из лакеев заявил, что видел, как из двери вышла дама, одетая именно так, но отказался поверить, будто это была его госпожа, полагая, что она сидит за столом с гостями. Убедившись, что его дочь исчезла, мистер Алозий Доран и новобрачный немедленно связались с полицией, и были предприняты энергичнейшие розыски, которые, вероятно, приведут к незамедлительному разъяснению этого крайне

необычного происшествия. Однако до позднего часа прошлой ночи узнать что-либо о местонахождении пропавшей леди не удалось. Ходят слухи о возможном преступлении, и говорят, что полиция сумела арестовать женщину, ставшую причиной первоначального беспорядка, в уверенности, что из ревности или каких-либо других побуждений она могла оказаться замешанной в непонятном исчезновении новобрачной».

– И это все?

– Только еще одна маленькая заметка в еще одной из утренних газет, но дающая пищу для размышления.

– А именно?

– Что мисс Флора Миллар, леди, вызвавшая беспорядок, действительно была арестована. Видимо, прежде она была *danceuse*⁷ в «Аллегро» и несколько лет водила знакомство с новобрачным. Никаких других подробностей, и все дело теперь в ваших руках – в той мере, в какой его осветили газеты.

– И выглядит оно чрезвычайно интересным, я ни за что на свете не захотел бы его упустить. Но в дверь звонят, Ватсон, а часы показывают начало пятого, так что, не сомневаюсь, это наш знатный клиент. И не думайте уйти, Ватсон, так как мне нужен свидетель, хотя бы для проверки моей памяти.

– Лорд Роберт Сент-Саймон, – доложил наш юный слуга, распахивая дверь. Вошел джентльмен с приятным благородным лицом, орлиным носом и бледный, но, пожалуй, с некоторой брюзгливостью в складке губ и со спокойным открытым взглядом человека, кому выпал приятный жребий повелевать и видеть мгновенное повиновение. Манера держаться выглядела энергичной, однако его внешность производила неожиданное впечатление состаривания, так как выглядел он слегка согбенным, а колени его при ходьбе чуть подгибались. И его волосы, когда он снял цилиндр с круто загнутыми полями, оказались заметно подернутыми сединой на висках и заметно поредевшими на макушке. Что до его одежды, то она была элегантно на грани франтовства. Стоячий воротничок, черный сюртук, белый жилет, желтые перчатки, лакированные штиблеты и светлые гамаши. В комнату он вошел медленно, поворачивая голову слева направо, а правой рукой покачивая шнурок с пенсне в золотой оправе.

– Добрый день, лорд Сент-Саймон, – сказал Холмс, вставая и кланяясь. – Прошу, сядьте в плетеное кресло. Это мой друг и коллега доктор Ватсон. Придвиньтесь к огню, и мы обсудим ваше дело.

– Крайне тягостное дело для меня, как вы легко можете представить себе, мистер Холмс. Я просто сражен. Насколько понимаю, сэр, вы уже распутали несколько щепетильных дел такого порядка, хотя, полагаю, они вряд ли имели место в столь высоких сферах общества.

– Нет, я снисхожу.

– Прошу прощения?

– Моим последним клиентом в такого рода деле был король.

– Неужели? Я понятия не имел. А какой король?

– Король Скандинавии.

– Как! Он потерял жену?

– Вы, конечно, понимаете, – сказал Холмс, невозмутимо любезный, – что делам моим другим клиентам я обеспечиваю ту же секретность, какую обещаю вам в вашем.

– Разумеется! Именно так! Именно так! Прошу извинить меня. Что до моего дела, я готов дать любые сведения, которые могут поспособствовать вам прийти к заключению.

⁷ Танцовщица (*фр.*).

– Благодарю вас. Я уже знаю все, что было в газетах, но не больше. Полагаю, я могу считать эти сведения точными – вот эту статью, например, – в том, что касается исчезновения новобрачной.

Лорд Сент-Саймон просмотрел статью.

– Да, в определенных пределах она достаточно точна.

– Но требует много пополнений, прежде чем можно будет составить какое-либо мнение.

Думаю, получить необходимые факты проще всего, прямо задавая вам вопросы.

– Прошу вас.

– Когда вы познакомились с мисс Хэтти Доран?

– В Сан-Франциско год назад.

– Вы путешествовали по Штатам?

– Да.

– И были помолвлены тогда же?

– Нет.

– Но были с ней в дружеских отношениях?

– Ее общество меня приятно развлекало, и она это видела.

– Ее отец очень богат?

– Говорят, он самый богатый человек в Калифорнии, и не только.

– И как он нажил свои деньги?

– Золотоискательством. Несколько лет назад у него не было ничего. Затем он отыскал золото, удачно вложил полученные деньги и стремительно разбогател.

– Какое впечатление сложилось у вас о характере юной барышни... То есть вашей жены?

Высокородный лорд начал раскачивать пенсне чуть быстрее и уставился в огонь.

– Видите ли, мистер Холмс, – сказал он, – моей жене было уже двадцать, когда ее отец разбогател. До этого она жила вольно в лагере старателей, бродила по лесам и горам, так что наставницей ее была Природа, а не школьные учительницы. Она, как мы в Англии выражаемся, сорванец, с сильной натурой, необузданной и свободной. И порывистая – вулканически, хотел я сказать. Быстра в решениях и бесстрашна в исполнении своих намерений. С другой стороны, я бы не дал ей имя, которое имею высокую честь носить, – он величественно кашлянул, – если бы не был убежден в ее внутреннем благородстве. Я верю, что она способна на героическое самопожертвование и что-либо бесчестное было бы ей отвратительно.

– У вас есть ее фотография?

– Я захватил с собой вот это. – Он открыл медальон и показал нам лицо в анфас очень красивой женщины. Это была не фотография, а миниатюра из слоновой кости, и художник эффектно запечатлел пышные черные волосы, большие темные глаза и очаровательные губы. Холмс долго и внимательно изучал миниатюру. Затем закрыл медальон и вернул его лорду Сент-Саймону.

– Следовательно, юная леди приехала в Лондон и вы возобновили знакомство?

– Да, ее отец привез ее на этот лондонский сезон. Я несколько раз встречался с ней, просил ее руки и теперь стал ее мужем.

– Насколько я понял, она получила внушительное приданое?

– Достаточное. Не более чем обычно для моей семьи.

– И оно, разумеется, останется у вас, поскольку брак – *fait accompli*?⁸

– Право, я не наводил справок касательно этого.

– О, вполне естественно. Вы видели мисс Доран накануне свадьбы?

– Да.

– Она была в хорошем настроении?

⁸ Сверхившийся факт (*фр.*).

- Прекрасном. И все время говорила о том, как мы устроим наши жизни в дальнейшем.
- Да? Очень интересно. А утром в день свадьбы?
- Веселой, насколько возможно. Во всяком случае, перед венчанием.
- Но тогда вы заметили в ней какую-либо перемену?
- Ну, правду говоря, я впервые заметил некоторую резкость и неуживчивость в ее характере. Однако причина была слишком тривиальной, чтобы касаться ее сейчас, и никакого отношения к случившемуся иметь не может.
- Тем не менее, прошу, расскажите.
- Просто ребячество. Она уронила букет, когда мы шли к ризнице. В тот момент она проходила мимо передней скамьи, и букет упал за ограду. Произошла секундная задержка, но сидевший там джентльмен тут же протянул ей букет, который нисколько не пострадал. И все-таки, когда я упомянул ей о случившемся, она ответила мне крайне резко, а в карете по пути домой она выглядела нелепо взволнованной из-за такого пустяка.
- Так-так. Вы сказали, что на скамье сидел некий джентльмен. Следовательно, в церкви были и посторонние?
- Да-да. Когда церковь открыта, избавиться от них невозможно.
- Джентльмен этот не принадлежал к друзьям вашей супруги?
- Отнюдь нет. Джентльменом я назвал его из вежливости, но, судя по виду, он принадлежал к низшему сословию. И никакого внимания я на его внешность не обратил. Но, право, мне кажется, мы далеко уклонились от темы.
- Следовательно, леди Сент-Саймон после венчания была уже не в столь веселом настроении, в каком отправилась в церковь. Что она сделала, когда вошла в дом отца?
- Я видел, как она говорила со своей горничной.
- А ее горничная?
- Зовут ее Элис. Она американка и приехала с ней из Калифорнии.
- Доверенная служанка?
- Пожалуй, даже слишком. Мне казалось, ее госпожа разрешает ей всякие фамильярности. Но, разумеется, в Америке они глядят на это по-другому.
- И долго она разговаривала с этой Элис?
- О, несколько минут. Я думал о своем.
- Вы не расслышали, о чем они говорили?
- Леди Сент-Саймон сказала что-то вроде «слямзить заявку». У нее была манера пользоваться жаргоном такого рода. Я понятия не имею, что она подразумевала.
- Американский жаргон иногда очень выразителен. И что сделала ваша супруга, кончив говорить с горничной?
- Вошла в утреннюю столовую.
- Опираясь на вашу руку?
- Нет, одна. В подобных пустяках она вела себя своенравно. Затем, когда мы сели за стол, она минут через десять торопливо встала и, пробормотав какое-то извинение, покинула столовую. И не вернулась.
- Но эта горничная, Элис, насколько я понял, показала, что она поднялась в свою комнату, надела длинное пальто поверх подвенечного платья, надела шляпку и ушла.
- Совершенно верно. Затем видели, как она вошла в Гайд-парк с Флорой Миллар, женщиной, которая теперь арестована, а утром бесчинствовала в доме мистера Дорана.
- А, да! Мне бы хотелось узнать некоторые подробности об этой молодой женщине и ваших отношениях с ней.
- Лорд Саймон пожал плечами и поднял брови.
- Несколько лет мы были на дружеской ноге, могу даже сказать, на очень дружеской. Она подвизалась в «Аллегро». Я был к ней добр, и у нее нет оснований жаловаться на меня, но

вы знаете женщин, мистер Шерлок Холмс. Флора – милая малютка, но очень горячего нрава и чрезвычайно привязалась ко мне. Прослышав, что я намерен жениться, она посылала мне ужасные письма, и, правду сказать, причиной, почему я решил обставить бракосочетание столь скромно, были опасения скандала в церкви. У дверей мистера Дорана она появилась сразу же после нашего возвращения и попыталась прорваться внутрь, употребляя ругательные выражения по адресу моей жены и даже угрожая ей, но я предвидел возможность чего-то подобного и отдал соответствующие распоряжения слугам, которые незамедлительно вытолкали ее на улицу. Она затихла, когда поняла, что нет смысла поднимать шум.

– Ваша супруга слышала все это?

– Слава богу, нет.

– А потом видели, как она шла с этой самой женщиной?

– Да. Именно это мистер Лестрейд из Скотленд-Ярда считает крайне серьезным. Предполагается, что Флора выманила мою жену на улицу и заманила в какую-то ужасную ловушку.

– Ну, такое предположение напрашивается.

– Вы тоже так считаете?

– Я ведь не сказал, что это вероятно. И вам самому оно правдоподобным ведь не кажется?

– Я не думаю, что Флора способна причинить вред и мухе.

– Однако ревность воздействует на характеры странным образом. Скажите, какую теорию составили вы о происшедшем?

– Ну, собственно, я пришел в поисках теории, а не с тем, чтобы ее предлагать. Я сообщил вам все факты. Но раз уж вы спросили, пожалуй, скажу, что, на мой взгляд, предсвадебные волнения, сознание, что она внезапно вознеслась так высоко социально, могли вызвать у моей жены некоторое нервное расстройство.

– Короче говоря, она внезапно помешалась?

– Ну, право, когда я думаю, от чего она отвернулась, то есть не от меня, но от столь многого, чего столь многие безуспешно домогались, иного объяснения я не нахожу.

– Что же, безусловно, это также вполне возможная гипотеза, – сказал Холмс с улыбкой. – А теперь, лорд Сент-Саймон, думаю, я получил почти все требующиеся мне данные. Разрешите спросить: сидя за столом в утренней столовой, вы могли смотреть в окно?

– Нам были видны другая сторона улицы и парк.

– Так-так. Ну, думается, мне долгие не требуется вас задерживать. Я свяжусь с вами.

– Если вам улыбнется удача разгадать эту загадку, – сказал наш клиент, вставая.

– Я ее уже разгадал.

– Э? Что-что?

– Я сказал, что уже разгадал ее.

– В таком случае где сейчас моя жена?

– Эту деталь я скоро выясню.

Лорд Сент-Саймон покачал головой.

– Боюсь, для этого потребуются более мудрые головы, чем ваша или моя, – сказал он, поклонился величавым старомодным поклоном и удалился.

– Как любезно со стороны лорда Сент-Саймона почтить мою голову, поставив ее на один уровень со своей, – сказал Шерлок Холмс со смехом. – После этих расспросов я могу позволить себе виски с содовой и сигару. Свое заключение об этом деле я составил еще до того, как наш клиент вошел сюда.

– Мой дорогой Холмс!

– У меня есть заметки о нескольких сходных делах, как я уже упомянул, но ни одно не раскрывалось так быстро. Целью моих расспросов было превратить мое предположение в уверенность. Косвенные улики бывают крайне убедительны, ну, как обнаруженная в молоке

форель, если процитировать пример Торо, наводит на мысль, что фермер помогал увеличивать надой своих коров.

– Но я же слышал все, что слышали вы.

– Только ничего не зная о предыдущих случаях, которые так хорошо послужили мне. Несколько лет назад в Абердине произошло нечто схожее, и нечто параллельное в Мюнхене год спустя после Франко-прусской войны, и это тот случай... но никак Лестрейд! Добрый день, Лестрейд! На буфете вы найдете еще один стаканчик, а сигары вон в той коробке.

Шотландярдонец был облачен в бушлат, который вместе с шарфом на шее придавал ему моряцкий облик. В руке он держал черную парусиновую сумку. Коротко поздоровавшись, он сел и закурил предложенную ему сигару.

– Что такое? – спросил Холмс с веселыми искорками в глазах. – Вид у вас не слишком довольный.

– Я и недоволен. Это чертовое дело с браком Сент-Саймона. Ничего в нем понять невозможно.

– Неужели? Вы меня удивляете.

– Кто когда-либо слышал о таком запутанном деле? Любая улика словно тут же ускользает у меня между пальцами. Я весь день с ним мучился.

– И сильно промокли как будто, – сказал Холмс, положив ладонь на рукав бушлата.

– Да, пришлось пошарить драгой по дну Серпентайн.

– Во имя всего святого, зачем?

– В поисках трупа леди Сент-Саймон.

Холмс откинулся на спинку кресла и захохотал.

– А вы не поерзали драгой в фонтане на Трафальгарской площади? – осведомился он.

– Зачем? Что вы имеете в виду?

– Затем, что у вас было ровно столько же шансов найти эту леди там или там.

Лестрейд бросил на моего товарища злобный взгляд.

– Полагаю, вам все досконально известно об этом деле? – огрызнулся он.

– Ну, факты я услышал только что, хотя выводы уже сделал прежде.

– Ах так! Значит, вы думаете, что Серпентайн никакой роли в этом деле не играет?

– Думаю, это весьма маловероятно.

– Так не будете ли вы столь любезны объяснить, почему мы нашли там вот это? – Тут он открыл сумку и вывалил на пол подвенечное платье из блестящего узорчатого шелка, пару белых атласных туфель, а также венок и фату невесты, все грязное и намокшее.

– Вот! – сказал он, кладя сверху этой груды новое обручальное кольцо. – Вот орешек, чтобы вы его раскололи, мистер Холмс.

– Да неужели? – сказал мой друг, посылая к потолку сизые кольца дыма. – Выгребли из Серпентайн?

– Нет, их нашел плавающими у берега парковый сторож. Ее одежду опознали, и я предположил, что где одежда, там будет и тело.

– Согласно столь блистательному логическому построению, тело каждого человека должно находиться возле его гардероба. Скажите, и что вы надеялись обрести с их помощью?

– Какие-нибудь улики, указывающие на причастность Флоры Миллар к этому исчезновению.

– Боюсь, вы убедитесь, что это слишком трудно.

– Ах вот как! – вскричал Лестрейд с некоторой злостью. – А я боюсь, Холмс, что ваши дедукции и выводы не слишком-то практичны. Вы допустили два промаха за такое же количество минут. Это платье доказывает причастность мисс Флоры Миллар.

– Каким образом?

– У платья есть карман. В кармане футляр для карточек. В футляре записка. И вот эта самая записка. – Он шлепнул ее на стол перед собой. – Так слушайте: «Увидишь меня, когда все будет готово. Приди немедленно. Ф.Х.М.». Ну-с, с самого начала моя теория заключалась в том, что леди Сент-Саймон была выманена в парк Флорой Миллар, которая, без сомнения, с помощью сообщников и устроила ее исчезновение. Вот подписанная ее инициалами та самая записка, которая, без сомнения, была всунута ей в руку в дверях и которая привела ее к ним.

– Превосходно, Лестрейд, – сказал Холмс со смехом. – Нет, вы правда неподражаемы. Дайте-ка мне взглянуть. – Он небрежно взял листок, однако сразу же сосредоточился и испустил удовлетворенное восклицание. – Она действительно имеет большое значение.

– Ха! Вы так думаете?

– Огромное. От души вас поздравляю.

Лестрейд торжествующе вскочил и, нагнув голову, поглядел на листок.

– Так вы же, – взвизгнул он, – смотрите не на ту сторону!

– Как раз на ту.

– На ту? Вы с ума сошли! Записка же написана карандашом вот тут!

– А с этой стороны как будто часть счета отеля, и он меня очень интересует.

– Там же ничего нет. Я уже смотрел, – сказал Лестрейд. – «Окт. четвертого, номер восемь ш., завтрак два ш. шесть п., коктейль один ш., ланч два ш. шесть п., стакан хереса восемь п.». Ничего примечательного я тут не вижу.

– Очень возможно. И все-таки листок этот крайне важен. Что до записки, она тоже важна, во всяком случае инициалы, так что еще раз поздравляю вас.

– Я больше не могу тратить время зря, – сказал Лестрейд, вставая. – Я верю в усердную работу, а не в посиживание у камина и выдумывание умных теорий. Всего доброго, мистер Холмс, и мы увидим, кто первым разберется с этим делом. – Он сгреб вещи, сунул их в сумку и направился к двери.

– Еще один намек вам, Лестрейд, – протянул Холмс прежде, чем его соперник вышел. – Я объясню вам истинную подоплеку. Леди Сент-Саймон – миф. Такой женщины нет и никогда не было.

Лестрейд посмотрел на моего друга с грустным сочувствием. Затем повернулся ко мне, трижды постучал себя по лбу, скорбно покачал головой и быстро вышел за дверь.

Не успел он закрыть ее за собой, как Холмс встал и надел пальто.

– В том, что этот субъект говорит о работе на свежем воздухе, что-то есть, – заметил он. – Поэтому, думается, Ватсон, мне придется на время оставить вас вашим газетам.

Шерлок Холмс ушел в начале шестого, но у меня не было времени соскучиться в одиночестве, так как и часа не прошло, как прибыл рассыльный из ресторана с очень большой коробкой. Он распаковал ее с помощью мальчика, которого привел с собой, и вскоре, к моему величайшему изумлению, на скромном обеденном столе нашей съемной квартиры был сервирован поистине эпикурейский холодный ужин. Десяток холодных вальдшнепов, фазан, *paté de foie gras*⁹ и батарея старинных, покрытых паутиной бутылок. Расставив по местам эти мечты гурмана, два моих посетителя исчезли, точно джинны из «Арабских ночей», без каких-либо объяснений, кроме упоминания, что за все заплачено с доставкой по этому адресу. Перед девятью Шерлок Холмс вошел в комнату энергичной походкой. Лицо его было серьезно, но глаза искрились, из чего я заключил, что он не обманулся в своих выводах.

– Значит, ужин они доставили, – сказал он, потирая руки.

– Видимо, вы ждете гостей. Они накрыли на пятерых.

– Да, думается, кое-кто заглянет к нам, – сказал он. – Я удивлен, что лорд Сент-Саймон еще не здесь. Ха! По-моему, я слышу на лестнице его шаги.

⁹ Паштет из гусиной печени (*фр.*).

И действительно, в дверь торопливо вошел наш дневной посетитель, раскачивая пенсне на шнурке еще энергичнее, чем раньше, и с очень встревоженным выражением на аристократическом лице.

– Значит, мой посыльный вас нашел? – сказал Холмс.

– Да, и, признаюсь, содержание вашей записки меня просто поразило. У вас есть весомые доказательства того, что вы утверждаете?

– Весомее быть не может.

Лорд Сент-Саймон рухнул в кресло и провел ладонью по лбу.

– Что скажет герцог, – пробормотал он, – когда узнает, что члена его семьи подвергли подобному унижению?

– Но это же чистейшая случайность. И я уверен, что ни о каком унижении и речи нет.

– Но вы смотрите на это с другой точки зрения.

– Не вижу, кого можно хоть в чем-то винить. Не представляю себе, как иначе могла поступить леди, хотя о скоропалительности ее решения нельзя не пожалеть. Но у нее же нет матери и не к кому было обратиться за советом в подобной критической ситуации.

– Это было оскорблением, сэр, публичным оскорблением, – сказал лорд Сент-Саймон, барабанив пальцами по столу.

– Вы должны быть снисходительны к бедной девушке, оказавшейся в столь беспрецедентном положении.

– О снисходительности нет и речи. Я в большом гневе, и со мной обошлись недопустимым образом.

– По-моему, я слышал звонок, – сказал Холмс. – Да, шаги на площадке лестницы. Если мне не удалось убедить вас посмотреть на это дело мягче, лорд Сент-Саймон, то вот адвокат, который может преуспеть лучше меня. – Он открыл дверь и пригласил войти даму и джентльмена. – Лорд Сент-Саймон, – сказал он, – разрешите представить вам мистера и миссис Фрэнсис Хей Мултон. С дамой, думаю, вы уже знакомы.

При виде вошедших наш клиент вскочил с кресла и выпрямился во весь рост, опустив глаза и засунув руку за борт сюртука – воплощение оскорбленного достоинства. Дама быстро шагнула вперед и протянула ему руку, но он не пожелал поднять глаз. Пожалуй, так было лучше для его решимости, потому что устоять против умоляющего выражения ее прелестного лица было трудно.

– Вы сердитесь, Роберт, – сказала она. – Ну да, у вас для этого есть все причины.

– Прошу, не приносите мне извинений, – сказал лорд Сент-Саймон с горечью.

– Нет-нет. Я знаю, что обошлась с вами очень плохо и мне следовало поговорить с вами, прежде чем уйти, но я была в таком расстройстве, ведь едва я увидела Фрэнка, вот его, снова, то просто не понимала, что делаю и что говорю. Понять не могу, как я не хлопнулась без чувств перед алтарем.

– Может быть, миссис Мултон, вы предпочтете, чтобы мы с моим другом покинули комнату, пока вы будете объяснять, что произошло?

– Если я могу высказать мое мнение, – вмешался неизвестный джентльмен, – так мы уже сильно переборщили с секретностью. Сам я хотел бы, чтобы про это услышала вся Европа и вся Америка.

Он был невысоким, мускулистым и загорелым, с умным лицом и энергичной манерой держаться.

– Ну так я сразу расскажу нашу историю, – сказала леди. – Фрэнк, вот он, и я познакомились в восемьдесят первом в старательском лагере Маккуайра у Скалистых гор, где у папаши была заявка. Мы были помолвлены, Фрэнк и я, но тут папаша наткнулся на жилу, нагреб денег, а заявка бедняги Фрэнка осталась пустышкой. И чем папаша становился богаче, тем Фрэнк становился беднее, и под конец папаша больше слышать не хотел про нашу помолвку и увез

меня во Фриско. Только Фрэнк не отступился и поехал за мной туда и виделся со мной, а папаша и не знал ничего. Он только взбесился бы, если б узнал, а потому мы должны были сами все устроить. Фрэнк сказал, что опять возьмется за дело и тоже разбогатеет и что не вернется жениться на мне, пока не будет богат не хуже папаша. Ну, тогда я обещала, что буду ждать его до скончания века, и обещала ни за кого другого не выходить, пока он жив. «Так почему бы нам в таком случае не пожениться прямо сейчас? – сказал он. – И тогда я буду уверен в тебе, хотя не буду называться твоим мужем, пока не вернусь». Ну, мы все обсудили, а он даже заранее обговорил это дело со священником, и тот нас уже ждал, так что мы тут же и поженились, а потом Фрэнк отправился ловить свою удачу, а я вернулась домой к папаше.

Затем я получила весточку от Фрэнка из Монтаны, а оттуда он отправился искать золото в Аризоне, а потом я получила весточку от него из Нью-Мексико. А потом в газете была напечатана длинная история, как на лагерь старателей напали индейцы апачи, и среди убитых назвали моего Фрэнка. Я упала без чувств, а потом много месяцев болела. Папаша подумал, что у меня чахотка, и показывал меня всем докторам во Фриско. Больше года никаких вестей не приходило, и я верила, что Фрэнк взаправду мертв. А тут во Фриско приехал лорд Сент-Саймон, и мы поехали в Лондон, и брак был решен, и папаша был страшно доволен, но я все время чувствовала, что никому на земле никогда не занять у меня в сердце место, отданное моему бедному Фрэнку.

Тем не менее, выйди я за лорда Сент-Саймона, то, конечно же, свято исполняла бы долг его жены. Над нашей любовью мы не властны, но можем управлять своими поступками. Я шла с ним к алтарю в полной решимости быть ему настолько хорошей женой, насколько в моих силах. Но вообразите, что я почувствовала, когда, подходя к алтарной ограде, я оглянулась и увидела, что у первой скамьи стоит Фрэнк и смотрит на меня. Сперва я было подумала, что вижу его призрак, но посмотрела опять, а он все стоит там и смотрит на меня с вопросом в глазах, будто спрашивая меня, рада я ему или не рада. Не понимаю, как я не хлопнулась в обморок. Помню, все закружилось, а слова священника были будто жужжание пчелы у меня в ушах. Я не знала, что делать. Остановить обряд и устроить сцену в церкви? Я опять поглядела на него, а он словно понимал, о чем я думаю, потому что прижал палец к губам, показывая, чтоб я молчала. Тут я увидела, что он пишет что-то на листке бумаги, и поняла, что пишет он записку мне. И по пути наружу я, проходя мимо его скамьи, уронила букет рядом с ним, и он сунул записку мне в руку, когда отдавал цветы. Это была одна строчка с просьбой, чтобы я вышла к нему, когда он подаст мне знак. Конечно, я ни секунды не сомневалась, что теперь мой первый долг – перед ним, и решила делать все, что он мне укажет.

Когда я вошла в дом, то сразу все рассказала моей горничной, она ведь знала его в Калифорнии и всегда к нему хорошо относилась. Я велела ей никому ничего не говорить, а упаковать нужные вещи и приготовить мое длинное пальто. Я знаю, мне следовало бы поговорить с лордом Сент-Саймоном, да только это было жутко тяжело в присутствии его матери и всей этой знати. Я просто решила убежать, а все объяснить потом. Я и десяти минут за столом не просидела, когда увидела из окна Фрэнка на той стороне улицы. Он меня поманил и вошел в парк. Я выскользнула из столовой, надела пальто и шляпку и поспешила следом за ним. В парке ко мне подошла какая-то женщина и начала что-то говорить мне про лорда Сент-Саймона. Судя по тем немногим словам, которые я слышала, получалось, что у него перед свадьбой был свой секрет. Но я сумела от нее отделаться и скоро нагнала Фрэнка. Мы вместе сели в кеб и поехали на Гордон-сквер к дому, где он снял квартиру, ну, и это была настоящая моя свадьба после всех этих лет ожидания. Фрэнк попал в плен к апачам, спасся, вернулся во Фриско, узнал, что я поверила, будто он убит, и уехала в Англию, отправился за мной сюда и увидел меня в самое утро моей второй свадьбы.

– Я прочел об этом в газете, – объяснил американец. – Там были фамилия и название церкви, но адрес Хэтти не упоминался.

– Тут мы обсудили, что нам делать, и Фрэнк хотел, чтоб все было в открытую, только мне до того стыдно стало, и я почувствовала, что хочу исчезнуть и никого больше из них не видеть, разве что черкнуть папаше строчку, чтоб он знал, что я жива-здоровая. Жутко было думать, что все эти лорды и леди сидят за столом и ждут, когда я вернусь. Ну, Фрэнк связал в узел мое подвенечное платье и остальное, чтоб меня не выследили, и бросил в такое место, где их никто не нашел бы. Мы бы завтра, надо быть, в Париж уехали, да только этот добрый джентльмен, мистер Холмс, пришел к нам сегодня под вечер, хотя как он нас отыскал, ума не приложу, и объяснил нам очень ясно и по-хорошему, что я была не права, а прав был Фрэнк и что мы поставим себя в очень скверное положение, если будем скрывать. Потом обещал устроить так, чтобы мы могли поговорить с лордом Сент-Саймоном с глазу на глаз. Вот мы сразу и отправились к нему на квартиру. А теперь, Роберт, вы все знаете, а я очень жалею, если причинила вам боль, и надеюсь, что вы не будете думать обо мне очень уж плохо.

Суровость лорда Сент-Саймона отнюдь не смягчилась, пока он, хмуря брови, слушал со сжатыми губами этот длинный рассказ.

– Извините меня, – сказал он, – но не в моих привычках обсуждать мои самые личные и интимные дела столь публично.

– Значит, вы меня не простите? Не пожмете мне руки, прежде чем я уйду?

– О, разумеется, если это доставит вам удовольствие.

И он холодно пожал ее протянутую руку.

– Я надеялся, – вмешался Холмс, – что вы присоединитесь к нам за дружеским ужином.

– Думаю, ваше приглашение требует от меня слишком многого, – ответил его милость. –

Мне приходится принять такой поворот событий, но едва ли от меня можно требовать, чтобы я веселился по поводу произошедшего. Думаю, что, с вашего разрешения, я теперь пожелаю вам всем самой доброй ночи. – Он включил нас всех в один общий поклон и вышел из комнаты широким шагом.

– Ну, я надеюсь, что хотя бы вы окажете мне честь вашим присутствием, – сказал Шерлок Холмс. – Всегда так приятно встретиться с американцем, мистер Мултон. Я ведь принадлежу к тем, кто считает, что безрассудство монарха и неуклюжие действия министра в давние года не помешают нашим детям в один прекрасный день стать гражданами единой в полмира страны под флагом, соединившим Юнион Джек со Звездами и Полосами.

– Интересный случай, – заметил Холмс, когда наши гости нас покинули. – Он весьма наглядно показывает, каким простым может оказаться объяснение дела, на первый взгляд представляющегося абсолютно загадочным. Что может быть естественней последовательности событий, как ее излагала миссис Мултон, и в то же время более странным, чем исход дела, если взглянуть на него с точки зрения мистера Лестрейда из Скотленд-Ярда.

– Вы сами, значит, ни на секунду не заблуждались?

– С самого начала два факта представлялись мне абсолютно очевидными: во-первых, леди шла к алтарю весьма охотно, а во-вторых, она пожалела об этом, едва бракосочетание завершилось и она вернулась домой. Совершенно очевидно, что утром произошло нечто, изменившее ее взгляд на этот брак. Чем же было это нечто? Она, покинув дом, ни с кем говорить не могла, так как все время жених был рядом с ней. Значит, она кого-то увидела? Если так, то кого-то из Америки, поскольку здесь она пробыла слишком недолго и никто не мог приобрести над ней такую власть, что одного взгляда на него оказалось достаточно, чтобы вынудить ее изменить свои планы столь радикально. Как видите, методом исключения мы уже пришли к выводу, что увидеть она должна была американца. Далее, кем мог быть этот американец и почему он обладал такой властью над ней? Это мог быть любовник, это мог быть муж. Юность, как я знал, она провела в обстановке грубости и в своеобразных условиях. Вот чем я располагал до того, как выслушал рассказ лорда Сент-Саймона. Когда он сказал нам о мужчине на передней скамье, о перемене в новобрачной, о таком напрашивающемся способе получить записку,

уронив букет, о ее обращении за помощью к доверенной горничной и о ее столь многозначительном упоминании «слямзить заявку» – на жаргоне старателей это означает захват участка, на который уже есть права у кого-то еще, – ситуация стала абсолютно ясной. Она сбежала с мужчиной, и он был либо любовником, либо предыдущим мужем, причем второе выглядело более вероятным.

– Но каким образом вы их отыскивали?

– Это могло оказаться трудным, но друг Лестрейд держал нужные сведения в руке, даже не подозревая об их важности. Инициалы, конечно, были крайне важны, но даже еще ценнее было узнать, что на этой неделе носитель инициалов уплатил по счету одного из фешенебельнейших лондонских отелей.

– Каким образом вы вывели заключение о фешенебельности?

– По фешенебельным ценам. Восемь шиллингов за постель и восемь пенсов за стакан хереса указывали на очень дорогой отель. В Лондоне найдется немного отелей, заламывающих подобные цены. Во втором, который я посетил на Нотрумберленд-авеню, я узнал из регистрационной книги, что Фрэнсис Х. Мултон, американский джентльмен, съехал только накануне, и, просматривая дальнейшие записи под его фамилией, я нашел те же суммы, которые видел в копии счета. А письма ему предлагалось пересылать по адресу: двадцать два б, Гордон-сквер. Ну, я отправился туда и, к счастью, застал любящую парочку дома. Я осмелился дать им несколько отеческих советов и указал, что во всех отношениях будет лучше, если они прояснят ситуацию широкой публике вообще и лорду Сент-Саймону особенно. Я пригласил их встретиться с ним здесь и, как видите, сумел обеспечить, чтобы он приехал сюда.

– Но не с очень хорошим результатом, – заметил я. – Он вел себя не слишком-то любезно.

– Ах, Ватсон, – сказал Холмс с улыбкой, – быть может, и вы поутратили бы любезные манеры, если бы после всех беспокойств с ухаживанием и бракосочетанием вы обнаружили бы, что лишились и жены, и огромного состояния. Думаю, нам следует судить о лорде Сент-Саймоне посприходительнее и возблагодарить наши звезды, что нам вряд ли когда-нибудь придется попасть в такое положение. Придвиньте-ка кресло поближе и передайте мне мою скрипку, ведь единственная проблема, какую нам еще остается решить, – это найти способ, как коротать унылые осенние вечера.

Приключение в «Лесных Буках»

– Человек, любящий свое искусство ради искусства, – заметил Шерлок Холмс, отбрасывая «Дейли телеграф», развернутую на странице личных объявлений, – часто находит наибольшее удовольствие в наиболее незначительном и пустяковом поводе для его применения. Мне приятно заметить, Ватсон, что вы согласны с этой истиной, и в записях наших дел, которые вы столь любезно ведете, и приходится признать, порой их приукрашивая, предпочтение вы отдаете не столько многим знаменитым делам и сенсационным процессам, к которым я бывал причастен, но главным образом тем случаям, по сути, возможно, вполне тривиальным, но предлагавшим больше простора для дедукции и логического синтеза, составляющих мою особую специальность.

– И все же, – сказал я с улыбкой, – я не могу считать себя полностью невиновным в погоне за сенсационностью, которую ставили в упрек моим записям.

– Быть может, вы и погрешили, – сказал он, доставая щипцами из камина тлеющий уголек и раскуривая с его помощью длинную трубку вишневого дерева, сменявшую глиняную, когда он был склонен не к размышлениям, но к спорам. – Быть может, вы и погрешили, пытаясь вдохнуть красочность и живость в каждое свое утверждение вместо того, чтобы ограничиться задачей запечатлеть то неизбежное выводение следствия из причины, которое одно только и заслуживает внимания.

– По-моему, в этом смысле я полностью воздавал вам должное, – сказал я с некоторой холодностью, так как меня уязвил эгоизм, который, как я неоднократно замечал, был немалым фактором в уникальном характере моего друга.

– Нет, это не эгоизм и не тщеславность, – сказал он, отвечая по обыкновению на мои мысли, а не на слова. – Если я настаиваю на воздаянии должного моему искусству, то потому лишь, что оно менее всего личное, но нечто, существующее вне меня. Преступления обычны, логика – редкость. Вот почему вам следует сосредотачиваться на логике, а не на преступлении. Вы низвели то, чему следовало бы воплотиться в цикл лекций, до уровня побасенок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.